

Влада
Андреева

КОГДА
СБЫВАЮТСЯ
МЕЧТЫ

16+

Влада Андреева

Когда сбываются мечты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65491302

SelfPub; 2021

Аннотация

Валентина живет в деревне. Муж умер, дети разъехались. У нее непростые отношения со снохами и сыновьями. Да еще и сосед-профессор издевается над бедной женщиной. Единственное светлое пятно в Валиной жизни – это воспоминание о юношеской любви. Когда-то очень давно Сергей обещал женщине покатать ее на гондолах в Италии. Неожиданно прошлое врывается в Валину жизнь и меняет все вокруг.

Влада Андреева

Когда сбываются мечты

Глава 1

Новый день только начал пробиваться через замерзшее окно, а Валентина уже открыла глаза. Бледный еще мутный диск, появившийся над темной полоской леса за рекой, медленно скользил вверх. Холодное светило робко и осторожно ощупывало своими лучами мерзлую землю. Валентина невольно передернула плечами и снова закрыла глаза. Она привыкла просыпаться с восходом солнца и независимо от времени года практически с точностью до минуты могла сказать, который сейчас час. Вот и теперь, едва взглянув на просыпающееся солнце, она поняла, что времени восемь часов тридцать минут. Зная, что уже больше не уснет, Валентина все же полежала минут десять с закрытыми глазами. Лежала просто так, ни о чем не думая.

В кухне зашевелилась кошка. Она громко зевнула, спрыгнула с подоконника и, мяукая, резво побежала к Валентине. Валентина всегда удивлялась, как Мурка понимает, что она проснулась? Стоит только Валентине открыть глаза, даже если она не двигается и не производит никаких звуков, кошка тут же вскакивает и бежит к ней. Мурка запрыгнула на кро-

вать и начала тереться о бок хозяйки.

«Отстань! Дай поваляться. Успеешь еще поесть, потерпи!» Но кошка не собиралась мириться с Валентиниными капризами. Проснулась – корми животное, нечего просто так в постели валяться. В подтверждение серьезности своих намерений Мурка начала нападать на Валентину. Выгнув спину, она прыгнула хозяйке на грудь.

«Вот засранка! Ну, что с тобой поделаешь? Встаю». Поняв, что одержала победу, Мурка успокоилась, спрыгнула на пол и приступила к утренним процедурам: она с энтузиазмом начала вылизывать свою и без того шелковую шерстку.

Кошка появилась у Валентины год назад. Женщина шутила, что это был ее «новогодний подарок» от Деда Мороза. Тридцать первого декабря около полуночи Валентина услышала истошное мяуканье у себя под окном. Она, наспех накинув куртку, выбежала во двор. Худая грязная кошка сидела под фонарем и громко кричала, обращаясь прямо к Валентине. Это была настоящая мольба о помощи. Кошка как бы говорила ей: «Не видишь, умираю. Помоги!»

«Откуда ты тут взялась?», – удивилась Валентина и, быстро схватив животину, занесла ее в дом. С тех пор Мурка стала жить у Валентины. Она не любила улицу. Когда хозяйка открывала дверь и приглашала ее выйти погулять, Мурка демонстративно отворачивалась и, подняв хвост, отходила от двери. Даже летом она предпочитала лежать на подоконнике и смотреть в окно. Настрадавшись, Мурка боялась потерять

Валентину. За прошедший год кошка из облезлого непонятного существа превратилась в настоящую красавицу: гладкую, грациозную с лоснящейся шерстью.

Не спеша одевшись, Валентина вышла на кухню, включила чайник и посмотрела на часы. Так и есть: восемь часов пятьдесят минут.

Когда Валя была маленькой и просила маму завести будильник, чтобы не проспать, мама, улыбаясь, отвечала:

«Ну, что ты? Зачем будильник? Скажи мне, во сколько нужно встать, я тебя разбужу»

«А вдруг проспишь?»

«Глупенькая. У меня свой будильник работает. Вот тут», – и мама рукой дотрагивалась до груди, – «Захочешь – не проспишь. Не бойся».

И, действительно, мама будила свою Валечку тютелька в тютельку, как та и просила. Ни разу не проспала.

«Мам, как это у тебя получается?», – часто спрашивала Валентина.

«Поживешь с мое, и у тебя получится»

«Это почему?»

«Потому что жизнь заставит»

«А, может, не заставит?», – смеялась Валентина.

«Ну, дай Бог», – вздыхала мама и грустно улыбалась.

Тем временем чайник звонко засвистел. Мурка с нетерпением начала тереться о ногу хозяйки.

«Да все уже, сейчас завтракать будем».

Валентина открыла холодильник, окинула взглядом полупустые полки, затем она достала кастрюльку с гречкой и последнюю сосиску для Мурки. Разделив кашу на две равные части, Валя искрошила сосиску в кошкину миску. Сама съела гречку в прихлебку со сладким чаем. Наблюдая за тем, как Мурка с жадностью вылизывает остатки еды, Валентина сказала:

«Придется сегодня в магазин идти. Совсем у тебя ничего не осталось. Не хочется, конечно, морозно, но ты ведь не будешь на хлебе с водой сидеть?»

Мурка недовольно мяукнула, дернула хвостом и гордо удалилась с кухни.

«Я так и подумала», – крикнула ей вслед Валентина, – «Что ж, тогда надо бабе Зине позвонить и Натолию».

Валя взяла с полочки телефон, открыла ящик серванта и достала оттуда записную книжку. Она так и не научилась сохранять нужные номера в телефоне, все записывала в старенькую книжечку, которой было не менее тридцати лет. Папин подарок! Женщина бережно хранила ее и поэтому держала в целлофановом пакетике под всеми бумагами (чтобы внуки случайно не порвали). Надев очки, она медленно стала переворачивать пожелтевшие странички. Валентина прекрасно знала, в каком месте записан телефон бабы Зины, но ей нравился сам процесс перелистывания старых страниц. Она как будто осторожно, совсем слегка касалась прошлого, и это заставляло ее сердце стучать чуть быстрее.

Вот и сегодня она с любовью погладила потрепанную корочку, вздохнув, стряхнула невидимую пыль и начала переворачивать листочки. Как же поменялся ее почерк! Из быстрого, нетерпеливого и уверенного он превратился в какую-то непонятную каракатицу. Если раньше одинаковые по размеру буквы цеплялись друг за друга как петельки при ровной вязке, то теперь совершенно разные по высоте буквы, развалившиеся в разные стороны, представляли собой совершенно печальное зрелище. Еще раз вздохнув, Валентина нашла нужные цифры.

«Баба Зин, здравствуй! Это Валя. Как живешь? Как здоровье? Я в магазин собралась, что купить?»

«Да, куда ж тебя в такой-то мороз понесло?», – удивилась бабулька, – «В новостях сказали, к концу недели потеплеет, вот и пойдешь».

«До конца недели еще дожить надо, да и у кошки все закончилось».

«Вона чего удумала. Так это ты из-за кошки в такой мороз за пять километров пошкандыбаешь?», – возмутилась баба Зина.

«Не ворчи. Она со мной картошку с солеными огурцами есть не станет. Говори, чего купить?»

«Ничего не надо, до следующего раза доживу, не помру. Я и картоху с солеными огурцами могу есть. Не твоя кошка, перебыюсь», – недовольно ответила старушка.

«Баба Зин, не упрямясь, говори что нужно. Не скажешь

– на свое усмотрение все равно куплю. Молоко, хлеб, сосиски, творог... Ты же знаешь, я с саночками. В руках ничего не поташу. Мне какая разница, что везти».

«Сосисок не покупай. Ирка в субботу придет. Чего-нибудь привезет. На нашу пенсию не особо разживешься! Если колбасы с сосисками каждый день есть будешь, через две недели зубы на полку положишь! Сама заешь. У тебя-то летние еще остались? Не все вытаскала со своими спиногрызами?»

«Осталось чуть-чуть», – грустно ответила Валентина.

«В том-то и дело, что чуть-чуть. Ты летом сдох своих в лес гони. Пусть сами землянику собирают, а потом на базаре продают. Вот, глядишь, и заработают на все, что нужно. А то чуть что, так к тебе с протянутой рукой. А помочь если надо – не дозовешься! Одна со своим огородом управляешься», – возмущалась бабулька.

«Ладно, баба Зин, не будем о грустном»

«Добрая ты, Валька. Всех тебе жалко. Сейчас, небось, Натохе звонить будешь. Чего замолчала? Будешь?»

«Буду», – тихо, но твердо ответила Валентина.

«Ну, давай, звони этому алкашу. Заждался, наверное»

«Что-то ты разошлась сегодня, баба Зина. Утро еще, а нам уже всем от тебя досталось. Не с той ноги встала что ли? Так, поди, полежи еще немножко, успокойся», – и, немного помолчав, добавила, – «Знаешь же, что у Натолія ноги елe ходят, он до магазина ни в жизнь не доберется. Он даже ле-

том, когда в Петушках вагончик открывается, до него-то докостылять не может. А ты хочешь, чтобы он до поселка доплелся да еще зимой. Сашка, сын-то, в городе, говорят, совсем спился. Что ж Натолию теперь помереть что ли? Ладно, баба Зин, разболтались с тобой. Времени уже полно. Побегу, а то и до обеда не успею».

Валентина повесила трубку. Она прекрасно знала бабу Зину. Бабулька только строит из себя строгую и суровую женщину, а на самом деле она очень добрый и хороший человек. Именно баба Зина подкармливает Натолия и два раза в неделю носит ему горячий суп. А в прошлом году, когда у Ленки умер муж, и у нее дрова закончились, именно баба Зина поделилась с ней своими запасами. Когда же весной Ленка хотела ей вернуть долг, баба Зина отказалась. Сказала: «Забудь. Дожили до тепла и, слава Богу! Не сладко одной-то, поди, с ребенком. Если мне в следующем году дров не хватит – ты со мной поделишься».

Вот такая она баба Зина. А на язык до того остра! Такую язву еще поискать нужно! Не зря от нее дочь сразу после школы в город сбежала. Но справедливости ради нужно сказать, что Ирка хорошо в городе устроилась: замуж удачно вышла, работу престижную нашла, да и мать не бросила. Раз в две-три недели обязательно приезжает, привозит бабе Зине продукты. На газ хотела денег ей дать, да баба Зина отказалась: «Прожила всю жизнь с печкой с печкой и помру! Захочешь – потом сама себе проведешь» Трудно со стариками.

Ирка с матерью спорить не стала. Было бы предложено...

Валентина набрала номер Натолия.

«Дядя Натош, здрасти. Валя. В магазин собралась. Что купить?»

«Не боишься по морозу-то? На горе, наверное, ветер свищет, ужас какой!»

«В первый раз что ли? Говори, чего нужно?»

«Как всегда. Хлеба, сигарет, макароны, крупы недорогой и консервов самых дешевых»

«Хорошо. Жди».

«Валь, погоди», – старичок замялся, – «Ты, это...»

«Четверочку, что ль еще, дядя Натош? Чего мнешься?»

«Ну, ты, Валентина, человек! Золотой ты человек! Был бы помоложе – женился бы!» – весело защебетал дед.

«Нет, уж, хватит. Знаем, плавали. Меня теперь никакими коврижками замуж не заманишь! Господи, расшутилась я с тобой не к добру! Дай, Бог, Царствия небесного Семену моему! Побегу. Жди».

«Жду с нетерпением!»

«Да, хватит, говорю, успокойся!»

Валентина подошла к окну и, взглянув на термометр, покачала головой. Ртутный столбик опустился до цифры «20». На горе с ветром эти двадцать как все сорок покажутся! Валя на свитер надела жилетку из козьего пуха, на голову повязала теплый платок, на ноги нацепила дутики и шерстяные носки. Получившийся образ завершил синий пуховик с ка-

пюшоном.

«Ну, вот, хоть на Северный полюс!», – весело сказала Валентина и, обращаясь к Мурке добавила, – «Жди, скоро вернусь. Вкусенького принесу. Тебе чего: сосисок или колбаски?»

Кошка мяукнула.

«Поняла. Можно и того и другого».

На улице было, действительно, холодно. Достаточно сильный ветер поднимал неприятную поземку, которая перемела все тропинки. Да, дорога будет не из приятных... Ну, что ж, где наша не пропадала! Поправив платок, Валентина взяла санки, положила в них сумку и потопала на дорогу.

Едва она выбралась с тропинки на проезжую часть, как мимо нее на огромной скорости пронесся белый джип. Это был ее сосед – профессор из города. Он даже не поприветствовал Валентину. Профессор купил дом рядом с ней семь лет назад. Раньше там жила Валина подруга Ленка с мужем. После смерти мужа Ленка переехала в город к дочери, а дом продала «хорошим людям».

Валентина сначала пыталась установить отношения с профессором, но тот демонстративно не шел на контакт. Он и его жена всем своим видом показывали, что Валя им не ровня. Профессора звали Роберт Мстиславович, а его жену Светлана Марковна. На вид Роберту было лет шестьдесят пять – шестьдесят семь (Валин ровесник), а жене его лет

тридцать.

Часто к ним приезжала облезлая девица лет двадцати трех: то ли дочь Роберта, то ли сестра Светлааны. Без стакана и не разберешься! Она и профессора и его жену называла только по именам. Девицу звали Олеся. Худющая, длинноногая, вечно всем недовольная (то комаров много, то солнца мало, одни капризы!), Олеся любила расхаживать по участку полуголой: либо в одной рубашке без штанов, либо в шортах без рубашки. Вспомнив про Олесю, женщина невольно покачала головой.

На конце деревни Валя оглянулась и окинула взглядом свою деревеньку. Эта привычка осталась у нее с детства. Раньше мама всегда провожала взглядом свою дочку, и махала ей рукой до тех пор, пока Валя не скрывалась за поворотом. Мамы давно не было в живых, а привычка осталась. Деревенька была совсем крошечной: пятнадцать домов, вытянувшихся в один ряд на высоком берегу речки. Зимой из пятнадцати жилых оставалось всего восемь, причем «местных», «коренных» было всего пять: ее, бабы Зины, Натолия, Ленки с ребенком и Петровых. В оставшихся трех жили приезжие, купившие дома в их деревне не так давно: москвичка Тоня, решившая на пенсии перебраться поближе к природе, Василий – мутный, чудной старичок, бывший летчик и необщительный мужчина средних лет Леонид. Вот и все жители. Скукота, да и только. Летом же, когда в оставленные на зиму дома приезжали дачники, деревня оживала. Шум,

веселые крики детей, запах шашлыков и клубники. Как Валентина любила это время!

Валя посмотрела на заснеженные покосившиеся домики местных жителей, мельком взглянула на двухэтажный особняк профессора, поправила платок и пошагала вперед. За поворотом дорога выходила на открытое пространство и километра полтора шла по достаточно высокой и крутой горе. Летом с нее открывался необыкновенно красивый вид на речку, заливные поля и соседние деревеньки. Зимой же эта гора превращалась в продуваемое всеми ветрами довольно опасное место. Ледяной ветер просто сбивал с ног всех прохожих. Он обрушивался на них с каким-то неистовым ревом, и из-за этого совершенно не было слышно звук подъезжающих машин. А колючий мелкий снег, который поднимал ветер, забивался не только за воротник, но и слепил глаза.

Валя по опыту знала, что этот участок нужно пройти как можно быстрее, и прибавила шагу. Она вспомнила, как в детстве ходила в школу. Чтобы не опоздать к первому уроку, из дома приходилось выходить в начале седьмого. Как-то раз (Валя тогда училась во втором классе) она заблудилась на этой дороге и чуть не замерзла. Тогда завывания ветра она приняла за волчий вой, и, испугавшись, свернула с переметенной дороги на гору. Она даже не заметила, как скатилась вниз и очутилась в огромном сугробе. Кричи не кричи – никто не услышит и не поможет. Куда идти было не понятно: кругом темнота и снега по пояс! А еще ранец за плечами и

сумка со второй обувью. Быстро выбившись из сил, Валя решила дождаться рассвета, а чтобы не замерзнуть пыталась прыгать и двигаться из последних сил. Через два часа, когда рассвело, девочка поняла, что находится достаточно далеко от дома в овраге у речки. Как она смогла выбраться оттуда, Валентина до сих пор не понимает. А самое главное, не бросила ни рюкзак, ни мешок с ботинками. Когда она вошла в дом и показала маме белые по локоть руки, мама только охнула. Она быстро выбежала на улицу, схватила снега и начала растирать отмороженные ручонки. Валя помнит, как мамины слезы капали ей на руки, а она их даже не чувствовала. После этого события девочка месяц просидела дома. Родители боялись отпускать ее в школу.

Преодолев опасный участок, Валя вышла к Петушкам – соседней деревне, гораздо больше Шатров – деревни, в которой она жила. В советское время в Петушках были контора, клуб, детский сад, библиотека, а кроме того хороший двухэтажный магазин, в котором торговали не только продуктами, но и промтоварами. Петушки считались главным поселением колхоза «им. Ильича». Но в 90-ые колхоз приказал долго жить, а с ним и сад, и клуб и далее все по списку. В начале нулевых вместо магазина поставили вагончик, который за неимением условий, естественно, работал только летом. Все остальное время местные жители вынуждены были ходить за продуктами в поселок на железнодорожной станции, который тоже переживал не лучшие времена. Когда-то

большая часть его жителей работала на местном заводе, который выпускал спирт и торговал им по всей стране. Но это показалось кому-то то ли невыгодным, то ли кто-то попросту избавился от конкурентов, и завод тоже приказал долго жить. В поселке остались школа, почта и несколько магазинов. Большая часть молодежи из-за отсутствия работы переехала в город.

Около разрушенного здания бывшего магазина Валя оставалась передохнуть.

«Здорово, Валентина», – услышала она хриплый мужской голос сзади себя, – «В магазин, что ль, санки-то наострила?»»

«Здорово дядя Мить. Да, в магазин»

«Уж больно погоду-то выбрала не летнюю. Или приспичило сильно?»»

«Да я мороза не боюсь. Меня им не испугаешь».

«И то верно», – ответил старичок.

«А сам-то куда потопал?»»

«Да я так, гуляю. Тошно дома-то целыми днями сидеть. Вот жизнь настала, и выйти некуда. Ни тебе клуба, ни магазина. Сиди и жди, когда смерть придет. Много чего мы в своей жизни повидали, но такого еще не было. Конец второго десятка двадцать первого века! Я, когда маленький был, думал, что мы в это время на Луне жить будем! А что на самом деле? Хуже, чем после войны. Пенсия – копейки. Работы у молодежи нет. Мы с бабкой кроме картошки с огурца-

ми да капусты ничего не едим. Почти всю пенсию Гришке и Людкой отдаем. У них ИПОТЕКА!, мать ее. Хочешь, не хочешь, а помогать надо, иначе они с малыми детьми по миру пойдут. Эх, жизнь!», – дед махнул рукой и заплакал.

«Ладно, дядя Мить, чего уж там. Не ты один, все так живут. У меня и у Лешки и у Петьки ипотеки. У Лешки вообще трое детей. Как не помогать-то?»

«А Димка-то твой все в Мурманске прохлаждается?», – оживился дядя Митя.

«Почему прохлаждается?», – удивилась Валентина, – «Работает он, на рыболовецком судне. Знаешь, как тяжело и опасно! Не приведи Бог!»

«Да, я ничего не говорю, это уж так, к слову».

«Ладно, дядя Мить, побегу, некогда мне».

Упоминание о Дмитриии отозвалось в сердце Валентины острой болью. Старший сын был предметом ее бессонных ночей и бесконечных переживаний. Дмитрий уехал из дома в середине девяностых, было ему тогда 20 лет. Только из армии пришел. «Не могу с отцом жить. Сил моих нет смотреть на то, как он над тобой издевается. В Мурманск поеду, дружок у меня там Сашка, мы с ним всю службу бок о бок прошли. Не переживай, не пропаду!» И уехал. Отец возражать не стал, обрадовался даже. Недолюбливал он Димку, обижал. Валентина не корила его за это, знала: на то были причины. Сама она, грешным делом, любила старшего сына больше других. После Димкиного отъезда много плакала

украдкой, все письма тайком на почту таскала. Семен видел все это и еще больше злился.

Устроился Димка рыбаком на большое судно. Работает там и сейчас. Денег много получает, но живет бобылем, до сих пор не женился. Все посмеивается: «Не встретил еще свою половинку. Какие наши годы!» А самому-то в этом году 45 стукнет. Вот тебе и годы! За все время Димка приезжал домой раз пять, не больше. Последний раз семь лет назад на похороны отца. Но Валентину сын не забывает. Деньги ей регулярно высылает. Вот и газ в дом провел, а то разве она бы осилила. Сто пятьдесят тысяч! Страшно даже подумать! Где такие деньжищи-то взять? У них в деревне только у троих газ подведен: у нее, у профессора и у Антонины – москвички. Остальные, по старинке, печи топят. Прав дядя Митя, ужасное время!

За своими мыслями Валентина и не заметила, как добралась до магазина. Оставив саночки у двери, она достала очки (без них никак: рассмотреть все ценники, понять, где какие акции), аккуратно протерла, и, нацепив на нос, вошла в магазин. В «Семерочке» было пусто. Валя обрадовалась, не любила она толчею. В первую очередь набрала пакеты для бабы Зины и Натолия, и только потом приступила к своим закупкам.

В субботу должны были приехать дети. Валентина хорошо знала, что это такое. Нагрянут с утра. Две семьи – девять человек и собачонка. Лешка работает водителем на сво-

ей маршрутке, привезет всех скопом. Валя, конечно же, рада их всех видеть, особенно внуков, а их у нее целых пять! Старшему – двенадцать, а младшему – два годика. Но, как говорится, у всей этой прелести есть и свои нюансы. Громкие, шумные, веселые, дети едут отдохнуть в свои родной дом, а внуки к бабушке. Продуктов, значит, с собой не везут, чувствуют себя как дома (а они и есть дома). Валентине же только и успевай поворачиваться: дай-подай, напои-накорми, с маленькими посиди, за собакой последи. И все бы ничего, если бы не снохи. Снохи – это отдельная песня. Сколько лет вместе, а привыкнуть к их беспардонности и откровенному хамству, Валя так и не смогла. И самым обидным было то, что сыновья все это видят, все понимают, а молчат, жен боятся. В кого они такими выросли? Семен бабам спуску не давал. Вот Димка другой. Он за мать горой. Но где он, Димка-то...

Набрав полную корзину, женщина подъехала к кассе. Мука, чтобы напечь пирогов с картошкой и плюшек, курица для щей и картошки, колбаса, сыр, сосиски, сгущенка и сметана для блинов (Влад любит со сгущенкой, а Ярик со сметаной), всем детям по большой шоколадке, масло, молоко, кефир, две бутылки водки и хлеб. Мурке Валентина взяла рыбки, а себе маленькую баночку растворимого кофе. Когда кассирша назвала цену, Валя была удивлена и даже переспросила, думая, что ослышалась. Затем она долго изучала чек перед выходом: все никак не могла понять, как же набежала такая

сумма. Тяжело вздохнув, она вышла на улицу и отправилась в обратный путь. Дорога домой, несмотря на солидную ночь, Валентине всегда казалась легче.

Когда женщина свернула с трассы вышла на тропинку к дому, ее ждал большой «сюрприз». За время ее отсутствия профессор нанял трактор, который весь снег от его коттеджа сгреб к Валиным воротам. Теперь, перед ее домом, прямо на дороге, которую она тщательно разгребала, чтобы Лешка мог подъехать на маршрутке, возвышалась огромная кучища снега, раза в два выше Валиного роста. Она даже онемела от неожиданности.

Отдав пакеты с продуктами Натилию и бабе Зине, Валя решила зайти к профессору. Она долго собиралась с мыслями и продумывала, как начать разговор. Переминаясь с ноги на ногу, женщина нажала на кнопку звонка. Профессор вышел не сразу.

«Здравствуйте, Роберт...»

Профессор, дожевывая на ходу, снова не поздоровавшись, резко бросил:

«Чего надо?». Он явно был недоволен тем, что его оторвали от обеда.

«Роберт Мстиславович, что ж это Вы весь свой снег ко мне на участок сгребли?», – робко начала Валентина.

«Во-первых, это не мой снег, я его на базаре не покупал. Я просто очистил свою территорию и вывез все прелести природы за границы своего участка. Вам ничего не мешает сде-

лать тоже самое со своей территорией».

«У меня же чисто было. Нельзя так на соседском-то деле. Не хорошо. Как я теперь одна весь ваш снег вывезу?»

«Для особо одаренных повторяю: снег не мой! Обязанность каждого человека – следить за чистотой *своего* участка. Я свой в порядок привел. Теперь твоя очередь. Сама не можешь – детей попроси. Это не моя забота. У тебя все?»

«Все», – тихо ответила Валентина.

«Всего хорошего!», – рявкнул профессор и захлопнул ворота прямо перед Валиным носом.

Слезы ручьем потекли из ее глаз. Что за время такое пришло? Когда успели появиться все эти «хозяева жизни»? Как так можно себя вести и стоит ли вообще ждать справедливости? Все эти риторические вопросы крутились в Валиной голове, пока она убирала продукты, кормила кошку и доставала лопату.

Конечно, она ничего не скажет своим детям, сама вывезет весь снег. Лешка с Петькой все равно ничего не решат. Она даже представила себе, как они стоят оба, хлопают глазами как два телка и говорят: «К нему надо было сразу идти, а сейчас-то, что мы ему скажем? Снега нет. Так не делается». А жены их будут им поддакивать, только снова Валентину душой выставят. Вот, чем это закончится. Димка бы профессору спуску не дал! Слезы снова покатались из глаз...

Закончила Валентина поздно вечером. Не чувствуя ни рук ни ног от усталости, она грохнулась в кровать, даже не по-

ужинав.

Глава 2.

К концу недели, как и обещали, потеплело. Температура воздуха поднялась до минус пяти градусов. В пятницу вечером пошел снег. Крупные пушистые хлопья медленно опускались на землю. Валя любила такую погоду. Не холодно, ветра нет и слякоти тоже. Красотища, одним словом. Завтра приедут ребята и, чтобы не сидеть дома, можно будет погулять: маленьких покатать на санках, а старшие сами с горы на ватрушке накатаются.

На следующий день Валентина встала в пять, чтобы к приезду детей успеть напечь пирогов. Тесто она замесила накануне вечером. Валя решила не только сделать привычные пироги с картошкой и плюшки, но и, чтобы порадовать ребятню, приготовить большой сладкий пирог с черничным вареньем. Должно же быть разнообразие. Она долго украшала его, плела из теста косы, вырезала цветочки. Пирог получился на славу. Не стыдно и на праздничный стол поставить. Валентина даже напевать начала от удовольствия. Она всегда пела себе под нос, когда возилась с тестом. Валя помнила, как мама внушала ей, когда она была еще совсем маленькой девочкой и с удовольствием наблюдала за тем, как ловко мама управляет с тестом: «Никогда не берись за выпечку в плохом настроении. Тесто все чувствует. Если расчи-

тываешь на пышные и вкусные пироги, делай их с удовольствием». У мамы пироги всегда были на славу. В деревне все удивлялись: «Как это у тебя тесто такое, Клавдия, получается? Секрет, что ли ты какой-то знаешь?» Но, сколько мама не раздавала рецептов, никто не мог повторить ее творений.

Пока Валя лепила пироги, Мурка, сидя на подоконнике, с интересом наблюдала за хозяйкой.

«Нравится пирог?», – весело спросила Валя у кошки.

Мурка ответила «Мяу». Валя засмеялась:

«Будешь себя хорошо вести, дам тебе кусочек. Да, да, не отворачивайся, это я на Мартина намекаю».

Мурка демонстративно уставилась в окно и начала нервно подергивать хвостом.

«Ну, как знаешь. Выбирай: или пирог или Мартин».

Мурка, всем своим видом показывая, что разговор закончен, прыгнула с подоконника и удалилась в комнату.

«Вот, засранка», – крикнула ей вслед Валентина.

Мартин – это маленькая собачонка редкой породы аффенпинчер. Не собака, а сплошное недоразумение: непонятная, клочкастая, жесткая шерсть торчит во все стороны; такая же косматая растительность на «обезьяньей» мордочке, громкий лай и заряд энергии как у метеора. Черте что, а не собака. Зачем Лешке понадобилось это «чудо» в их двухкомнатной квартире, в которой кроме их с женой еще и трое детей для Валентины оставалось загадкой. Как объяснила Татьяна (Лешкина жена) такие как Мартин стоят не меньше 60

тысяч, а ей подружка *всего за 30!* продала. Валя только руками развела: «Тогда понятно, надо брать».

Мартин появился у детей прошлой весной, после Мурки. Когда дети привезли его в первый раз и выпустили в коридоре, он с громким лаем начал носиться из комнаты в комнату, исследуя новое пространство. Мурка с гордым видом прыгнула с подоконника и, наклонившись к миске с водой, демонстративно не замечая нового питомца, стала пить воду. Мартин в это время примчался на кухню. Увидев, что Мурка игнорирует его, он подбежал к ней и укусил за торчащую вверх пятую точку. Мурка, не ожидая такого конфуза, в какие-то доли секунды очутилась на спине Мартина и своими острыми коготочками впиалась в его обезьянью мордочку. Мартин взвыл от боли и прямо с сидящей на нем как наездницей Муркой, убежал в туалет, из которого начали доноситься дикие вопли.

С тех пор Мурка невзлюбила Мартина, она не могла простить нанесенной ей обиды. Пока хозяйева Мартина находилась в комнате, она старательно изображала из себя «хорошую девочку», но стоило им ослабить свое внимание, как кошка быстро показывала наглещу, где его место. Она загоняла его в туалет, сама ложилась около двери и не выпускала оттуда клочкастого.

К приезду детей у Валентины на столе стояла горячая румяная выпечка, а в самом центре на красивом подносе – Валя гордость: сладкий пирог. Женщина от души полюбила-

лась получившейся красотой, накрыла ее новым полотенцем и, довольная собой, выглянула в окно. С трассы свернула белая пассажирская газель.

«Едут», – сказала она Мурке, и, накинув старую куртку, выбежала во двор. Подъехав к воротам, газель остановилась. Первыми из открытой двери выбежали старшие внуки. Они наперебой кричали:

«Бабушка, привет», «А в нас сейчас чуть машина не врезалась», «А у меня на этой неделе шесть пятерок, представляешь», «Баб, а на горку пойдём?», «А мы с папой петарды привезли, взрывать будем. Папа в городе не разрешает, а здесь, говорит, можно»... Дети пытались сразу выпалить все свои новости.

За детьми появились и взрослые. Лешка с Петькой и их жены: Татьяна и Ольга. Татьяна шла с Мартином на руках. Валентина всегда сильно скучала по своим внукам, с большой любовью относилась к сыновьям, а вот со снохами у нее отношения никак не складывались. Хотя, женщина искренне пыталась. Татьяна – старшая сноха была еще той язвой. Постоянно всем недовольная, с вечным выражением брезгливости на лице, на каждое слово Валентины отвечала возражением. Ольга была попроще, не такая поперечная и к Вале относилась достаточно ровно, но у нее была своя мама, которую она очень любила и не могла без нее жить. Поэтому Петька с детьми приезжали редко и практически все время проводили у Ольгиных родителей.

«Заходите, заходите быстрее в дом, сейчас чай пить будем. У меня все готово», – суетливо говорила Валя, при этом, не забывая обнять и погладить внуков: кого по голове, а кого по плечу.

После того как шумная толпа ввалилась в небольшой коридор, в доме стало тесно.

«Раздевайтесь, не толпитесь, дети, давайте быстрее, снимайте куртки и бегом в ванную – руки мыть. Там в кухне пироги горячие!»

«Опять пироги!», – раздался недовольный голос Татьяны, – «Вы бы, Валентина Петровна хоть что-нибудь новенькое придумали. Много мучного вредно. Вон у Лешки уже живот висит, хотите, чтобы еще и задница, как у бабки Зины выросла?»

Данное высказывание больно резануло Валу по сердцу, но она сдержалась, промолчала. Приглашая детей в кухню, она продолжала:

«Смотрите, какую вкуснятину я вам сегодня испекла. А красотища-то какая!»

«Ух, ты-ы-ы», «Здорово-о-о», «Вот это да-а-а», – слало доноситься со всех сторон.

«Бабуль, мне, чур, вон с тем цветочком отрежь»

«И мне», «И мне», «И мне»...

«Это чего вы тут просите?» Татьяна вошла на кухню. «Валентина Петровна! Вы, что, издеваетесь что ли», – голос снохи перешел на визг, – «Вы же знаете, что у Славки диатез,

ему сладкое нельзя! Отдай мне сейчас же! Кому сказала?»

Младший внук быстро прыгнул со стула и, что есть силы, помчался в комнату, запихивая на ходу сладкий пирог в рот.

Татьяна догнала его, выхватила остатки пирога и достаточно сильно нашлапала по заднице. Славка зашелся в громком реве.

Крикнув: «Не ори, а то еще получишь», – Татьяна подбежала к мусорному ведру и швырнула туда обкусанный пирог. Затем, обращаясь к Валентине, громко сказала: «Довольны? Радуйтесь! Добились своего!»

Валентина медленно вышла из кухни. Уходя, она услышала, как Лешка виновато проговорил:

«Тань, ты чего? Успокойся. Она же старалась».

«Сколько можно говорить одно и тоже! Достала совсем! Пока ребенка нам не угробит – не успокоится!»

Валя вошла в комнату, Славка валялся на полу и громко плакал. У Валентины тоже слезы ручьем текли из глаз. Она подошла к мальчонке, подняла его с пола, крепко прижала к себе и сказала:

«Славка, миленький, не плачь! Бог с ним, с пирогом-то. Я тебе другой дам с картошкой. Ты же с картошкой тоже любишь. А, может, я тебе лучше в следующий раз машинку куплю на колесиках. Хочешь? Наплевать на все эти пироги. Ты же мужик, тебе они ни к чему. Тебе машинку красную или синюю купить?», – приговаривала Валентина, вытирая слезы с лица ребенка.

«Зей-о-ную», – уже улыбаясь, сказал Славка.

«Хорошо, зеленую куплю. Обязательно. Вот приедешь в следующий раз, мы с тобой автомобильные гонки устроим. У кого машина быстрее ездит. Влада судьей возьмем. Хорошо?»

«Хо-о-со», – весело сказал Славка и, спустившись с рук, побежал к шифоньеру, где стоял ящик с игрушками.

«Ты не понимаешь, что ли? Она мне это на зло делает. Каждый раз пироги свои дурацкие печет, знает, что я их не ем, и специально печет. Ладно, с картошкой, так теперь еще и с вареньем начала. Сколько можно терпеть это издевательство?»

Лешка что-то неразборчиво пробубнил в ответ.

«И нечего ее защищать! Сам закабанел, хочешь, чтобы и у детей нарушение обмена веществ было?»

Дверь приоткрылась, и Влад тихонько пробрался в комнату. Со старшим внуком у Валентины были особые отношения. Не просто отношения бабушки и внука, а настоящая дружба: с секретами, тайнами и откровениями.

«Баб, не расстраивайся. Она со вчерашнего дня бешеная. Ее подруге Ирке муж шубу норковую купил. Ирка вчера хвататься приходила. После ее ухода мама весь вечер с папой ругалась. Говорила, что у него зарплата три копейки, и он не может семью обеспечивать. А сегодня в машине пока мы сюда ехали все тете Оле жаловалась, что у Ирки ни кожи, ни рожи, а мужик нормальный, обеспечивает. У нее же не му-

жик, а сплошное недоразумение».

«А тетя Оля что?», – спросила Валентина, вытирая слезы.

«Тетя Оля сказала, что нечего на всяких подруг внимание обращать».

«Правильно сказала. Мало ли у кого чего. На себя смотреть надо».

«Да. Только мамка разозлилась, сказала, что тебе хорошо, тебе родители помогают. И детей одевают и тебя. А ей никто не помогает».

«Как же никто? Я постоянно денег вам даю. Все лето каждый выходной за ягодами хожу: сначала за земляникой, потом за черникой. Труд-то какой!», – удивилась Валя.

«Она еще говорит, что дядя Дима тебе целых сто пятьдесят тысяч дал, а ты даже не поделилась, все себе заграбастала. Теперь живешь как буржуйка с газом, хотя все в деревне печку топят».

«Вот так здорово живешь! Так мне дядя Дима на газ деньги-то и дал. И не мне даже. Это и его дом. Точнее, он всех троих: дяди Димы, папы твоего и дяди Пети. Вот дядя Дима с Севера, может, вернется и жить здесь будет. Так что это он не мне деньги дал, а себе, вернее всем нам».

«Я понимаю, баб. А мама этого и боится».

«Чего боится?», – не поняла Валентина.

«Что дядя Дима вернется. Так, когда ты умрешь, дом можно продать, а деньги поделить. А если он вернется, то дом не продашь. Будет он тут жить».

«Господи, ужас какой-то! Что у тебя в голове?»

«Это не у меня. Это они так говорят».

«Знаешь, что я тебе скажу. Ты, конечно, взрослый уже, но не все еще понимаешь. Тебе вообще нужно поменьше уши греть, когда взрослые разговаривают. Взрослые они много чего говорят, но это совсем не значит, что так оно и есть. Чего только в пылу не скажешь. Папа у тебя замечательный: добрый, семейный, вам с братьями, сколько времени уделяет, хоть и работа тяжелая. И мама хорошая. Ей просто тяжело с вами. Шутка ли 5 мужиков!»

«Почему пять?», – удивился Влад.

«А клочкастого – то забыл?», – засмеялась Валентина.

Влад тоже засмеялся.

«Ладно, оставим их пар выпускать, пойдемте лучше гулять. Бог с ними со всеми. Где ребята-то? По углам сидят? Зови всех, пошли крепость строить. Снег смотри какой хороший». Влад умчался, весело подпрыгивая.

Дверь снова скрипнула. На этот раз на пороге стоял Лешка.

«Мам, Ты того... Этого... Ну, в общем, не обижайся. Не со зла она, у нее просто настроение сегодня...»

«А я и не обижаюсь. Не мне с ней жить. А вот ты как такие выходки терпишь? Разве можно свое настроение на детях вымещать? Это последнее дело. Уж чего только у меня в жизни не было, но разве я так себя вела?»

«Мам, ну чего ты начинаешь? Такая она».

«Эх, сын... Не она такая, а ты такой... Ладно, еще раз повторю, твое дело, нравится тебе так жить – живи, но детей не обижайте. Все. Мы с детьми гулять пошли. Зачем они в деревню приехали? Уж явно не для того, чтобы дома сидеть и вашу ругань слушать. Славку тоже с собой беру!», – безапелляционно добавила Валентина.

Пока одевались, к ним подошла Ольга. Она, старательно делая вид, что ничего не случилось, начала помогать Валентине одевать и обувать детей. Было видно, что Ольга переживает.

«Валентина Петровна», – начала она, – «Не обращайтесь на нее внимания. Пирог очень даже вкусные. Дети почти все перетаскали. Мне тоже понравились. А Татьяну их есть никто не заставляет».

«Спасибо, Оль. Мы пошли».

Уже закрывая дверь, Валентина услышала:

«Ты ей хоть сказала, чтобы на речку не ходили? А то у нее ума хватит!»

«И тебе тоже всего хорошего», – про себя сказала Валя.

На улице белый чистый снег блестел на солнце. Валентина даже закрыла глаза от удовольствия. Все это ослепительное великолепие начало медленно заполнять Валину душу. Свежий воздух очистил мысли и сердце.

«Несчастливая женщина», – подумала Валя, – «Изведет себя изнутри. Дай Бог ей душевного покоя. Я на нее не обижаюсь». И обращаясь к внукам, сказала: «Давайте крепость

строить. Кто со мной?» Ребята дружной толпой высыпали за ворота.

Крепость получилась на славу. Высокая, прочная с потайными ходами и запасными выходами. В стенах были проделаны наблюдательные окна и бойницы для метания снежков. В строительстве принимали участие все без исключения. Даже Славик таскал снег маленькой лопаточкой.

Общение с детьми, веселье и смех сделали свое дело. От утренней обиды не осталось и следа. Вернее она вынуждена была спрятаться далеко-далеко, и Валя для уверенности закрыла ее на тяжелый засов.

«Ребята, хватит, идемте есть. Проголодались, наверно. Вечером еще поиграем. У меня щи и картошка».

Дома детям помогли раздеваться все, кроме Татьяны. Когда Валентина вымыла руки и выходила из ванной, она краем глаза заметила, как сноха, украдкой запихивая себе в рот остатки пирога, выбежала в комнату. «Голод не тетка», – про себя усмехнулась Валя и пошла разогревать обед.

Через полчаса все было готово. И дети, и взрослые были уже достаточно голодны и в нетерпении заглядывали в кухню.

«Таня!», – как ни в чем ни бывало, крикнула Валентина. Сноха осторожно показалась в двери.

«Тань, Славик щи будет есть? У меня из свежей капусты и картошка тушеная с курицей. Вот все на плите. Накладывай сама, что вам надо».

Татьяна взяла тарелку и налила щи.

Видя, что атмосфера улучшается, Лешка с Петькой развеселились.

«Мам, а к шам-то бы не помешало...», – начал Лешка, радостно потирая руки.

«Да, мам, выходной как- никак».

«Знаю, что выходной. Сейчас, дам, не переживайте». Валя достала из холодильника бутылку водки.

«Петьк, а жизнь-то, кажется, налаживается», – продолжал веселиться Алексей.

«И не говори. Девочки, вы водочку будете?», – спросил Петька, обращаясь к женщинам.

«Конечно, будем. Вам одним не жирно ли? Лешке завтра утром нас всех назад везти», – резко сказала Татьяна.

«Так то завтра. Сегодня только обед».

«Я тебя не первый день знаю У тебя обед плавно перетечет в ужин. Неси, Петька, рюмки на всех!»

Мужики покорно согласились.

Татьяна была права. За столом сидели до позднего вечера, впрочем, как обычно. Одной бутылки на всех оказалось мало, пришлось достать и вторую. Валя с ними не сидела. Ей было некогда. То грязную посуду помой, то колбаски и сыр-ку подрежь, то к водочке хорошо бы огурчиков соленых, то Мурка снова с клочкастым разодрались, то Славику на горшок посади, то игрушки разбросанные собери, то компота налей...

Часов в шесть женщина поняла, что больше этого содома не вынесет и скомандовала:

«Собираемся гулять! Сколько можно дома торчать? Перед сном нужно проветриться», – и обращаясь к взрослым, добавила, – «И вам бы не помешало. Идем все вместе».

На улице играли в снежки, катались на санках, взрывали петарды, лазали по крепости, в общем, веселились от души. Хорошо, что в это время в деревне все дома сидят и телевизор смотрят, а то бы всех на уши поставили. Веселые мужички, вспомнив детство, носились по двору наравне с детьми, валялись в сугробах, кидались снегом и катали своих жен на ватрушках.

Домой пришли шумные, сырые и уставшие. Валентина напоила всех чаем с остатками сладкого пирога. И даже Татьяна съела два куса и дала кусочек Славику. Как всегда оказалось, что дело было совсем не в пироге и не в диатезе.

После того как все разошлись по своим комнатам, Валя еще очень долго развешивала сырую одежду, мыла посуду и убирала дом. К себе она пошла часов в 11, не раньше. Так как места в доме было не очень много, с Валентиной обычно спал Влад. Ему ставили раскладушку. Чтобы не разбудить мальчика, Валя осторожно приоткрыла дверь и на цыпочках стала пробираться к дивану.

«Баб, не бойся, я еще не сплю», – в темноте раздался громкий шепот Влада.

«Господи, почему? Что случилось?», – испугалась женщи-

на.

«Ничего. Я тебя жду»

«Зачем?»

«Так просто, поговорить»

«Хорошо, сейчас, я лягу и поговорим. О чем говорить будем? О школе? О друзьях?»

«Нет, о папе».

«Почему о папе? У него что-то не так?», – забеспокоилась

Валя.

«Нет, все так. Мне просто интересно, какой он был маленький? Как они с дядей Петей жили? Во что играли? Расскажи, баб, что-нибудь интересное».

«Так сразу и не вспомнишь. Вообще, дружно жили. Дядя Дима старше их. Папу твоего на 10 лет, а дядю Петю на 12. Ему с ними не интересно было. А они всегда вдвоем. Их в деревне звали парнишки. Только и слышно было: парнишки ваши на речку пошли, парнишки в футбол на лугу играют... Очень они в лес любили ходить. Не за ягодами, правда, а за грибами. Особенно, если белых в лесу много, так и по три раза в день бегали. Принесут мне целую кучу! А чистить-то их... А сушить или мариновать? Сколько времени-то надо. Я чуть не в слезы, а они на утро снова в лес. Мальчишки, говорю, хватит, не нужно мне больше грибов! А они мне: отдай кому-нибудь. Мы все равно пойдем из интереса. Вот как-то раз пошли они в лес... »

«Баб, ты чего замолчала? Пошли они в лес...»

«Около леса раньше деревня была заброшенная. Притыки называлась. Это сейчас от нее ничего не осталось, а когда я маленькая была, там еще дома стояли и люди жили. Потом местные жители в Петушки переехали к магазину поближе и к железнодорожной станции и дома с собой перевезли».

«Баба, а как дом можно перевезти?», – удивился Влад.

«Так они деревянные были. Разобрали, на машины загрузили и перевезли, а потом снова собрали. Не легкое, конечно, это дело, но новый дом поставить, знаешь, сколько денег надо! Поэтому и перевозили дома. Ну вот. Дома-то перевезли, а огороды остались, а в них малина, вишня, яблоки. Мы часто туда за ягодами бегали. Потом огороды зарастать начали. Во многих огородах колодцы были деревянные. Срубы гнить начали и обваливаться. Опасно стало туда ходить. В зарослях запросто можно было в такой заброшенный колодец угодить....»

«И чего, кто-то туда провалился? Были такие случаи?», – Влад с интересом подгонял Валентину.

«Провалился! Дядя Петя твой!»

«Ничего себе! Баб, а почему ты мне раньше это не рассказывала? Ну, и чего там было?»

«Было им тогда лет 13-14. Пошли они в лес за грибами, грибов не набрали, а чтобы с пустыми корзинками домой не возвращаться, решили в заброшенные огороды залезть за малиной и яблоками. Вот дядя Петя и провалился в заброшенный колодец. Хорошо, сильный и тренированный был.

Падал спиной, успел руки и ноги расставить и повис на них как звезда, уперся в деревянный сруб и висит на глубине двух метров. А сколько в таком положении провесишь? Колодец глубокий, если вниз улькнешь, все, не достать. Папа твой не растерялся. Быстро нашел палку какую-то, снял с себя штаны и рубаху, крепко привязал их к ней и как можно ниже спустился в колодец. Как он сумел вытянуть оттуда дядю Петю, не знаю. Сильный был очень, находчивый! Не растерялся, не испугался. Молодец, одним словом. Если бы не он, страшно даже подумать, чтобы могло произойти...»

«Баб, а ты их ругала, когда они домой пришли? Они тебе сразу все рассказали?»

«Пришли без корзины, у папы твоего и рубаха и штаны рваные, у дяди Пети тоже. Руки расцарапаны. Папа твой плечо вывихнул пока брата из колодца вытаскивал, а дядя Петя ногу подвернул. Я испугалась, заплакала. А отец их – дед твой Семен, он суровый мужчина был, таких им затрещин выписал, что в лес они перестали ходить. Разлюбили. И вас с Ромкой не пускают, хотя вы большие уже, могли бы...»

«Выходит, папа у меня совсем и не размазня», – с гордостью сказал Влад.

«А кто ж говорит, что размазня?». – удивилась Валентина.

«Мама говорит. А еще тюфяк, денег не может заработать, как Иркин муж».

Валентина вздохнула:

«Мы с тобой уже сегодня говорили, что нужно меньше во

взрослые разговоры вникать».

«Мне просто папу жалко. Он хороший, добрый, о нас заботится, мне с уроками всегда помогает и по дому все делает. А маме просто шубу очень хочется. Ей папа пообещал, что к следующей зиме накопит. Я, знаешь, что думаю, я с тобой летом за ягодами ходить буду, чтобы папе помочь денег накопить. Мы ей шубу купим, она и успокоится, не будет нас всех изводить».

«Шубу, так шубу. Я тоже вам с папой помогу. Лишь бы лето ягодное было. А родители у тебя замечательные. И папа, и мама. Маме просто тяжело в жизни пришлось. Шутка ли, мать родная бросила, в другую семью ушла. Хорошо, бабушка воспитала. Все, что могла для нее сделала. Мама в нее пошла, не в мать. Тоже для вас живет. Ну, хочется ей иногда и для себя чего-то. Понимать надо. Так что не переживай, все образуется. Папа с мамой сами разберутся. Давай спать, поздно уже».

Утром после завтрака Лешка заглянул к Валентине в комнату, она в это время собирала раскладушку Влада.

«Мам, давай помогу».

«Да я сама справлюсь, иди отдыхай, скоро ехать».

«Мам, я поговорить с тобой хотел», – Алексей тяжело вздохнул и замолчал.

«Чего мнешься? Хотел, так говори».

«Ты сегодня нам как всегда перед отъездом по пять тысяч давать будешь...»

«Ты уверен, что буду?», – усмехнулась Валентина.

«Ты ж всегда даешь...», – удивился Лешка с детской непосредственностью.

«Дам, конечно, это я уж так. Говори, чего надо».

«Мам, я хочу тебя попросить, дай мне, пожалуйста, еще пять тысяч, только чтобы Танька не видела».

«Хорошо, мне просто не понятно. С каких это пор у тебя от жены секреты появились?»

«Да, не секреты это! У Таньки есть подруга Ирка...»

«Ох, уж эта Ирка ваша... Какие подруги, когда семья большая?»

«А что я сделаю? Тяжело Таньке с одними мужиками. Каждый раз хотели, чтобы девочка родилась, не получилось. Ей же надо с кем-то о своем, о женском поговорить».

«У меня тоже одни мужики. И ничего, живу как-то».

«Мам, не начинай. У тебя вон тетя Света есть. Если тебе плохо, ты всегда к ней бегаешь».

«И то правда. Не знаю, что это я взъелась? Так, чего надо-то?»

«У Ирки собаки как наш Мартин, целых три. Они с Танькой гулять вместе ходят. На этой неделе холодно было, Иркины собаки все в специальной собачей одежде. Только наш Мартин мерзнет. Танька из-за него переживает сильно. Я ей обещал купить Мартину жилетку теплую, а она не менее пяти тысяч стоит...»

«С ума сойти можно! Это ты для клочкастого просишь?»

Где это видано, чтобы собак в одежде водили?»

«Ма-ма! В городе у всех так!»

«Таньке шубу подавай, клочкастому жилетку!»

«Знал бы, что ты так к этому отнесешься, ни за что не стал бы просить! Не надо мне ничего! Займу где-нибудь!», – Алексей вскочил с дивана.

«Сядь, не истери! Такой же, как Танька твоя становишься! Дам я тебе денег, не переживай. Только последнее время мне ваша семейная жизнь сала нравится все меньше и меньше. Я ничего не хочу сказать, но ты повнимательней присмотришь к тому, как вы живете. Дети и то говорят, что постоянные упреки и истерики. Мужик ты или нет, в конце-то концов?»

«Я что, по-твоему, бить ее должен, как отец тебя? Каменный век какой-то».

«Дурак ты, дурак. Разве я тебе что-то подобное хоть раз сказала? Бить женщину – последнее дело. Только попробуй, я сама тебя тогда отхожу, не постесняюсь. Плохо, что ты не понимаешь, о чем я. Прости, не буду больше в вашу жизнь лезть. Нравится – живите, как живете. Держи деньги. Татьяна ничего не скажу».

«Спасибо, мам, я накоплю- отдам».

«Не надо ничего отдавать. На шубу копи».

«Спасибо».

«Иди уж, расшаркиваться-то...»

Уехали все ближе к обеду. Такой же шумной толпой все

высыпали на улицу, загрузились в газель и укатили, сказав, что приедут теперь через три недели на Восьмое марта. Значит опять готовы деньги. Хорошо, хоть после пенсии придут, а то запасы-то не резиновые.

После отъезда Валя до вечера убирала дом, мыла полы, стирала грязное белье. Настроение было ужасное. Вроде бы ничего не случилось, все как всегда, а слезы так и приступали к горлу. Валентина взяла телефон, набрала Светкин номер.

Света – Валина племянница из Петушков. В этом году ей должно было исполниться пятьдесят лет. Жила Светлана одна, ее дочка, зять и внучка жили в соседнем доме. У Валентины со Светланой были теплые отношения. У племянницы был редкий талант: она никогда не лезла в душу, не сплетничала, умела успокоить. Валентина часто ходила к ней на «психотерапевтические сеансы», так они в шутку называли свои беседы.

«Света, привет, как дела? Чем занята?»

«Все как всегда. С Ленкой весь день нянчилась, пока Танька с Сашкой домашними делами занимались. Сейчас телевизор смотрю. А у тебя как? Были твои спиногрызы?»

«Были».

«Настроение как обычно?»

«Угу».

«Приходи завтра часа в два, посидим, поболтаем».

«Приду, обязательно. Свет, наливку-то приносить?»

«Что, так все плохо? Тогда приноси, конечно»
«Договорились, давай до завтра».

Глава 3

На следующий день Валентина отправилась в Петушки. Всю дорогу она думала о том, как по-разному складываются жизни людей. Вообще-то у Вали было две племянницы Света и Ольга – дочери Валиного родного брата Ивана. Но сестры совершенно не общались друг с другом, хотя, жили в одной деревне. Как жена Ивана так воспитала дочерей, Валя не понимала. Елизавета всю свою материнскую любовь и заботу отдала младшей дочери – Ольге, Светлана же росла как трава у дороги. Вале очень хотелось дочку, но у Господа на этот счет были, по всей видимости, свои планы, а Светлана очень нуждалась в материнском тепле и заботе, поэтому постоянно пропадала у Валентины в Шатрах.

Елизавета, не стесняясь, говорила, что любит только младшую дочь. Она наряжала ее, как могла, баловала и все свое свободное время проводила с Ольгой. Ольга выросла капризной и истеричной особой, вышла замуж за местного фермера и совершенно не заботилась о матери с отцом, которые, к тому времени уже нуждались в ее поддержке. Светлана же, наоборот, не бросила родителей, помогала им, чем могла, хотя жизнь у нее была не такой завидной, как у Ольги. Светлана вышла замуж рано за первого парня, который ее

позвал. Жить в родительском доме, где она постоянно чувствовала себя ненужной, было трудно. Муж ее много пил и быстро превратился в алкоголика, а когда Таньке было 10 лет, умер от несчастного случая: провалился под лед на реке. Светлана одна поднимала дочку и заботилась о стареющих родителях.

Валентина любила сою племянницу. Прямая и честная, она всегда говорила только то, что думает, никого не осуждала и умела найти нужные слова, которые, порой, были очень необходимы.

На уютной кухоньке Светлана собрала незатейливый обед. Отварная картошка, сосиски и домашние соленья. В центре стола Валина вишневая наливка. Валентина была большим специалистом по ягодным наливкам. Она не любила крепкие вина, красные у нее не очень получались, а всякого рода настоечки и наливочки были просто замечательные. Дети их не пили, считали, что Валентина только зря продукт переводит, что водку нужно пить в чистом виде.

Женщины поговорили о погоде, о ценах на продукты, о том, что пора сажать перцы на рассаду. И только после третьей стопочки Валентина рассказала про профессора.

«Ну, и козел же твой сосед!», – не стесняясь в выражениях, заявила Светлана, – «Давай в следующий раз, когда снега навалит, Сашку с его трактором попросим тебе помочь. Пусть нагребет твоему профессору кучищу побольше, да прямо под ворота!»

«Наплевать на него, Светка, неужели я буду опускаться до его уровня?», – ответила Валентина, – «Пусть живет уродом», – и, подумав, добавила, – «Моральным».

«Я не понимаю тебя, зачем тогда жалуешься?», – удивилась Светлана.

«А я и не жалуюсь, это я так, разговор поддерживаю».

«А-а-а. Стало быть, проблема не в профессоре, а в твоих спиногрызах?»

«Не называй их так, мне неприятно».

«Ладно, не буду. Выкладывай, что случилось?»

Валя подробно рассказала о приезде детей, о пироге, о Татьяне, а главное, про дом.

«Значит, твоя любимая сноха рот разевает и на то, что ей не принадлежит?», – возмутилась Светка, – «Димка ей, видите ли, помешал, боится, что мужик в свой родной дом вернется! Ну и шустрая эта Татьяна!»

«Как бы тебе объяснить. Я не за Димку переживаю. Он себя в обиду не даст. Димка ничем не лучше своих братьев, он такой же, как Лешка с Петькой. Я боюсь, что Татьяна всех перебаламутит и рассорит родных братьев из-за дома этого проклятого».

«Да, ситуация! А, Димка-то сам чего говорит? Он собирается возвращаться или нет?»

«Кто ж его знает. Живет по-прежнему один. Говорит, что пора с этой работой заканчивать. Может и придет. Я, честно сказать, по нему страшно скучаю. Мы с ним по духу похожи.

Он по характеру совсем не похож на своих братьев. Он меня никогда в обиду не давал».

«Это уж точно. Помнишь, когда Влад родился, тебе твоя сноха не разрешала с ним нянчиться? Ты просила, а она наотрез. Боялась, что ты его ухайдакаешь. Димка тогда в отпуск приехал. Услышал, как Татьяна о тебе отзывается и устроил ей разгон. Собрал всех и говорит: «Это что вы тут над матерью издеваетесь? Она троих парней воспитала, неужели еще с одним не справится?» Так тогда с Лешкой поговорил, что он своей Танюхе хвост – то поприжал. Через неделю приехали и Влада тебе на месяц оставили».

«Помню. Жениться бы Димке надо, да детишек родить. Пока не поздно. Очень мне внучку хочется. Я бы ей косички заплетала и бантики завязывала. Так я тебе завидую, Светка, по-доброму, конечно. Завидую, что у тебя и дочка и внучка есть. Дочка она всегда ближе к матери. А от этих снох никакого толку, прости меня, Господи. Я часто думаю, случись чего со мной, кому я нужна буду? Лешке с Танькой в их двушке? Или Петьке с Ольгой? Нет, если что, мне прямая дорога в дом престарелых. Вот если бы Димка домой вернулся, да семьей обзавелся, мы бы жили все в нашем доме в Шатрах. Я бы им с внуками помогала, а лучше с внучками. А Лешка бы с Петькой в гости приезжали...».

«Да, наши бы слова, да богу в уши! Давай еще по одной?»

«Давай».

После выпитой стопочки Света спросила:

«Ва-аль, а правда говорили про то, что Димка не от Семена?»»

Валентина даже поперхнулась от неожиданности, а потом сделала вид, что не расслышала Светкин вопрос и сказала:

«Да, в этом году уже семь лет будет, как Семена не стало. Как время бежит! Давай помянем его».

«Ну, не хочешь говорить, не надо. Ты меня извини, это я так, из бабьего любопытства спросила. Давай, светлая память Семену, царствие ему небесное. Да чай сейчас пить будем».

Домой Валя возвращалась уже к вечеру. На душе было не спокойно. Воспоминания о старшем сыне и Светкины вопросы пробудили в душе женщины бурные эмоции. Валентина не любила такие моменты, она запрещала себе думать о прошлом, а, если оно все же пробивалось через все преграды и запреты, то старалась как можно быстрее избавиться от него. Сегодня, почему-то, это ей совершенно не удавалось сделать. Как Валентина не пыталась переключиться на другие темы: свою сноху, профессора, внуков, мысли упрямо возвращали ее в прошлое.

В молодости Валя была очень интересной: высокой, длинноногой с копной темно-каштановых волос. Большие карие глаза с пышными ресницами сводили с ума всех парней в округе. Валентина выбрала Сергея из соседней деревни. Парень был ей под стать: почти два метра ростом, спортивный, подтянутый с точеным профилем и шикарными кудря-

ми цвета соломы. Между ними вспыхнул бурный роман, когда им было по 17 лет.

Сергей был необычайным романтиком. Он постоянно мечтал о каких-то дальних странах, много читал о жизни за границей. Он даже не сомневался, что будет жить в Италии. Почему в Италии? Не понятно. Он обещал Валентине, что обязательно прокатает ее на гондоле. Вечерами, когда они сидели у реки, Сергей увлеченно рассказывал о Венеции, о том, что это город влюбленных и о том, что они обязательно туда поедут. Валентина никогда не воспринимала слова Сергея всерьез, ей было просто весело и интересно слушать, что Сергей вычитал в энциклопедиях и журнальных статьях. В советское время о загранице никто даже думать не мог.

Сергей был просто болен Италией, а, особенно, Венецией. Он постоянно приносил Валентине репродукции известных картин, из которых она запомнила только «Вид на венецианскую лагуну» Айвазовского и «Венецианскую серенаду» Котарбинского. Да и запомнила только потому, что до сих пор хранила эти репродукции между страницами повести Грина «Алые паруса» в шкафу. Валя знала, что Семен никогда не возьмет книгу в руки, а тем более эту. «Бабские сопли»! Раньше, когда никого не было дома, Валентина часто открывала заветный томик и, рассматривая репродукции, вспоминала Сергея.

Она вспоминала, как светились его глаза, и он с жаром шептал Валентине на ухо:

«Я обязательно покатаю тебя по Большому каналу на гондоле. Ты мне веришь?»

«Верю», – отвечала Валентина.

«Мы уедем из этой деревни и будем жить в Италии. Слышишь? В Италии! Италия – это самая замечательная страна на свете. Я покажу тебе Чинкве-Терре, долину Кьянти, Сасси – ди Матеру, Бурано, Везувий...»

Из всех перечисленных мест Вале был известен только Везувий, но это не мешало ей рисовать в своем воображении картины необычайной красоты. Сергей так интересно рассказывал, что Вале иногда казалось, будто она не только слышит звуки, но и ощущает запахи редких итальянских цветов и растений.

Иногда Валя спрашивала Сергея, как же он собирается попасть в Италию. На что он отвечал:

«Я думаю над этим вопросом. Сначала нужно перебраться в Москву. У меня там есть дальний-дальний родственник по маминой линии. Он профессор в МГУ, часто бывает за границей, в том числе и в Италии. Надо его найти. Потом разберемся. На билеты до Москвы я почти накопил. Думаю, родителям скажем перед отъездом. Раньше не надо. Про Италию вообще ничего не говори. Скажи, что хочешь Москву посмотреть, на Красную площадь сходить, в Мавзолей.... Когда в Москве устроимся – напишем. А дальше видно будет».

За неделю до отъезда Валя поняла, что беременна. Она собиралась сразу же все рассказать Сергею, но потом поняла,

что не должна этого делать. Это изменит все планы, и разрушит все мечты. Она просто не имела права так поступить с Сергеем. Валя ничего ему не сказала....

Она сделала вид, что приболела, уговорила Сергея не ждать ее. Обещала, как выздоровеет, приедет к нему в Москву. Сначала Сергей писал ей постоянно, звал ее, но Валя не отвечала. Потом письма стали приходить все реже и реже и, наконец, совсем перестали. В восемнадцать лет любовь редко выдерживает испытание разлукой....

Через два месяца Валя вышла замуж за Семена – соседского парня. Семен был старше ее на семь лет. Валентина ему очень нравилась, но девушка совершенно не обращала на него внимания. Внешне ему было далеко до статного Сергея. Невысокий, смуглый, черноволосый с мелкими чертами лица и черными, как уголь, острыми глазками. Семен был очень шустрым и громким, немного хамоватым. Валентине он не нравился абсолютно, но после отъезда Сергея у нее просто не осталось выбора. Или замуж за Семена или позор на всю деревню. Девушка выбрала первый вариант.

Делая предложение, Семен не забыл намекнуть, что жених от нее сбежал, и Вале не стоит выпендриваться. Валентина, молча, согласилась. Семен напрочь был лишен романтики. Он работал в колхозе трактористом. Был не дурак выпить. После работы он, уставший, падал на диван и только прикрикивал на Валентину: «Принеси воды, дай то, подай это, присядь рядом....». Его желаниям не было конца и краю.

Валентина постоянно чувствовала себя виноватой перед мужем и даже не пыталась ему возражать.

Через семь месяцев Валентина родила Димку. Сначала Семен был очень рад сыну. Катая мальчонку в коляске, он с гордостью говорил всем: «Сын!» Но, когда Димка начал подрастать, по деревне поползли слухи, что сын не от Семена. Димка, как на зло был вылитый Сергей: длинноногий, светловолосый и голубоглазый.

Валентина хорошо помнит тот день, когда Семен побил ее первый раз и изменил свое отношение к сыну. Они с Димкой пришли с улицы и начали накрывать на стол: ждали возвращение Семена с работы. Мальчишка с удовольствием помогал матери.

«Мама, хлеб, хлеб а стол. Я сам».

«Какой ты у меня хозяйственный. Мамин помощник. Молодец».

«Ошку исе».

Валя только успела поставить суп на стол, как дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился нетрезвый Семен.

«А вот и папа», – радостно сказала Валентина, – «Беги, помогай ему раздеваться», и тихонько толкнула Димку навстречу Семену.

Семен зло отшвырнул сына:

«Папа! Чей папа? Вот этого кучерявого? Надо мной вся деревня смеется. Как это я умудрился сына себе заманстричь один в один как хахаль твой бывший?»

Валя испуганно отшатнулась.

«Чего молчишь? Нагуляла ребенка, а чтобы позор скрыть меня дураком выставила?»

Семен схватил Валу за волосы и больно шарахнул о стену. С тех пор их семейная жизнь полностью разладилась. Семен начал пить еще больше, к сыну относился с ненавистью, а Валя все чаще и чаще носила блузки с длинными рукавами. Чтобы никто не видел синяков.

Как-то раз, когда Димке было пять лет, Клавдия сказала дочери:

«Хватит народ смешить и над ребенком издеваться, разводите и приходи жить к нам с отцом».

«Нет», – ответила Валентина.

«Почему?», – удивилась мама, – «Он, ведь, как-нибудь пришибет тебя совсем. Ребенка сиротой оставите».

«Виновата я перед ним. Если еще и уйду, он совсем сопьется. Знала, на что шла. Никто за руку не тянул. Убьет, значит убьет. Значит, заслужила».

«Ну, и дура же ты! А сына не жалко?»

«Жалко! Мам, пусть пока Димка у вас поживет, может, мы как-нибудь с Семеном договоримся?»

Клавдия только вздохнула:

«Раз не жалко себя, пусть живет».

С тех пор Димка начал жить на два дома: у бабушки с бабушкой и у матери с отцом.

Время шло, в деревне появились новые темы для спле-

тен, и все перестали обсуждать новость о том, что Димка не от Семена. Семен тоже поуспокоился, бил Валентину только «по праздникам», то есть когда много выпьет.

Димка не любил отца, а с Вале́й, наоборот, был очень близок. Мальчишка не только внешне был похож на Сергея, ему передан и его романтический характер. Он мечтал о морях, дальних странах, любил читать о приключениях и пиратах. Семена это раздражало.

«Чем книжки читать, лучше бы мужским делом занялся: техникой бы интересовался. В колхозе и тракторы, и комбайны, и сеялки. А он все как девчонка о дальних странах грезет. Не мужик, а недоразумение какое-то!»

Димка старался приходить домой, когда Семен был на работе. Он скучал по матери и, с удовольствием, помогал ей по хозяйству. Но перед приходом отца мальчишка собирался и уходил к бабушке с дедом.

«Куда ты? Оставайся, поужинаем вместе», – иногда уговаривала его Валентина.

«Зачем? Чтобы настроение всем испортить? Мы с отцом не переносим друг друга, ты же знаешь».

Как-то раз Димка прямо спросил Валентину:

«Мам, почему папка меня так ненавидит?»

Валя заметалась по кухне, начала без толку перекладывать посуду с места на место, а потом, придя в себя, сказала:

«Почему ненавидит? Не говори глупостей! Просто у него характер такой».

«Я уже взрослый и все понимаю. Скажи мне только одно: дело во мне? Это я в чем-то виноват?»

«Ну, что ты, конечно, нет, глупости, какие!»

«А, если нет и мне, действительно, не в чем себя винить, то я совсем не желаю общаться с этим человеком».

«Дима, разве можно так говорить. Это же твой отец!»

«Отцы так себя с детьми не ведут!», – крикнул Димка и выбежал из дома.

Когда Димке было 10 лет, родился Лешка, а потом через два года и Петька. Валя была очень удивлена, как старший брат отнесся к появлению малышей. Он окружил их такой любовью и заботой, что даже сердце Семена чуть-чуть смягчилось. Пока ребята были маленькие, Димка нянчился с ними, много играл, оберегал их. Но потом ребята все чаще стали проводить время вместе, а у старшего брата появились свои интересы.

В 16 лет Димка твердо решил поступать в институт. Он мечтал об историческом факультете, чтобы путешествовать и заниматься раскопками. Но Семен вдруг ни с того ни с сего вмешался в процесс воспитания и твердо сказал:

«Только после армии! Там из тебя хоть мужика сделают. Отслужишь, вернешься и поступай куда хочешь! После армии у тебя хоть нормальная профессия будет, а не эта, прости Господи. Историк! В нашем роду еще только вшивых интеллигентов не было!»

Валентина попробовала поговорить с мужем, но тот был

непреклонен.

«Или в армию или пусть идет на все четыре стороны!»

Димка сначала сопротивлялся, а потом решил, что служба ему не мешает. Школа жизни, как ни как. После армии Валя его спросила про институт, на что он ей ответил:

«Какой уж теперь институт. Раньше нужно было думать. В Мурманск поеду. Море, романтика. Там молодые ребята нужны. И деньги хорошие платят».

Семен с не скрываемым удовольствием сказал:

«Вот и молодец! Поезжай. Прав я был: армия тебе на пользу пошла».

Валентина и Димка промолчали.

Отец и сын примирились только перед смертью Семена. В свой последний приезд Димка с удивлением обнаружил вместо отца совсем больного высохшего старика. Он сильно кашлял и мучился постоянной одышкой. Валентина рассказала Димке, что Семену поставили диагноз рак легких, но они ничего не рассказывают ему. Димкино сердце сжалось: отцу в то время было всего 62 года. А через два года его не стало. Димка взял отпуск и приехал на похороны отца. С тех пор прошло уже семь лет...

Семь лет Валентина не видела сына. Раньше они постоянно переписывались, но теперь с мобильными телефонами общаться стало гораздо проще. Если сын не был в море, он часто звонил матери (чтобы та не тратила деньги), и они по долгу разговаривали.

За своими воспоминаниями Валентина и не заметила, как добралась до дома. Мурка встретила ее недовольным мяуканьем.

«Что, долго я? Не ругайся, сейчас накормлю».

Кошка подошла к хозяйке и с усердием начала тереться о ее ноги.

На душе было муторно, прошлое не отпускало. Валя достала повесть Грина из книжного шкафа, погладила рукой потрепанную обложку, открыла книжку посередине и посмотрела на пожелтевшие от времени репродукции. Сколько раз она мечтала, глядя на них! Мечтала о том, что Сергей приедет и спасет их с Димкой. Спасет, как капитан Грей спас свою Ассоль. Но Сергей так и не приехал. А теперь эти было уже не важно.

Последнее время Валя часто задавала себе вопрос: если бы все можно было вернуть, как бы она поступила? Рассказала бы все Сергею или нет? А, если бы рассказала, то, как бы изменилась ее жизнь? Была ли бы она счастлива с ним или нет? На все эти вопросы у нее не было ответа. Теперь уже Валя очень хорошо понимала, что влюбленность – это влюбленность, а жизнь – это жизнь. И это, как ни крути, две совершенно разные вещи. Любовь и романтика быстро проходят, а жизнь иногда бывает очень жестока.

Но Валя очень бы хотела узнать, где Сергей сейчас? Она, конечно, не думала, что он живет в Италии. Скорее всего, он устроился где-нибудь в Москве, женился и счастлив с женой,

детьми и внуками. А, может быть, уехал куда-нибудь на Север, на золотые прииски или занимается какими-нибудь раскопками, чтобы пощипать нервы и успокоить свою мятежную душу. Ведь, недаром, Димка всю свою молодость провел в море в поисках острых ощущений. Как говорится, яблоко от яблоньки недалеко падает. Иногда Валентина даже представляла себе, что отец и сын работают вместе на одном судне, но не знают об этом.

А еще Вале было очень интересно узнать, вспоминает Сергей о ней хоть иногда или нет. Она вздохнула, провела пальцем по изображению на старых репродукциях и решила не убирать их больше в шкаф, а поставить на полку в серванте. Так будет лучше, нужно только рамочки купить.

Затем Валентина достала альбом с семейными фотографиями. Она поудобнее расположилась на диване, прикрыла ноги пледом и стала рассматривать фотографии. Мурка тут же прибежала к ней и легла под бок.

«Тоже будешь смотреть? Интересно? Ну, смотри, это муж мой, Семен. А это я молодая. Красивая, правда?»

Мурка, как всегда, ответила:

«Мяу».

«Спасибо за комплимент, хотя я и сама знаю, что красивая. А это Лешка маленький. Смотри, какой смешной. Лопухий. А это мама с папой. Вот бы сейчас их увидеть. Поговорить. Пока живы были, все некогда было. Прибежишь, спросишь, как дела. Все хорошо и ладно. А так чтобы поси-

деть, за жизнь побеседовать, выспросить все. Нет, времени не хватало. А сейчас этого времени, хоть отбавляй, только мамы с папой уже нет. Так и бывает...»

Мурка лизнула Валентинину руку, как бы говоря: не расстраивайся, не надо. Валя улыбнулась и погладила кошку по мягкой шерстке.

«А это Димка. Сын мой старший. Ты его не знаешь. Господи, как же он на отца-то похож!».

Валя вдруг сильно захотела услышать голос сына. Она взяла трубку и набрала номер. Обычно Димка сам звонил ей, но сегодня Вале было не до этого.

«Мам, привет, давай перезвоню», – раздалось в трубке.

«Не нужно. Давай так. Ты можешь говорить? У тебя все хорошо?»

«Могу. Конечно, хорошо. А у тебя? Ты почему спрашиваешь?»

«Это я так, соскучилась очень. Обещал же приехать, а все никак», – укоризненно проговорила Валентина.

«Работы много, мам, не получается».

«У тебя только работа на уме. А как насчет того, чтобы уволиться? Хватит по чужим местам мыкаться, пора домой».

«Хорошо, скоро приеду».

«Когда скоро?», – не отставала Валентина.

«Мам, что случилось? Мне твое настроение не нравится.

Что-то не так?»

«Все так. Говорю же, соскучилась».

«Мама, я тебя на расстоянии чувствую, признавайся, что произошло?»

Что ты будешь делать! Не рассказывать же ему про Сергея. Валя минуту собиралась с мыслями.

«Ма-ам, чего замолчала? Рассказывай!»

Валентине ничего не оставалось, как пожаловаться на профессора и его выходку. Димка был вне себя от возмущения.

«Я не понимаю, куда Лешка с Петькой смотрят? Почему не разберутся с этим наглецом?»

«Я им ничего не говорила», – тихо сказала Валентина.

«Почему?»

«Не хотела», – заупрямилась женщина.

«Я тебя не понимаю».

«А тут и понимать нечего! Приезжай домой. Я от тебя все равно не отстану. Ты считаешь, что выражение «запрыгнуть в последний вагон» только для женщин придумано? Ты думаешь, что к тебе оно не относится? Сорок шесть лет! Кого ты найдешь? Ровесницу? Так она тебе уже ребенка не родит. Молодую? У тебя с ней разница в целую жизнь, вы с ней на разных волнах будете».

«Не начинай. Я тебе обещаю и торжественно клянусь, что обязательно женюсь и рожу тебе внука».

«Внучку, а лучше двух».

«Договорились».

Валентина еще долго общалась с сыном. У них всегда на-

ходились темы для разговоров. Немного успокоившись, женщина повесила трубку.

Димка клятвенно обещал приехать летом и грозился свозить Валу в Турцию. Она никогда не видела моря. После смерти отца сын сделал ей заграничный паспорт, но съездить отдохнуть у них так и не получилось. Честно сказать, Валентина вообще никуда не собиралась ехать. Для нее это была игра, как когда-то с Сергеем. Неужели она поедет за границу. Даже не поедет, а полетит! Это на старости-то лет! Нет, конечно. Что про нее Танька потом скажет! Даже страшно подумать. Ей Димка просто газ провел и то, сколько неудовольствий, а уж если еще в Турцию свозит, так тогда совсем можно крест на отношениях ставить. Димке она это говорить не стала. Зачем раньше времени обострять отношения? Может, никуда и не поедут еще.

Спать Валя легла поздно. После разговора с сыном она немного успокоилась. Может быть, все еще наладится. Но чувство вины перед Димкой, по прежнему, лежало на душе тяжелым камнем. Давно было нужно признаться ему во всем. Не имела она права скрывать от него правду. Это ее, Валина, вина, что Димка вырос с ощущением ненужности своему отцу. Это из-за нее он живет без родного дома. Это она виновата в том, что у сына нет своей семьи: разве человек может создать то, чего был лишен? Слезы снова полились из глаз. Мурка лежала рядом с хозяйкой и слизывала соленые слезы с ее щек.

Глава 4.

Три недели пролетели незаметно. Дети приехали в субботу шестого марта, а седьмого укатили. Они никогда не оставались на сам праздник. Ольга всегда отмечала его со своей мамой, а у Татьяны в этот день был релакс. Лешка с мальчишками делали все по дому: убрали, стирали, готовили, а Татьяна с подругой ходила в кафе. Но на кануне перед праздником дети обязательно приезжали. Они традиционно дарили Валентине открытку, веточку мимозы и кухонное полотенце. Причем и Татьяна, и Ольга преподносили свой чудо-подарок с таким выражением лица, как будто дарили что-то очень важное и ценное. Валя привыкла к этому и каждый раз делала вид, что очень рада жиденькой веточке и новенькой тряпочке.

Сама Валентина тщательно готовилась к приезду снох. Она старательно выбирала подарки (в этом году двуспальные комплекты постельного белья в красивых коробках), кроме того каждой из снох полагался конвертик с пятитысячной купюрой.

Единственным положительным моментом в эти дни было поздравление внуков. Они привозили подарки, сделанные своими руками. Старшие – рисунки и открытки с незатейливыми словами, но очень добрыми и душевными, а младшие, как правило, читали стихи, которые выучили в детском саду к утреннику. В эти минуты Валентина никогда не мог-

ла сдерживать слез. Внуки обязательно бросались ей на шею, обнимали и успокаивали. Валя искренне считала, что ради таких моментов и стоит жить. Для каждого из внуков у Вали всегда была припасена шоколадка.

В этот раз приезд детей обошелся без эксцессов. Валя не стала печь пироги, а сварила борщ и приготовила большую кастрюлю голубцов. Татьяна была довольна. Даже похвалила Валентину: как это у нее такие замечательные голубцы получаются. Обычно все жирное и пересоленное, а вот голубцы – всегда на славу. Валя только пожала плечами, решив не вступать в дискуссии, и не портить праздничное настроение ни себе, ни снохе.

Славик был рад новой зеленой машинке и долго играл в гараж со старшими братьями. Подкараулив момент, когда Валентина была в комнате одна, Влад торжественно подарил бабушке коробку конфет и туалетную воду.

«Это я накопил из карманных денег», – гордо сказал мальчишка.

«А мама как же?», – удивилась бабушка.

«Маме папка, знаешь, какой подарок купил? Сапоги кожаные! Дорогушие! Так что ей хватит. Я тебе хотел приятное сделать, а то каждый год эти дурацкие полотенца дарят. Мне тетенька в магазине помогала духи выбрать. Сказала, что этот аромат всем женщинам в возрасте нравится», – гордо ответил внук, – «Понюхай, баб, вдруг тебе не понравятся».

«Что, ты! Как они могут не понравиться?», – сказала Валя, открывая флакон, – «М-м-м! Просто замечательные! Спасибо тебе огромное! Ты мой герой!», – Валентина прижала Влада к себе и крепко поцеловала.

Она никогда не пользовалась духами. Зачем они были ей нужны в деревне? Но, женщина была очень счастлива получить такой подарок от внука. Она даже приснула на себя один раз из флакончика и, втянув воздух, сказала:

«Просто блаженство!»

Влад сиял как начищенный самовар:

«Баб, а конфеты завтра откроешь. Будешь смотреть что-нибудь интересное по телевизору и чай пить».

«Спасибо большое!»

Когда Валя пришла на кухню, чтобы положить Мурке поест, Татьяна недовольно зашмыгала носом и резко сказала:

«Чем это так воняет? Вы, Валентина Петровна, химией какой-то пользовались что ли? Ни мух, ни комаров пока, слава Богу, нет, чтобы их травить!»

«Господи, как хорошо, что Влад не слышит!», – пронеслось в голове у Валентины, и, чтобы не обострять обстановку, она быстро выскочила в комнату.

Утром восьмого Валентина провалялась в постели дольше обычного. Торопиться было некуда. Солнце ласково пригревало лицо и руки. Мурка нежилась под боком хозяйки: принимала солнечные ванны. Через полчаса Валя сказала:

«Хватит валяться. Пойдем праздновать. У меня для те-

бя тоже подарок припасен: вкусняшки для домашних питомцев. В прошлый раз в магазине купила. Да приберегла для такого вот случая. Ты ведь у нас тоже женщина, хоть и хвостатая».

Мурка резво соскочила с дивана и помчалась на кухню. Накормив кошку, Валентина согрела чайник, поставила на стол мимозу (для создания праздничной атмосферы) и открыла конфеты. Какой же Влад все-таки заботливый! Надо будет ему обязательно позвонить потом и сказать спасибо за конфеты.

В этот момент раздался звонок. Это был Димка. Он поздравил Валентину с праздником, но разговаривать долго не мог: был в море. Обещал перезвонить через две недели, когда вернется. Несмотря на быстрый разговор, настроение у Вали явно улучшилось. «Сейчас выпью чая и позвоню Светке», – решила она.

Чтобы было не скучно, Валя включила телевизор. Старые фильмы, почему-то, совершенно не смотрелись. «Девчата» и «Королева бензоколонки» просто навязли в зубах. Женщина переключила канал. На экране молодая смешная ведущая странным голосом сказала:

«Добрый день, дорогие друзья. С вами программа «Другая жизнь» и я – Анна Алдоева». Что-то в голосе девушки и в ее манере одеваться привлекло Валино внимание. Женщина положила пульт на стол и начала пить чай. Ведущая между тем продолжала:

«Сегодня мы отправимся с вами в Италию. Но это будет не Рим и не Венеция, а маленький городок на юге Тосканы в провинции Сиена. И городок этот – Монтепульчано. Замечательное итальянское название, не правда ли, дорогие мои? Здесь в Монтепульчано живет всего около 14 тысяч человек. Этот город известен всему миру своим вином, спагетти и сыром. За мной, дорогие зрители!»

Валя даже не заметила, как девушка увлекла ее своим рассказом. Валентина с большим интересом слушала о древней истории города (по легенде он был основан в 6 веке до н.э.!), наслаждалась живописными уголками и видами на долину, любовалась историческим центром города.

«А сейчас мы побываем с вами в гостях у Бьянки и Серджио и спросим их о том, как им живется в Монтепульчано».

На экране появилась очень интересная породистая женщина. Высокая, стройная лет пятидесяти с небольшим. Она была настолько красива и уверена в себе, что Валя невольно залюбовалась ею.

«Какое у Вас красивое имя, Бьянка», – «Да и сами, Вы очень даже интересная и привлекательная женщина. Скажите, все итальянки такие красивые?»

«Да, у нас много красивых женщин»

«Поделитесь секретом, как Вы поддерживаете такую замечательную форму. Вы такая стройная, Бьянка, мне даже завидно»

«На самом деле все очень просто. Солнце, оливковое масло, сыр и морепродукты».

«А как же ваше знаменитое вино? Вы можете себе позволить выпить за ужином бокальчик-другой или это совершенно не приемлемо для вашей фигуры?», – игриво поинтересовалась ведущая.

«Конечно, могу, но только бокальчик. Иначе, как Вы правильно заметили, мне придется распрощаться со своей стройностью».

«Ну, а муж Ваш любит посидеть с бутылочкой Монтепульчано д абруццо? Как его зовут?»

«Серджио», – он сейчас подойдет, – «Вообще-то его зовут Сергей. Он русский. Просто много лет живет здесь в Монтепульчано».

«Да что Вы говорите? Как интересно. Где же этот Серджио? Я определенно хочу с ним поговорить».

Валя невольно напряглась и уставилась в экран телевизора. Перед ней появился высокий загорелый подтянутый мужчина средних лет с шикарной копной волос цвета соломы. Валентина от неожиданности чуть не выронила бокал. Это был Сергей! Ее Сергей! Конечно, уже не ее, а вот этой шикарной итальянки – Бьянки.

«Бонджорно». – улыбаясь, сказал Сергей и поцеловал ведущей руку.

«Бонджорно», – кокетливо повторила Жанна, – «Мне сейчас Ваша жена сказала, что вы русский. Это правда?»

«Да, правда», – ответил Сергей на русском языке.

«И как давно Вы живете в Италии?»

«Уже около сорока лет».

«А как Вы сюда попали? Расскажите, это очень интересно»

«Просто Италия была моей мечтой, а я привык добиваться того, о чем мечтаю», – уклончиво ответил Сергей.

«Как это романтично! А где вы жили в России? У Вас там кто-то остался?»

«Из родственников никого. Но у меня там есть один близкий человек, которого я очень хочу увидеть».

«И кто же это?»

«Женщина. Ее зовут Валентина. Я ее очень любил когда-то».

«Надо же! С ума сойти! И Вы не боитесь это говорить при жене? Бьянка, Вы не ревнуете?»

Женщина заулыбалась:

«Я не понимаю, почему должна ревновать к прошлому? Я на сто процентов доверяю своему мужу».

«Какая счастливая женщина!», засмеялась Жанна, – «Я Вам завидую. Сергей, а вы поддерживаете отношения с Валентиной?»

«Нет, я потерял все контакты. Но когда-то очень давно я дал обещание, что обязательно прокатаю ее на гондоле. Если бы Вы помогли мне найти Валентину, я был бы вам очень благодарен. Разрешите мне к ней обратиться?»

«Конечно! Ой, как интересно!... Обращайтесь».

Камера взяла Сергея крупным планом. Валентина как замороженная ни жива ни мертва смотрела на экран.

«Валя!», – сказал мужчина тихо, – «Если ты меня слышишь, откликнись, пожалуйста. Напиши в программу, они найдут меня. Я очень хочу тебя увидеть, и мы обязательно покатаемся на гондоле, как я и обещал».

Камера переместилась на ведущую.

«Валя! Вы обязательно должны откликнуться! Это же надо! Если бы хоть кто-то пообещал покатать меня на гондоле! Звоните нам или пишите, Валентина. Боже мой! Я Вам искренне завидую! Мы обязательно расскажем вам, дорогие зрители о продолжении этой замечательной истории. А пока мы отправляемся с вами смотреть, как производят здесь знаменитое на весь мир вино».

Валя осторожно нажала на кнопку пульта и выключила телевизор. Она лихорадочно начала убирать со стола. Ее руки тряслись, и крошки падали на пол. Женщина судорожно стала собирать их и задела стоящую на столе чашку с чаем. Чашка покатила по полу, но не разбилась. Зато остатки чая оказались на полу, а часть даже попала на кошку. Мурка, недовольно сказав Валентине все, что она о ней думает («Мяу!»), задрав хвост, умчалась в комнату.

«Господи! Что же теперь буде? Ужас-то какой!».

Валя села на стул и обхватила голову руками. Ей казалось, что она припозорилась на всю деревню. Конечно же, все ви-

дели эту передачу. Сейчас начнут звонить и говорить: «Видела своего ухажера? Хорош! Теперь, что, в Италию махнешь на гондоле кататься?». Разговоров всем хватит до Валиной смерти...

В эту минуту телефон предательски зазвенел. Все, началось! В окошечке высветился номер бабы Зины. Валя не хотела брать трубку, но телефон не переставал. «Перед смертью не надышишься!», – подумала женщина и нажала на зеленую кнопку.

«Наконец-то! Ты где шарашисься? На улице что ли была или в подпол лазила?»

«В ванной», – ответила Валентина упавшим голосом.

«Зайди ко мне, очень нужно».

«Зачем?», – испугалась Валя.

«Зачем? Зачем? Говорю же надо! Все! Жду!», – строго сказала бабулька и повесила трубку.

Валентина нехотя оделась. Она точно знала, что баба Зина была в курсе всей ее жизни. С самого Валиного рождения они всегда жили по соседству. Конечно, бабулька помнила и историю с Сергеем. Когда все обсуждали Димкину внешность, баба Зина заступилась за нее. Она обрывала сплетников на полуслове словами: «Нечего попусту воздух сотрясать. Вы свечку держали? Не баламутьте семью. Зачем подливать масло в огонь?» Женщина была ей за это очень благодарна. Сейчас же Валя считала, что речь непременно пойдет о бывшем ухажере.

Дверь открыла Ирина, видно приехала поздравить мать.

«Валентина, здравствуй, проходи. Раздевайся. Я стол накрыла. Праздник все-таки».

«Что ты, спасибо, некогда мне», – начала сопротивляться Валя.

«Куда это ты так спешишь?», – удивилась баба Зина, – «Прходи живо. Некогда ей!»

Делать было нечего, Валентина покорно разделась. Когда сели за стол, баба Зина сказала:

«Давайте, девочки, выпьем за наше здоровье. Не очень я, конечно, люблю этот праздник. Женский день! Кому такое только в голову пришло? Как в бане! Но, ведь нам, бабам все равно, лишь бы компания была хорошая, а повод мы найдем. За весну, девчонки. Дожили и, слава Богу! Теперь вот тепла бы дожждаться. Надоели холода. Ну, будем здоровы», – баба Зина лихо опрокинула стопку, – «Все, девочки, я больше не буду, а вы отдыхайте. Ирка, мне компоту налей!»

Валентина осторожно ковырялась в тарелке, ожидая начало разговора.

«Чего грустная сидишь», – обратилась к ней баба Зина, – «Рассказывай, как до такой жизни докатилась»

«До какой?», – испуганно спросила Валентина.

«До такой, что полон дом детей и внуков, а праздник всегда одна справляешь! Снохам-то своим не забыла вчера подарки подарить?»

Валя покачала головой.

«А они тебе что? Опять мимозу?»

Валя молчала, как школьница, потупив глаза.

«Не расстраивайся, не буду больше. И, вообще, прости, Валентина, меня. Это я от старости уже из ума выживаю. Везде свой нос сую, всех учу, как жить надо. А кто ж знает, как надо? Правильно умные люди говорят: чужую беду руками разведу, а свою не могу. Я, думаешь, всегда правильно поступала? Вон Ирку как в детстве доставала».

«Да ты и сейчас, если честно...», – неосторожно сказала Ирина.

«Я тебе дам сейчас! Кто как не дети матери должны помогать. Я тебе маленькой зачем жопу вытирала? Чтобы ты мне то же самое в старости делала. Скажи спасибо, что сама до сих пор до горшка добираюсь».

«Мам, это я так, к слову. Я ничего не говорю, я для тебя все что хочешь...»

«Ладно, я все понимаю. Я вас очень люблю, девочки. И тебе, Валентина благодарна за то, что ты со мной возишься. И в магазин, и в аптеку, и уколы, если что. Жалко мне тебя просто. Молодая еще совсем баба, а никакой личной жизни. Одна и одна. Хоть бы съездила куда, отдохнула. Все деньги детям отдаешь. Купи хоть путевку в санаторий что ли. На море побывай. Или еще куда-нибудь махни».

«Что ты говоришь такое, баба Зин? Сама-то много куда ездила? Всю жизнь в Шатрах провела. Никуда дальше Петушков не ходила. А меня на море хочешь отправить?», –

завозмущалась Валентина.

«Чего мою жизнь и твою сравнивать? Я в войну жила. Ты хоть знаешь, что это за время было? Мы из картофельных очисток суп варили. Мне бы сейчас твои годы, я бы обязательно куда-нибудь съездила. Хотя бы одним глазком на мир поглядела. Дети твои все равно тебе спасибо не скажут, сколько им деньги не давай, все мало будет. Вырастила, руки-ноги в порядке, пусть сами себя обеспечивают. Подумай об этом, Валентина», – и громко добавила, – «Чего заскучили? Наливайте, а то водка прокиснет».

Сидя у бабы Зины, Валентина немного забылась, но придя домой, она тут же вспомнила утреннюю передачу, чтоб ей пусто было! Зачем только она переключила канал? Смотрела же каждый год «Королеву бензоколонки» и ничего.

Снова зазвонил телефон. На сей раз это была Светлана.

«Валь, с праздником тебя. Приходи. Я стол накрыла. Скоро Танька придет. Посидим по-бабски. Сашка с Ленкой гулять пойдут».

«Спасибо, Свет. Я только что от бабы Зины. Мы с Ириной уже напраздновались».

«Ну вот. Жалко».

«Свет, а ты что сегодня утром делала?»

«В смысле? Дома убралась, курицу затушила...»

«Я имею в виду, телевизор смотрела?»

«Смотрела. А что?», – удивилась Светка.

«Что смотрела?»

«Шут его знает, он у меня постоянно включен. С кровати встаю, на кнопку нажимаю, спать ложусь – снова нажимаю. Все остальное время он тарабанит, фон создает. Я никак не пойму, тебе это зачем?»

Валентина собралась с силами и рассказала племяннице утреннее происшествие.

Светка молчала.

«Свет, ты меня слушаешь?», – осторожно переспросила Валя.

«Слушаю, конечно. Только я немножко в шоке. Не знаю, что и сказать. С мыслями собираюсь. Ну ты даешь».

«Что теперь делать-то, Свет? Я на улицу боюсь нос вы-сунуть. Вдруг кто-то смотрел эту передачу. Поползут опять сплетни. Дети узнают, стыд-то какой!»

«Это врятли. Даже если кто-то и видел передачу, то не сообразил, что это про тебя говорили. Да и вообще, кому сейчас новости столетней давности нужны? Это уже не новости, а протухший ужин какой-то. Объяснять замучаешься, кто там у вас кому кем приходился. У Ленки у соседа дочь от наркомана родила, наркоман ее бросил, а дочь хотела с собой покончить, таблеток наглоталась. Вот это новость. Теперь все Петушки обсуждают, уж не наркотиков ли она наглоталась и, если спасут ребенка, не будет ли он наркоманом. А ты говоришь! Гондолы какие-то... Местные бабульки даже не поймут о чем речь идет. Не переживай, никто тебе слова не скажет», – уверенно проговорила Светка.

«Думаешь? Спасибо тебе, немного успокоила».

«Вопрос не в этом, а в том, что ты теперь делать будешь».

«Ничего. А что я должна делать?», – удивилась Валентина.

«Будешь на передачу писать?»

«Я что с дуба рухнула? Конечно, нет!»

«Почему? Сергей тебя разыскивает, хочет увидиться, поговорить. Значит, прошлое не отпускает», – не унималась Светлана.

«И что? Меня-то отпустило».

«Ой ли?»

«Я тебя не понимаю, Свет, ты о чем?»

«Я о Димке. Димка – его сын? Сергея?»

Валя замолчала.

«Можешь ничего не говорить, и так все понятно».

«И что это меняет?»

«А то, что ты права больше не имеешь скрывать это от них. Димка должен знать, что у него есть отец, а Сергей, что у него есть сын. Валя, а у Сергея еще дети есть, ну, от этой как ее там? Лауры»

«Бьянки», – поправила Валентина.

«Какая разница. Есть или нет?»

«Я откуда знаю, что у них там есть. Я что, с ним разговаривала, что ли?»

«Вот и поговорите все вместе, втроем».

«Глупости какие-то! Не буду я ни с кем разговаривать. И

ты никому ничего не говори. Я тебе по большому секрету все рассказала не для того, чтобы ты все это растрепала. И Димке ничего не говори. Я тебе запрещаю!», – почти кричала в трубку Валентина.

«Хорошо, хорошо, Валь, я никому ничего не скажу. Ты же меня знаешь. Могила. Но ты подумай еще сама, посиди спокойно, все перебери в голове еще раз. Бог с ним, с Сергеем. Димке все расскажи. Он должен знать правду. Вот представь себе, помрешь ты, а он так и не узнает, кто был его отец. И что он мог с ним встретиться, а ты не дала. Он тебя ни за что не простит, на том свете все тебе припомнит. Чего молчишь?»

«Думаю. А, вдруг, он меня сейчас не простит, если я ему все расскажу? Перестанет со мной общаться»

«С чего вдруг?»

«С того, что я ему всю жизнь испортила. Ни отца, ни дома, ни семьи»

«Это ты так думаешь. Нельзя заранее знать, как Димка на все это отреагирует. Если обидится, значит, так тому и быть. И ты, и он заслужили то, что имеете. Но у вас будет время все исправить. А так как ты хочешь, вообще двойной грех получается. Тебе Господь просто дал еще один шанс все вернуть на круги своя, а ты упрямишься. Поговори с Димкой. Третьего шанса не будет».

«Хорошо, уговорила. Только звонить не буду, напишу».

«Какая разница? Пиши, если тебе так легче. Молодец. Не

бойся, все будет хорошо».

Валентина повесила трубку. Она была очень зла на себя: зачем она стала звонить Светке? зачем все рассказала? кто ее за язык дергал?

Валя взяла веник и резкими движениями стала подметать пол. Женщина не раз замечала, для того, чтобы отвлечься и избавиться от злобы и раздражения, ей было необходимо чем-то заняться. Небольшие частички мусора и пыли разлетались по комнате в разные стороны. В дверном проеме появилась Мурка, она прошла в угол и села так, чтобы поднятая с ковра грязь не могла ее задеть. Кошка недовольно стучала хвостом по полу, всем своим видом показывая, что Валя занимается неделом.

«Чего глядишь? Давно не видела меня в таком состоянии? Смотри у меня, а то и тебе достанется», – сказала Валя, обращаясь к Мурке. Та демонстративно отвернулась. Дала понять, что не собирается вступать с хозяйкой в бесполезные перепалки. Увидев, что пыль начала летать по всей комнате, Валя с досадой бросила веник на пол и выбежала в кухню. Не зная, чем занять руки, она решила достать из холодильника тарелку с оставшимися голубцами и покормить кошку. Резким движением женщина дернула тарелку и задела ей за дверцу холодильника, тарелка выпала из рук и разбилась. Жирная подливка забрызгала новый тюль и занавески. Желтые грязные пятна предательски расползались по чистой ткани.

«Что за день-то сегодня такой!». Валя села на стул и заплакала. Слезы не просто лились из ее глаз, они душили и вырывались наружу каким-то ужасным хриплым рыком. Теперь уже женщина злилась не на себя, она злилась на Сергея. Уехал и забыл. С глаз долой из сердца вон. Он даже не написал ни разу, не узнал, как ей тут живется без него. Нашел себе Бьянку. (Валентина решила из вредности называть ее Лаурой). Разве ее сравнишь с Валею. Вон, какая! Холеная, красивая, молодая, ухоженная! Валя невольно бросила взгляд в зеркало на стене и завывала еще громче. Седые волосы, морщины, тусклый цвет лица. Вот если бы эта Лаура пожила с ее Семеном, получала каждый день тычки и унижения, посмотрел бы на нее Сергей, какой красоткой бы она стала.

Валя подошла к зеркалу, вытерла слезы и с интересом начала рассматривать свою внешность. Она пригладила растрепанные волосы, потом вообще сняла резинку и распустила хвост. Ну, да, седые наполовину, но еще довольно густые и лежат красиво. Их бы покрасить и подстричь, было бы очень даже ничего. Брови нещипаные, но это поправимо. Ресницы достаточно пышные и цвет глаз карий, густой не выцветший. Да, морщины есть, но лицо не обрюзгшее без двойного подбородка. Как давно она не занималась собой! Права была баба Зина: превратила себя в старуху. Все дети и дети. . . . А, где они, дети? Разве она им нужна? Деньги дай, напои-накорми и до свиданья! Никто не спросит, как у тебя дела, мама? как ты живешь? что тебя беспокоит? Вот Лаура, наверное целы-

ми днями только собой и занимается. По парикмахерским ходит, да салонам всяким. И Сергей тоже холеный, подтянутый. Неужели она ему на глаза покажется? Старая деревенская тетка! Конечно, нет.

Единственный положительный момент: фигура. Достаточно стройная и подтянутая. Потому что некогда разведаться: то огород, то лес, то снег, то магазин. Валентина подхватила рукой излишки халата. Легкая ткань подчеркнула еще достаточно тонкую талию и высокую грудь. Можно сказать, что и ничего, но до Лауры, конечно, далеко... Вдруг Валя с удивлением подумала, почему это так задела ее Бьянка? При мысли о ней у женщины все внутри начинало kloкoтaть. Неужели она ревнует ее к Сергею? Нет, не может быть! Какое ей дело до их жизни. Что было, то прошло и мхом поросло. Но она снова и снова вспоминала красивую итальянку. «Почему я должна ревновать своего мужа к прошлому?», «У нас с Сергеем замечательные отношения. Мы доверяем друг другу», «Это наш дом, это гостиная, а это терраса, здесь мы отдыхаем и любимся нашей замечательной долиной».

Пока Валя стирала занавески и убирала кухню, она потихоньку пришла в себя. Ей стало даже немножко стыдно. Что это она так взъелась на Сергея и Бьянку? Уж Бьянка точно тут ни в чем не виновата. Она живет своей жизнью и никому ничего плохого не делает. Да и от Сергея Валентине ничего не надо. Права Светка, если кто и виноват во всей этой истории, то только сама Валентина. А за свои ошибки нужно

отвечать. Хватит от ответственности бегать. Не девочка, что бы так себя вести.

На следующий день утром Валентина написала письмо сыну. Письмо получилось длинным и путанным. Валя даже не стала его перечитывать, так как понимала, что лучше все равно не напишет. После обеда она оделась и твердой походкой отправилась на станцию. Бросив конверт в почтовый ящик, женщина вздохнула, и сказав себе: «Будь, что будет!», отправилась в обратный путь.

Глава 5.

Следующий месяц тянулся очень медленно. Дети не приезжали. Начался сезон весенней простуды. У Лешки вся семья по очереди переболела ОРВИ. Петька с Ольгой, хоть и не болели, на общественном транспорте ехать не хотели. Ждали, когда Алексей отвезет их всех вместе. Да и в деревне, честно сказать, делать было совершенно нечего. Снег таял, образуя рыхлую мокрую жижу, которая проминалась под ногами и неприятно чавкала. Иногда вдруг ударяли небольшие морозы, и все это удовольствие замерзло несуразными скользкими глыбами. На улицу выходить не хотелось абсолютно.

Валентина сделала генеральную уборку, перестирала все шторы, вымыла окна, и отчистила до блеска кухню. Но заняться все равно было нечем. В какой-то момент она вспом-

нила про прошлогодний Светкин подарок, который та преподнесла Валентине в день рождения: большая алмазная мозаика с изображением Божьей матери. Хотя Валентина и не была большой любительницей всякого рода рукоделий, она от нечего делать увлеклась этим занятием.

Вечерами она собирала мозаику, сидя перед телевизором. На душе было муторно: Димка не звонил. Валентина тоже не пыталась связаться с сыном, хотела дать ему возможность все хорошенько обдумать. Конечно, у нее даже в мыслях не было, пустить все на самотек. Она обязательно позвонит ему немного попозже. Вот соберет мозаику целиком и позвонит.

В начале апреля раздался звонок. Валентина сразу почувствовала, что это Дмитрий. Сердце предательски забухало. Она трясущимися руками взяла трубку и тихо сказала:

«Алло».

В трубке раздался громкий радостный голос:

«Мам, привет! Это я. Я сегодня в ночь вылетаю».

«Куда?», – удивилась Валентина.

«Как куда? К тебе. Домой».

«Зачем? Ой, прости дуру, не зачем, а надолго? В отпуск?»

«На совсем. Я уволился. Ты же хотела, чтобы я уволился.

Вот, пожалуйста. Лечу домой. Утром буду в Москве. К вечеру жди. Только не вздумай заморачиваться. Все привезу с собой. Слышишь? Никаких приготовлений! Все. До встречи! Скоро увидимся», – сын повесил трубку.

Валентина засуетилась по комнате. Слава Богу, судя по

голосу, сын не обижается на нее. И, надо же! едет домой. На совсем!

«Мурка, радость-то какая! Димка возвращается! Надо пироги поставить. Он с капустой любит», – весело зашебетала Валя.

В отличие от младших братьев, Дмитрий никогда не приезжал к матери с пустыми руками. Конечно, он всегда привозил с собой огромное количество всяких вкусностей: треску, пикшу, семгу, копченого палтуса, красную икру и даже краба – все то без чего не может приехать мурманский рыбак. Но он вез и колбасу и сладости и, вообще, много всего, в том числе и подарки для всех родственников, включая детей.

Но, как ни странно, любимым Димкиным лакомством были Валины пироги с капустой. Когда он их ел, то закатывал глаза к потолку и обязательно повторял: «М-м-м, ум отъесть можно!» Это тебе не Танька с ее вечной диетой. Валя каждый приезд в обязательном порядке пекла для сына пироги. И этот раз не стал исключением.

Димка приехал на следующий день часов в семь. Высоченный, уставший, но с улыбкой во весь рот. Он поднял Валентину на руки и закружил прямо на улице. Женщина тихонько пищала:

«Димка, что ты! Поставь! Что я тебе девушка что ли?»

«Конечно девушка, кто же еще? Такая молодая и красивая», – И поставив на землю, он крепко обнял мать и серьезно сказал, – «Мам, я так соскучился, сил нет».

Валя заплакала. Она никак не могла успокоиться, и пока Димка таскал в дом бесконечные сумки, беспрестанно вытирала глаза прямо руками.

Мурка вышла в коридор и с интересом наблюдала за происходящим. Обычно, когда приезжали дети, кошка старалась спрятаться и не показываться им на глаза. Она не любила шум и суету. Когда мужчина закончил разбирать сумки и пошел в ванную, Мурка отправилась за ним и начала тереться о его ноги. Димка ей явно нравился.

Тем временем Валентина накрыла на стол. Домашние соленья: огурчики, грибочки, помидорчики, горячая картошечка с курицей, а в центре пироги с капустой.

«Красотища-то какая! Ум можно отъесть! Мам, я же просил не заморачиваться».

«Ничего, сын приехал, не грех и заморочиться. Садись быстрее за стол. Что пить будешь? У меня коньяка и виски нет. Только водка».

«Мам, что-то крепкого не хочется. Давай твою наливочку. Вишневую», – сказал Димка, присаживаясь на стул. Не успел Димка сесть, Мурка тут же запрыгнула ему на колени и свернулась клубочком, – «Вот молодец! Какая ты ласковая. Давай знакомиться, меня Дмитрий зовут»

Мурка, как всегда, ответила: «Мяу».

«Понравился ты ей. Она ни к кому кроме меня с Владом на руки не идет. Да и то только когда сама захочет. Ее Татьяна как-то раз попробовала подвинуть, так Мурка Таньку за

палец тяпнула».

«Наш человек! Знает с кем дружить, а от кого лучше по-дальше держаться», – засмеялся мужчина и, погладив кошку, приступил к поглощению пирожков. Валентине нравилось кормить Димку, он всегда так вкусно и так смачно ел, что было интересно и весело наблюдать за ним. Он закатывал газа к потолку и обязательно говорил: «М-м-м, блаженство! Мам, ты просто кудесница! Не могу удержаться, съем еще один пирожок». В такие минуты женщина всегда вспоминала Татьяну и ее недовольное лицо, когда она видела пироги на столе.

Димка увлеченно рассказал о том, как его не хотели отпускать с работы, но он был настойчив, как добирался до дома, какой интересный таксист ему попался, как отличается эта погода от погоды в Мурманске, но ни слова о главном.

Валентине ужасно не хотелось заводить неприятный разговор, но она понимала, что без него не обойтись, и начать его должна именно она.

Выпив еще по стопочке, и, собравшись с духом, Валя сказала:

«Дим, ты получил мое письмо?»

«Получил», – ответил сын.

«Сильно злишься на меня?»

«Почему я должен злиться, не понимаю. Мам, я тебя очень сильно люблю и принимаю любое твое решение, если ты так поступила, значит, так было нужно. Значит, ты не

могла иначе. А насчет отца, я имею в виду Семена, Бог ему судья. Я на него тоже не обижаюсь. Я всегда подозревал, что его нелюбовь ко мне не просто так. Знаешь, самое глупое и неблагодарное занятие обижаться на судьбу и искать виновных в своих неудачах. Моя жизнь сложилась так, как сложилась. Я ни о чем не жалею. И Семен был прав, когда хотел из меня настоящего мужика сделать. Кто знает, как бы сложилась моя жизнь, если бы я в институт поступил. Работал бы сейчас учителем в школе, получал бы три копейки и считал бы себя самым несчастным человеком на свете. Ни семью как следует прокормить, ни мир посмотреть. Я в своей жизни уже столько всего видел, дай Бог каждому. Успокоил свою мятежную душу. Смерти не раз прямо в глаза смотрел. Друзей хоронил. Мне экстрима и романтики в жизни хватило. Семью хочу, детей, с тобой рядом жить хочу. Ты даже представить себе не можешь, какое это счастье, когда есть, кому сказать «мама».

Валентина заплакала. Димка обнял ее за плечи и, глядя по голове, сказал:

«Не плачь, мам, все будет хорошо. Я больше никуда от тебя не уеду», – а мотом, чуть помолчав, осторожно добавил, – «Мама, я звонил ему».

«Кому?», – Валентина, вытирая слезы, уставилась на сына.

«Отцу. Настоящему. Сергею».

«Как?», – Валино сердце предательски застучало в груди

с утроенной силой.

«После того как прочитал твое письмо, я сразу нашел передачу в интернете. Два дня ходил сам не свой. Не знал, как поступить. Сначала хотел тебе позвонить, но поскольку ты рассказала мне все это в письме, а не по телефону, понял, что лучше пока тебя не трогать. Потом решил, что нужно звонить на передачу. Позвонил. Объяснил все. Они сказали, что так как я не Валентина, нужно сначала спросить разрешения у Сергея, можно ли дать мне его контакты. Через три дня снова позвонили и продиктовали телефон».

Сергей замолчал. Валя не приставала, дала возможность собраться с мыслями.

«Мам, я так на него похож! Это просто что-то нереальное. Одно лицо!»

«Я знаю. Поэтому Семен и злился».

«Да, Бог и ним, с Семеном. Это были его проблемы. Мам, а ты его очень любила? Я отца имею в виду. Сергея».

«Очень».

«А почему тогда не поехала с ним? Испугалась? Не хотела родителей оставлять? Не верила, что все может получиться?»

«Нет, я бы с ним хоть на край Света пошла, просто за неделю до отъезда поняла, что беременна».

«И что? Отец бы был против?»

«Нет, что ты. Я думаю, он бы очень обрадовался. Просто я не могла так с ним поступить. Все рассказать – значило

поставить крест на мечте. А Италия для него была самой настоящей мечтой. Даже не мечтой, а смыслом всей его жизни. Я не имела права у него это отобрать. Когда-то в молодости я читала в журнале заметку про лебедей, которых держали в пруду ради красоты, и чтобы они не улетали, им подрезали крылья. В журнале была фотография этих птиц. Я на всю жизнь запомнила глаза одного лебедея. Настоящие человеческие глаза, полные тоски и тревоги! Именно тогда я поняла: свободолюбивые птицы не могут жить в неволе! В отношениях с твоим отцом я не смогла взять на себя такую ответственность. Не смогла подрезать ему крылья».

Димка и Валентина помолчали. Они думали об одном и том же. Валя снова заплакала.

«Ну, а сейчас-то чего?», – удивился Димка.

«А то, что, как ни крути, а получается, что я все равно перед всеми виновата. И перед тобой, и перед Сергеем. Никто не вправе вмешиваться в жизнь другого человека и решать что-то за него. Это я теперь понимаю, что каждый из нас сам должен сделать свой выбор. А в молодости мне казалось, что я знаю, как для всех лучше будет», – и вдруг неожиданно для обеих спросила, – «У него еще дети есть?»

«Нет. У Бьянки есть дочь от первого брака. Ей лет тридцать, что ли? Живет отдельно. Отец всегда очень хотел детей, но у Бьянки оказались какие-то проблемы со здоровьем, и она больше не смогла родить. Отец говорит, что когда ему сказали, что с ним хочет поговорить его сын от Валентины,

он ни минуты не сомневался, что так оно и есть. Когда я позвонил по видеосвязи, он несколько минут даже говорить ничего не мог. Просто гладил экран рукой и плохо сдерживал слезы. Представляешь, мам? Я уверен, он до сих пор тебя любит».

«Какие глупости, Димка. Какая любовь в нашем-то возрасте?»

«Любовь бывает в каждом возрасте. Просто она разная».

«Это кто тебе такое сказал?»

«Никто. Сам понял. Хотя, был у меня друг один, звали его дядя Миша. Если быть более точным, дядя Миша мне был вместо отца. Когда я на судно устроился, мне двадцать с небольшим было. Дури много, а ума мало. А дяде Мише тогда шестьдесят стукнуло. Интересный такой мужик. Невысокий, сухой, глаз с прищуром, разговаривать много не любил, а курил много. В основном, «Беломор». Все, даже командир его только дядей Мишей и звали. Уважали его мужики. Уважали за то, что в сложные моменты не паниковал, свое дело знал туго, и не раз только благодаря его выдержке и спокойствию ребята выходили из критических ситуаций. В море знаешь как, надеяться только на себя и товарища можно. И еще немного на удачу.

У меня тогда в голове после армии сплошной бардак был. Зарплата хорошая, в море деньги не нужны, на суше все сразу на девчонок и кабаки спускал. Девчонки вокруг меня толпами вились. Влюбился в одну, Ленкой звали. Бедовая,

развеселая, всех ребят в порту перебрала. Это я потом уже узнал. А сначала жениться собрался. Помню в море уходим, Ленка на мне висит, отпускать не хочет, а сама глазом на ребят косит, которые на берег сходят. На душе кошки скребутся. Вечером стою на палубе, курю. Дядя Миша подошел. Я ему и сказал, что на Ленке жениться хочу. Он посмотрел на меня, стряхнул пепел с папиросы и произнес:

«Вот что я тебе скажу, сынок. Мужик должен жениться только на трезвую голову. И никогда, ни при каких обстоятельствах в порыве страсти. Страсть она быстро проходит, а вот зародится ли на ее месте уважение – это еще большой вопрос. Запомни, только в молодости любовь – это страсть. В среднем возрасте любовь – это уважение. Уважение к человеку, который рядом с тобой, уважение к его чувствам и желаниям. В зрелом возрасте любовь – это благодарность. Благодарность за детей, за внуков, за то, что женщина с тобой каждый день и в горе и в радости. Даже в старости любовь есть. Любовь в старости – это забота. Забота друг о друге. И никогда любовь не бывает привычкой. Я жизнь прожил, я знаю, поверь мне. Прожить по привычке, значит прожить без любви. Дай Бог тебе тоже это понять. Погуляй с Ленкой, присмотришь, кто тебя жениться заставляет? Когда страсть поутихнет, голова включится, вот и задай себе вопрос, готов ли ты с Ленкой до старости прожить и не взвыть от отчаяния. Если да, вперед, женись. Ну, а, если нет...»

Ленка меня не дождалась. Через две недели, когда на бе-

рег сошел, она уже с другим крутила. После нее я влюблялся еще много раз, да так, что аж скулы сводило. Но всегда помнил слова дяди Миши, что страсти для совместной жизни мало, что страсть быстро проходит, а вот зародится ли на ее месте уважение – это еще большой вопрос. У меня так не случилось. На место одной страсти приходила другая, за ней следующая. Потом вообще все прошло. А такой женщины, которую бы я не просто хотел, но и уважал, и был бы ей благодарен, я пока не встретил. Жениться просто так, без любви, я считаю, глупо. Вот и жду у моря погоды».

«В том-то и дело! Может, поменьше рассуждать надо. Надумал себе черте что. А всего-то нужно найти себе обычную женщину и детей родить...», – завела Валя старую песню.

«Я тебе не просто так сказал, что мне дядя Миша как отец был. Он меня после этого разговора стал привечать, домой к себе звать. У дяди Миши была большая семья. Жена – тетя Люба, три дочки и семь внуков. Праздники отмечали всей семьей, собирались за большим столом, с пирогами, с песнями. Я всегда удивлялся как дядя Миша с тетей Любой умели разговаривать. Причем, не словами, а глазами, взглядами, полунамеками, а иногда даже на интуитивном уровне как-то. Дядя Миша только подумает о чем-то, а у тети Любы уже все готово. Тетя Люба только заговорит о чем-то, а дядя Миша уже ей отвечает. Я его часто спрашивал, как это у них так получается. А он мне отвечал: «Проживешь с кем-то бок о бок всю жизнь – поймешь». Вот тогда я твердо решил, не

женюсь, пока не найду свою женщину».

Валентина только вздохнула. Видно не дожидаться ей внуков.

«Мам, он нас ждет. Я обещал, что мы приедем», – тихо сказал Димка, – «Возражения не принимаются».

«С ума сошел! Я никуда не поеду», – закачала головой Валентина.

«Я даже билеты купил».

«Как купил?»

«Ксерокопия твоего загранпаспорта у меня была. Давно хотел тебе сюрприз с Турцией сделать. А тут даже круче все вышло. Через два дня в пятницу вылетаем».

«Я еще раз тебе говорю: никуда я не полечу!», – сказала Валя твердым голосом.

«Мам, я тебя очень прошу, ради меня. Я никогда к тебе ни с какими просьбами не обращался. Ты не можешь мне отказать».

«Только не надо мне на больные места давить. Дим, ну, не могу я лететь», – уже более спокойно ответила Валентина.

«Почему? Самолетов боишься? Так летать все боятся, даже мужики».

«Причем здесь самолеты?»

«Тогда в чем же дело?»

«Ты видел, какие они оба холеные? Красивые. Особенно Бьянка. Как я *такая* к ним приеду?»

«Какая *такая*?», – игриво переспросил сын.

«Некрасивая!»

Димка в очередной раз обнял мать:

«Ты очень красивая и самая лучшая. А насчет лоска не беспокойся. Я уже все придумал. Завтра мы решаем все домашние дела, на две недели пристраиваем Мурку к бабе Зине или Светлане. Послезавтра рано утром выезжаем в город. Я уже записал тебя в лучший салон. Они там сделают из тебя сногшибательную красотку. Прости, не сделают, а лишь чуть-чуть придадут шарма и без того безупречной внешности. После обеда мы идем в торговый центр и покупаем все, что будет необходимо для прекрасной дамы. Вечером на такси выезжаем в Москву, а утром вылетаем в Римини. Я молодец?», – Дмитрий сиял как начищенный самовар.

Уговоров хватило на полночи. Но Димка в этом деле был мастер. Валентина вынуждена была сдаться под его натиском. У нее просто не было никаких шансов в этой неравной борьбе.

Когда в пятницу утром Валентина с Димкой ехали в город, Валя все никак не могла поверить, что это все происходит с ней наяву, а не во сне. Как она могла решиться на такую авантюру? Куда она едет? А, главное, зачем?

Димка в отличие от матери был полон сил и энтузиазма. Он всю дорогу болтал, рассказывал какие-то интересные истории. Так как он не мог ехать с пустыми руками, он вез две большие сумки со вкусностями для Лешки и Петьки.

«Сейчас сдам тебя в надежные руки стилистов, а сам рвану к ребятам. Соскучился, надо повидаться перед отъездом. Племянникам подарки передам, обниму братьев и за тобой».

«Ой, Дим, я ведь им ничегошеньки не говорила. Они совсем-совсем ничего не знают. Может, пока ничего им рассказывать не будем?», – осторожно спросила Валя.

«Ты, что? Конечно, не будем. Это разговор не с бухты-барахты. К нему подготовиться нужно. И лучше нам все обсудить вчетвером, без Татьяны и Ольги, хоть я ничего против них и не имею. Но это наше дело, семейное. Вот приедем – тогда и поговорим. А пока я скажу им, что это мой подарок тебе ко дню рождения. У тебя как раз в мае. Не переживай, все будет хорошо».

В салоне их встретила очень красивая и ухоженная девушка. Стройная, с идеально уложенными волосами и безупречным макияжем. И это в восемь-то утра.

«Доброе утро», – приветливо сказала девушка, – «Меня зовут Дарья. Я менеджер салона. Вы, наверное, Дмитрий. А это Ваша мама. Валентина Ивановна. Проходите. Сейчас подойдет ваш мастер Анна», – и, обращаясь к Валентине, добавила, – «Я думаю, Дмитрий нам больше не нужен, мы можем его отпустить часиков до двух?».

Валя явно была не в своей тарелке. Она испуганно уставилась на сына и закачала головой.

«Вы не переживайте, мы ничего кардинального делать не будем. Тем более, я вижу, что природные данные у Вас

отменные. Здесь главное ничего не испортить. Нужно просто подчеркнуть то, чем Вас щедро наделил Господь. А Вы, Дмитрий, идите, идите. Мы тут между девочками сами разберемся», – и, взяв Валентину под локоть, повела ее в глубину зала.

Димка только усмехнулся: профессионалы, нечего сказать, и, послав матери сердечко из пальцев, выбежал из салона.

Валентина настороженно оглядывалась по сторонам. Сколько же здесь всяких пузырьчиков, флакончиков, тюбиков... Не сосчитать! А какой замечательный запах! Все стены в огромных зеркалах, фотографии шикарных женщин с необычными прическами в вечерних платьях, в середине зала какое-то непонятное переливающееся разными цветами сооружение, поставленное явно для красоты, и море цветов. Валентина даже замерла от удивления. В зал вышла простая и очень приятная девушка.

«Здравствуйте, я – Аня. Мне сказали, что я должна из Вас за полдня красавицу сделать. Хотела предупредить, что это невозможно. А, взглянув на Вас, поняла, что особо и делать-то ничего не надо. Все уже сделали до меня ваши папа с мамой. Мы только чуть-чуть придадим форму и освежим цвет, если Вы не против»

Валентина кивнула головой. И началась работа. Чуть-чуть придать форму и освежить цвет – означало шесть часов непрерывной работы. Валентине что-то выщипывали, что-то

намазывали, что-то прореживали, во что-то заворачивали, сушили, приглаживали, завивали и снова вытягивали. Все это время Анечка пыталась развлекать клиентку, чтобы та не заскучала.

«Значит, Вы в Италию едете. Как я Вам завидую! Белой завистью, конечно. Я там только один раз была, зато впечатлений на всю жизнь хватит. Вот спросите меня, что мне больше всего понравилось? Не знаю. Все! Архитектура, старина, атмосфера, вино, сыр. Все! А люди там какие! Мужчины очень темпераментные! Вот мы сейчас из Вас красавицу сделаем. и отхватите там себе какого-нибудь итальянца».

«Упаси Бог! Этого мне еще не хватало!», – испуганно сказала Валя.

«Это Вы сейчас так говорите, пока себя в зеркало не видели. А вот закончу, посмотрим!»

Ближе к обеду Аня положила на полочку расческу с феном и сказала:

«Клево получилось, мне нравится. Сейчас выйдет наш визажист Ольга, сделает Вам макияж. И все. Вы будете в полном порядке. Не то, что в Италию, на прием к королеве Елизавете не стыдно будет показаться».

Через пару минут вышла еще одна девушка и начала колдовать над Валиным лицом. Валя больше не сопротивлялась, она закрыла глаза и расслабилась. Нежные кисточки и спонжики приятно ласкали лицо. Визажистка предупредила, что разговаривать нельзя, иначе макияж будет несиммет-

ричным. Слушая приятную музыку, Валя чуть не заснула. Когда все было готово, и Валентина встала и открыла глаза, перед ней стояли все три девушки: Дарья, Аня и Ольга; они с интересом и явным удовольствием разглядывали плод своей почти восьмичасовой работы.

«Просто замечательно! Совсем другой человек! Мне очень нравится», – вынесла свой вердикт Дарья.

Девушки довольно улыбались. Они как в популярных передачах подвели Валу к зеркалу и с нескрываемой гордостью спросили:

«Ну, как?»

Из зеркала на Валу смотрела совершенно незнакомая женщина. Красивая, ухоженная, интеллигентная. Темно-каштановый цвет волос оттенял глубину ее глаз, а слегка изогнутые идеальной формы брови делали их еще более выразительными. Легкий ненавязчивый макияж разгладил лицо и выровнял кожу. Валя с удивлением заметила, что все морщинки куда-то разбежались. Цвет лица совершенно изменился, кожа стала светлой, ровной, она как будто сияла. Женщине, которая смотрела на Валентину, нельзя было дать больше пятидесяти лет, от силы пятьдесят с небольшим. Конечно, Валя знала, что в молодости она была очень красивой, но в молодости все красивые. Только потом вся эта красота куда-то улетучивается, исчезает, а на ее место приходят усталость и отрешенность. Оказывается, это совсем не так. Она до сих пор очень интересная и красивая женщина. Про-

сто убедила себя в обратном.

Неожиданно для всех Валины глаза начали наполняться слезами.

«Так, а вот это сейчас совершенно лишнее», – твердо сказала Дарья, – «Смотрим вверх и повторяем таблицу умножения, чтобы отвлечься. Иначе сейчас весь макияж потечет. Сколько будет семью восемь?»

Валя задумалась.

«А вот и Ваш сын, как нельзя к стати. Ну, как Вам? Нравится?»

«Супер! Мама, ты просто нереальная красавица!», – восхищенно протянул Димка.

Пока он расплачивался с Дарьей, Валя не могла отвести взгляд от зеркала. Она все никак не могла поверить, что расческа, ножницы и краска так могут изменить человека.

Когда сын с матерью вышли на улицу, Димка сказал:

«Теперь в торговый центр, я там магазинчик один присмотрел. Только сначала нужно немного перекусить».

В кафе Дмитрий рассказал о встрече с братьями. О том, как фыркала Татьяна, узнав, что Валя улетает за границу.

«Единственное, что смогло ее успокоить – это подарки и то, что пообещал ей из Италии привезти что-нибудь интересное, чем она сможет перед подружкой своей заклятой похвастаться», – веселился Дмитрий, – «Ну, и отхватил себе Лешка принцессу! Не позавидуешь! Слушай, а как мне понравился Влад. Совсем взрослый, рассудительный. Молодец

парень. Приедем, обязательно пообщаюсь с ним поближе».

«Да, Влад молодец. Дим, сколько денег ты за меня заплатил? Я тебе отдам. И в магазине сама все куплю».

«Сколько заплатил, столько и заплатил. Мое дело. У тебя все равно столько нет. Деньги на то и нужны, чтобы их тратить. Я их не для коллекции зарабатывал, а для комфортной жизни. Могу себе позволить. Все! Больше на эту тему мы с тобой не разговариваем. Поехали».

Когда они вошли в магазин, им на встречу вышла элегантная женщина средних лет и, окинув их взглядом, с улыбкой сказала:

«Чем могу помочь?»

«Нам нужно одеть эту девушку так, чтобы ей самой завидно стало», – весело сказал Димка.

«Без проблем. Но сначала скажите, что необходимо и на какую сумму вы рассчитываете».

«Нужен элегантный костюм, платье, брюки, блузка, в общем, все то, в чем не стыдно появиться на людях. Мы сегодня в Италию улетаем».

«А сумма? Вы же понимаете, что это не дешевый магазин», – аккуратно уточнила женщина.

«Я отлично знаю ваши цены. И если обратился к вам, значит, меня все устраивает. Давайте не будем ввергать в сомнения прекрасную даму, а лучше займемся ее преображением».

«Хорошо. Вы будете присутствовать во время примерки

или предпочитаете прогуляться по торговому центру?»

«Да, Дима, сходи лучше прогуляйся», – оживилась Валентина.

«Нет, мам, я тебя прекрасно знаю. Если я уйду, все покупки ограничатся приобретением свитера и джинсов. Я остаюсь».

«С чего начнем?», – весело спросила продавщица, – «Может быть, с костюма?»

Валя пожала плечами. Через пять минут в Валентининой гардеробной висело огромное количество одежды, которую она не успевала натягивать на себя. Вале нравилось все, что приносила продавец, но женщина была не очень довольна получающимся образом. Только через полчаса Валя вышла в зал. Темно-коричневые узкие брючки, оранжевая блузка, кардиган благородного песочного оттенка и темный коричневый шарф с вставками кирпичного цвета. Образ был просто сногшибательный! Валя выглядела дорого, интеллигентно и очень привлекательно. Димка был доволен.

Затем Валентине подобрали джемпер, легкую курточку оливкового цвета и очень элегантную блузку цвета топленого молока. Дольше всего возились с платьем. То цвет был не тот, то длина не подходила. После полутора часов примерок Валентина уже ничего не хотела.

«Может быть я без платья как-нибудь обойдусь?», – тихонечко спросила Валя, обращаясь к сыну. Но Димка был непреклонен:

«Нет, без платья нельзя. Женщина без платья – это уже не женщина! Вы продолжайте, а я пока за кофе сбегаю».

Когда мужчина вышел за двери, продавщица обратилась к Вале:

«Вы меня извините, может быть, я лезу не в свое дело, но просто никак не могу понять, почему вы выбираете наряды без удовольствия? Сколько я перевидала женщин, работая здесь, вы себе представить не можете! И все без исключения крутятся перед этим зеркалом с большим удовольствием. Иногда вещь совершенно не подходит, сразу видно, сидит как на корове седло, а даме все равно, главное – дорого. А иногда весь магазин перевернут, лишь бы подходящий наряд подобрать. А вам как будто бы и не хочется ничего»

«Я просто не привыкла к такому вниманию к своей персоне», – ответила Валентина.

«И напрасно. Нужно уметь любить себя. Вот сами подумайте, если мы к себе относимся кое-как, то чего от других-то ждать? Глядя на Вас, вообще создается впечатление, что у Вас что-то случилось. Вы как будто потеряли себя. Вы очень красивая женщина, а ведете себя как бедный родственник».

«Вы абсолютно правы. Я потеряла себя очень давно. С тех пор и живу по инерции, без любви и желаний. Все для детей и внуков. А я им и не нужна совсем. У них своя жизнь»

«Хотите совет? Не нужно каждый день мир плечом толкать. Он и без нашей с вами помощи прекрасно вертится. А

детям помощь наша часто только во вред идет, парализует волю и желание чего-то добиваться. Подумайте об этом на досуге. О! Вот, по-моему, то, что мы ищем!»

Женщина принесла в гардеробную платье. Очень красивый глубокий серо-голубой цвет, современный крой, хорошая длина. Когда Валя его надела, платье идеально село на фигуру и выигрышно подчеркнуло все ее достоинства.

«Я же сказала, это точно Ваш вариант. Ну, что на нем останавливаемся?»

«Да», – твердо сказала Валентина.

Глава 6.

В аэропорту было полно народа. Люди беспрестанно сновали взад и вперед по огромному холлу. Они катили за собой невероятные по размеру чемоданы и тащили в руках тяжелые сумки. Валентина с удивлением смотрела на то, как уверенно и спокойно они ведут себя. Создавалось такое впечатление, что люди всю свою жизнь только и заняты тем, что летают из аэропорта в аэропорт. Вон дети весело бегают вокруг поклажи, а родители совершенно не обращают на них никакого внимания. Отец уткнулся в телефон, а мать с большим интересом изучает что-то на табло.

Валя вспомнила, как первый раз привезла сыновей в город. Летом в каникулы они собрались сходить в кино и зоопарк. Перед поездкой она долго запугивала Лешку с Петькой

тем, что в городе полно людей и можно легко потеряться в толпе и давала им разного рода инструкции на этот случай. Здесь же, несмотря на море людей, как будто никто не переживал за своих детей. Они не держали их за руку, а дети, к Валиному удивлению, вели себя очень раскованно и свободно.

В этом огромном муравейнике вообще все были заняты только собой, и никто ни на кого не обращал никакого внимания. Кто-то обнимался и весело общался, кто-то перекусывал прямо в зале ожидания, кто-то читал или просто зависал в телефоне. Никому до Вали и ее нового образа не было вообще никакого дела.

Димка в этой большой толчее тоже чувствовал себя как рыба в воде. Он лихо отыскал необходимую очередь, сдал в багаж чемоданы и зарегистрировался на рейс. После прохождения паспортного контроля он привел Валию к нужному терминалу, и, усадив в кресло, пошел «прошвырнуться по магазинам».

Времени было часов шесть утра, но, несмотря на бессонную ночь, спать не хотелось. Валентина с интересом рассматривала пассажиров. Обычные люди. Немного уставшие и слегка возбужденные. Валино внимание привлекла молодая женщина с тремя детьми, сидевшая напротив. Рядом с женщиной стояла складная прогулочная коляска. Валя даже представить себе не могла, что в самолет пускают с колясками. Старшему ребенку было лет семь, среднему года четыре,

а самому маленькому месяцев восемь. Малыш явно устал, он недовольно хныкал и то и дело залезал матери под кофту, где, по всей видимости, пытался прикладываться к ее груди. Но это его тоже не успокаивало, он тут же вылезал обратно, оглядывал зал замученными заплаканными глазами и снова начинал хныкать. Мать с каким-то тупым спокойствием то поднимала кофту и запускала туда свое чадо, оттопыривая при этом воротник, чтобы малыш не задохнулся, то снова выпускала мальчишку наружу. Это продолжалось бесконечно.

В это время старшие дети, взявшись за руки, обходили зал по кругу. После каждого такого обхода они подходили к матери и спрашивали, долго ли еще ждать. Мать бросала на них отрешенный взгляд и с завидным постоянством повторяла одно и то же: «Не долго, потерпите еще немного». Валентине было очень жалко женщину. Она с трудом могла представить себе, какие обстоятельства вынудили ее одну с тремя детьми отправиться в такую дальнюю дорогу. Скорее всего, они навещали бабушку с дедушкой, а теперь возвращаются домой к отцу. Или, наоборот, летят навестить стариков, а мужу не дали отпуск.

Завершив очередной круг, мальчишки подошли к матери и затянули привычную песню: «Мама, долго еще? Мы устали». Их капризы разбудили младшего брата, который только что прикорнул у матери на руках. Он вздрогнул, открыл глаза и снова захныкал.

«Не знаю, сядьте вон около тетеньки», – женщина показала рукой на Валу, – «Видите, место освободилось». Мальчишки присели на кресло. Валя достала из сумки два леденечка и, вопросительно взглянув на женщину, спросила:

«Можно?»

Женщина кивнула. Мальчишки с радостью схватили конфетки и зашуршали обертками.

«Тоже отдыхать летите?», – спросила незнакомка.

«Не поняла?», – переспросила Валя.

«Я говорю, в Римини отдыхать летите?»

«Нет, я не в Римини и не на отдых».

«А мы вот на отдых, на недельку. Нам муж путевку горящую купил. Сейчас в Римини не сезон. Путевки пока дешевые. Тем более этому пока вообще бесплатно», – женщина головой показала на малыша.

«Так это вы с тремя детьми на неделю на отдых летите?», – для уверенности переспросила Валентина.

«Ну, да. Купаться, конечно, нельзя, но по берегу походить, морским воздухом подышать – можно. Вот и везу детей в оздоровительных целях, так сказать. Надеюсь, что и на экскурсию какую-нибудь выберемся».

Валентина все более и более изумляясь, спросила:

«С детьми?»

«Ну, конечно! Я полтора года назад в Испанию в Коста Дорада с детьми летала. Мелкого, правда, еще не было, я беременная была. А эти двое со мной», – гордо сказала женщи-

на, – «Я с ними с обоими умудрилась на экскурсию в Барселону съездить. Представляете? Даниле два с небольшим было, ему хорошо, он в коляске, а вот Эрик, старший, сам целый день протопал. Молодец! Мы и Храм большого семейства, и поющие фонтаны посмотрели. В отель аж в два часа ночи вернулись. Так что и сейчас планируем что-нибудь посмотреть».

«И вас с детьми прямо вот так без проблем на экскурсии берут? Люди не возмущаются?»

«Конечно, берут. Туроператорам все равно, лишь бы деньги платили. А люди только попробовали бы повозмущаться. *Я ж мать!* С маленькими детьми! Мы, матери в людской очереди, можно сказать, в начале стоим».

Валентина удивленно уставилась на собеседницу.

«Я имею в виду, сначала Бог, потом мать его, а за ней и мы! А уж только после нас инвалиды всякие и пенсионеры».

«Да, на счет матери его это вы сильно заметили», – сыронизировала Валя.

Малыш на руках снова закапризничал и полез под кофту. Валя покачала головой и, не удержавшись, спросила:

«А вам детей своих не жалко?»

«Не поняла. Почему мне должно быть жалко? Я, наоборот, все для них делаю. Мир показываю, о здоровье забочусь. Вон, морским воздухом везу дышать».

«А вы не думали, что в два года рановато не только на Сограда де фамилия любоваться, но и на поющие фонтаны

тоже? И по поводу здоровья тоже весьма сомнительно. Если, не дай Бог, заразу какую-нибудь в аэропорту не подхватишь, то психику точно испортишь. И себе и детям».

«Знаете что! Это может вашим детям и внукам рано к мировым шедеврам в два года приобщаться, а моим в самый раз! Вырастут, спасибо скажут. Я от вас такого не ожидала. С виду, вроде, приличная женщина, современная, а рассуждаете, как деревенская бабка», – раздраженно ответила соседка, – «Дети, берите коляску, пересядем вон на то кресло поближе к выходу. А то здесь, и вправду, заразишься чем-нибудь!» И, вскочив с места, помчалась в другой конец зала.

Валя в недоумении уставилась на удаляющуюся семейку.

«Я вижу, вас тоже эти *яжматери* раздражают», – раздался рядом приятный мужской голос. Валя повернулась. Справа от нее сидел очень интересный мужчина лет шестидесяти пяти.

«Меня так очень», – продолжил незнакомец, – «Не замечали? Если на отдыхе маленькие дети бегают одни без присмотра, кричат и хватают все подряд, – значит русские. Родители где-нибудь у бассейна с пивом. Им и дела нет до того, чем отпрыски заняты. Лишь бы к ним не приставали. А попробуй только замечание сделать их чадушке. Сразу ЯЖМАТЬ просыпается. Вот французы, англичане так себя не ведут. У них дети под присмотром. И, как правило, отцы с ними занимаются. Не обращали внимания?», – еще раз спросил мужчина.

«Нет, я за границей не была. Первый раз», – ответила Валья.

«Да?», – Удивился мужчина, – «А я постоянно мотаюсь. У меня дочь в Италии живет. Разрешите представиться. Меня Иван Петрович зовут. А вас?»»

«Валентина»

«А по отчеству?»

«Можно без отчества. Не велика важность».

«Очень приятно», – расфуфырил хвост Иван Петрович. Он явно рассчитывал на продолжение разговора. Но в этот момент вернулся Димка. В руках у него, как обычно, были сумки. Он плюхнулся в кресло и довольно сказал:

«Все, подарки купил. Скорей бы уже в самолет. Хоть поспать немножко».

Иван Петрович вынужден был ретироваться. Он, явно недовольный Димкиным появлением, пересел на соседнее кресло.

«Ма-а-ам, я, гляжу, ты тут времени даром не теряешь, знакомства с мужчинами заводишь»

«Ни с кем я ничего не завожу! Мы просто поговорили»

«Да, ладно тебе! Я еще при регистрации заметил, как он на тебя смотрит. Прямо глаз не спускал. Я говорю, теперь от ухажеров отбоя не будет!»»

«Хватит глупости всякие собирать!», – недовольно отрезала Валентина.

«Хорошо, не буду. Не обижайся. Я просто пошутил

неудачно».

В этот момент откуда-то сверху донеслось:

«Внимание! Начинается посадка на рейс 775 до Римини. Вылетающих просим подойти к выходу номер 3».

«Слава Богу, наш. Идем», – радостно проговорил Димка и, подхватив Валентину под руку, направился к выходу.

У выхода уже стояла целая толпа народу. Все пытались побыстрее выбраться из душного зала. Вдруг громкий голос противно закричал:

«Пропустите! Не видите, у меня дети! Отойдите в сторону! Мужчина, куда на коляску прете! Пропустите! Я мать! У меня трое детей. Мне без очереди положено».

Люди недовольно освобождали проход.

В самолете Валю неожиданно охватил страх. Она крутила головой по сторонам и думала о том, сколько же людей собралось в этом самолете. Сколько детей, подростков и молодежи! А вдруг что-нибудь с самолетом? Ладно старики, а этих-то как жалко.

«Не бойся! По статистике на машине гораздо опасней, чем на самолете», – Дмитрий пытался хоть как-то успокоить мать, – «Я тебе журнал купил. Сейчас взлетим – считаешь. А лучше всего поспи. Нам еще до Монтепульчано кучу времени добираться. Сто двадцать километров»

«А на чем мы поедем? Ты узнал дорогу?»

«Не переживай, нас встретят. Отец такси пришлет»

Валя вздохнула.

«Это ты по поводу полета вздыхаешь или по поводу встречи?», – поинтересовался сын.

«По поводу всего. Я до сих пор еще не осознала, в какую авантюру с тобой влезла...»

«Ладно тебе. Сейчас в окно смотреть будешь. Красотища!», – а потом Димка взял ее за руку и сказал, – «Не бойся, я рядом». На душе у Вали стало чуть-чуть светлее.

Всю дорогу в середине салона ревел ребенок. Он, то тихонько всхлипывал, то переходил на истошный крик. Когда Валя пошла в туалет, она поняла, что это тот самый несчастный малыш, который летел *на отдых* в Римини. Внутри просто все переворачивалось от негодования. «Была б моя воля, я бы таких *язматерей* материнских прав лишала, чтобы над детьми не издевались!», – с досадой думала женщина. В остальном полет прошел спокойно. Валя так и не уснула. Она с большим интересом любовалась видом из иллюминатора. Ей нравилось все: горы, облака, солнце, и, конечно же, море. Она немного успокоилась и впервые испытала чувство благодарности сыну за эту поездку.

В аэропорту при выходе в город к ним подошел мужчина и по-английски обратился к Димке. К большому Валиному изумлению сын его не только понял, но и совершенно спокойно отвечал. Валентина только глазами успевала хлопать. После оживленной беседы незнакомец обратился к Вале:

«Бонжорно. Си молто бэлла. Ласциа бацци ла пэнна».

«Что это он?», – спросила Валя у сына.

«Говорит, что ты очень красивая. Просит поцеловать ручку».

«А ты откуда знаешь?»

«Ты забыла, что я моряк. Любой портовый ловелас как минимум знает английский, а уж не уровне комплиментов может понять любой язык», – усмехнулся Димка.

Валя покачала головой и протянула незнакомцу руку. Он поднес ее к губам и жадно поцеловал. Валентина чувствовала себя неловко.

«Не кипеши! Сейчас поедем. Это сосед отца. Он таксист. Его Джузеппе зовут»

«А как этот Джузеппе понял, что мы – это мы?»

«Говорит, что меня узнал. Я очень на Сергея похож. Ты вообще привыкай, итальянцы очень женщин любят. Причем, всех. Комплименты и ухаживания здесь обычное дело. Хочешь, анекдот расскажу, чтобы та расслабилась. Как-то раз заметил Кощей Бессмертный, что из России женщины пропадают, причем только те, которые в Италию уезжают. Попросил Бабу Ягу разобраться. Отправил ее в Рим. Месяц ждет, второй, третий, а Бабы Яги все нети нет. Не выдержал, сам поехал. Приехал, смотрит на центральной площади Рима Баба Яга стоит. В мини юбке, с сигаретой, волосы распущены. Он к ней подошел и говорит: «Баба Яга, Баба Яга», а она ему, поправив волосы, отвечает: «Это я в России баба, а в Италии я «Бэлла Донна». Это значит «прекрасная женщина». Вот такой анекдот»

«Да уж», – протянула Валентина.

В это время Джузеппе, услышав знакомые слова, оживился:

«Си, си бэлла донна! Бэлла Донна!» И снова потянулся к Валиной руке.

«Да что ж это такое!», – Валя спрятала руку за спину и попыталась открыть дверь машины. Джузеппе, извиваясь как уж, подскочил к ней, распахнул дверцу и жестом предложил сесть.

Дорога заняла часа полтора. Больше всего Валентину поразила перемена погоды. В России было еще полно снега. Он, то здесь, то там лежал грязными рыхлыми кучами, а между ними зияли черные проталины. До настоящей весны было еще далеко. Здесь же, в Италии солнце светило во всю. Деревья были полностью покрыты зелеными листьями. На клумбах цвели примулы, тюльпаны и маки. По обочинам дорог росли одуванчики. Температура воздуха была не менее 20 градусов! Прямо как у нас в конце мая.

Во время поездки Валентина с большим интересом смотрела по сторонам. Идеально ровная дорога широкой полосой вилась вдоль зеленых полей и холмов. Когда они проезжали мимо небольших городков и деревень, по обеим сторонам дороги тянулись бесконечные поля с клубникой, капустой, огурцами и картошкой. Эти поля незаметно переходили в цветущие сады и виноградники.

Иногда на высоких холмах появлялись старинные камен-

ные замки. По всему было видно, что они обитаемы.

«Дим, а это что, музеи что ли?», – Валя тихонько обратилась к сыну.

«Нет, мам, это жилые дома так сказать. Просто они сохранились со средних веков, и в них до сих пор живут люди».

«А как же они в них живут? Холодно ведь».

Димка засмеялся: «Не переживай, не холодно! У них условия такие, что нам с тобой только мечтать остается. Это они снаружи старые, а внутри очень даже современные».

Валя только покачала головой от удивления. Джузеппе с явным интересом и удовольствием поглядывал на нее через зеркальце, висевшее над ним. Валя, стесняясь, уставилась в окно.

Минут через сорок Джузеппе сделал резкий поворот и свернул с трассы. Перед Валиными глазами открылся необычайно красивый вид. Довольно высокий утопающий в зелени холм ласкало яркое солнце. Его лучи с необычайной теплотой и любовью гладили каменные стены домов, башен и замков. При этом спускающиеся с неба солнечные лучи, затейливым образом преломляясь о крыши и окна домов, то тут, то там вспыхивали огромными яркими желтыми, золотистыми и оранжевыми шарами и снова поднимались назад к своему источнику. Картина была просто умопомрачительная! Валентина даже поймала себя на мысли о том, что именно так должна выглядеть божья обитель. Ну, или, по крайней

мере, библейский рай. У Вали даже дыхание перехватило от восторга.

Джузеппе что-то оживленно начал объяснять Димке. Тот только кивал головой в ответ. Валентине ничего не оставалась, как ждать, пока сын переведет ей слова таксиста.

«Джузеппе говорит, что центром города проехать нельзя. Пешеходная зона. На транспорте въезд запрещен в целях заботы об экологии. Сергей с Бьянкой живут с другой стороны города. Джузеппе подвезет нас настолько близко, насколько сможет. Дальше – пешком. Еще он очень сожалеет о том, что не сможет показать нам всю красоту Монтепульчано»

«И правда, ОЧЕНЬ красиво», – сказала Валя, – «Я даже забыла о том, что нужно волноваться».

«Зачем волноваться?», – удивился Димка.

«Затем, что страшно», – сказала Валя.

Такси остановилось на небольшой площадке, которая практически полностью была заставлена туристическими автобусами. Джузеппе помог выгрузить сумки и чемоданы. Он что-то весело сказал Димке и махнул рукой куда-то вверх.

«Отец с Бьянкой идут», – перевел сын и поднял голову. Валя даже вздрогнула от неожиданности. По узкой мощеной улочке между высоких каменных домов к ним спешила очень красивая пара.

Валя сильно волновалась из-за того, что не знала, как себя вести. Что нужно говорить, нужно ли обняться, как вести себя с Бьянкой. Вопросов больше, чем ответов. Валентина уже

давно не оказывалась в такой глупой ситуации. Кому сказать – не поверят. Приехала на встречу с бывшим любовником и его женой. О чем она только думала, когда согласилась на весь этот ужас?

Тем временем Бьянка с Сергеем подошли к ним. Как ни странно, все прошло как-то спокойно и как само собой разумеется. Сергей с Димкой вышли навстречу друг другу и крепко обнялись. Потом еще долго хлопали друг друга по плечам и снова обнимались. В это время Бьянка, протянув Вале руку, с улыбкой сказа:

«Я очень рада, что вы, наконец-то, приехали. Какая вы красивая и интересная женщина. Впрочем, у Сергея всегда был безупречный вкус. Я думаю, мы с вами подружимся». Валя кивнула головой. Затем Бьянка с умилением начала наблюдать за мужчинами. После того, как они закончили обниматься, она направилась к Димке и заговорила с ним.

Сергей тем временем подошел к Вале и так же крепко, как и сына обнял ее:

«Я очень рад. Рад, что судьба дала нам возможность встретиться. Встретиться через столько лет! Ну, идемте, идемте, скорей». Мужчины подхватили чемоданы и пошли по направлению к дому, что-то весело обсуждая.

Валя с Бьянкой шли позади. Валентина молчала, она все еще чувствовала некоторую скованность.

«Почему вы молчите? Вам неловко», – спросила Бьянка. Валя кивнула.

«Хотите, я Вас успокою? Во-первых, я всегда знала о вашем существовании. Сергей рассказал мне о вас в первый же день знакомства. Во-вторых, мы с ним уже вместе больше 25 лет. Если бы я его знала несколько дней, наверное, ревновала. Поверьте мне, сейчас это просто бессмысленно. Ну, и наконец, у нас в Италии знаете, что самое главное?»

«Что?»

«Семья. Семья – это ВСЕ для итальянца. Мы даже в шутку семью называем «мафия». Семья – это «банда», в которой все помогают друг другу. К семье ты можешь обратиться с любыми своими проблемами: если у тебя нет денег, если у тебя проблемы со здоровьем, если у тебя несчастная любовь и даже если тебе просто грустно. Вот что такое семья. У нас с Сергеем, к несчастью, большой семьи не получилось. Мои родители умерли достаточно давно. ДТП. Общих детей, по моей вине, у нас нет. Хотя мы оба очень хотели. А тут вдруг как гром среди ясного неба – Дима. Так что, мы с тобой теперь, как ни крути, тоже семья. Ты – мать Дмитрия, а я его мачеха. Вот что я тебе скажу, гони свою неловкость куда подальше. По этому поводу я немедленно предлагаю перейти на «ты». Идет?», – засмеялась Бьянка.

«Идет», – ответила Валя и добавила, – «Ты так хорошо русский язык знаешь из-за Сергея? Говоришь почти без акцента».

«Из-за него, конечно, в большей степени. Но, я думаю, когда ты поживешь здесь немножко и походишь по улицам, ты

поймешь, что русский здесь знают практически все».

«Почему? – удивилась Валя.

«Потому что очень много русских туристов. После развала СССР русские просто валом повалили к нам. А языка не знают совсем. Я уж не говорю про итальянский, они ни на английском, ни на немецком, ни на каком кроме родного общаться не могут. Каждый итальянец в школе учит как минимум 3-4 языка, многие вообще 5-6. На испанском, французском, английском, немецком наши школьники свободно общаться могут. Русские же только на своем и на пальцах. Так что хочешь – не хочешь, а итальянцам, чтобы в баре их не подзывали, кинув в спину оливку, пришлось еще и русский выучить. Сейчас, справедливости ради, надо сказать, что ситуация немного меняется. Русская молодежь, в основном, на английском начинает разговаривать. А еще очень богатые русские языки знают. Обычные же люди в возрасте, по-прежнему бесперспективны в плане общения. Приходится брать все в свои руки», – засмеялась Бьянка.

«Я тоже ничего кроме русского не знаю. Но я, честно сказать, никуда дальше своей деревни и не ездила», – смущенно сказала Валя.

«Прости меня, Валя, это я совершенно без задней мысли сказала».

«Я понимаю».

В этот момент они подошли к дому в конце улицы. Каменный фасад, небольшие окошечки с петуньями и тяжеленная

дверь невероятных размеров поразили Валино воображение. Она с трудом представляла себе, как можно жить в таком доме. Но, к ее удивлению, когда они переступили порог, и эта ужасная дверь закрылась, они как будто бы оказались совершенно с другом месте. От куда ни возьмись, появился сад с большим количеством зелени. Высокие деревья создавали приятную тень, в центре сада бил небольшой, но очень интересный фонтан, вокруг по периметру стояли кованые лавки. Сад со всех сторон был окружен каменными двухэтажными стенами. Первый этаж дома по периметру подпирали шикарные колонны, они же поддерживали и балконы второго этажа. Дом имел три входа с достаточно помпезными лестницами.

«Вот здесь мы и живем – сказала Бьянка. Это был дом моих родителей. Мой отец владел небольшим магазинчиком на центральной площади. Теперь это наша забота с Сергеем. Милана – моя дочь, не захотела продолжать семейное дело. Она учится в Риме. На искусствоведческом. Сегодня сдает очередной экзамен. Но завтра прямо с утра будет как штык. Так что познакомитесь. Она у нас девушка, конечно, не простая, как и вся молодежь сейчас, но очень добрая. Завтра сами увидите. Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты, вы приведете себя в порядок и будем ужинать. Шутка ли, целый день на ногах».

«Если бы день!», – с тоской сказала Валентина, – «Уже два».

«Тем более! Идемте. Через час жду вас на ужин».

Валина комната была на втором этаже. С балконом и шикарным видом на долину, Пока Валентина шла по городу, зелени не было вообще. Мощные узкие улицы, каменные стены домов. Она, как деревенский житель, привыкший большую часть своего времени проводить на природе, сильно удивлялась тому, как люди могут прожить всю свою жизнь в каменном мешке. Глядя из окна на долину, утопающую в зелени, Валя поняла, что она ошибалась.

От дикой усталости и бессонной ночи есть не хотелось совершенно. Валя рассчитывала на то, что она чуть-чуть перекусит и отправится спать. Но не тут-то было... Она, конечно, знала, что итальянцы любят поесть, но не до такой же степени! Ужин начался в шесть часов с небольшого бокальчика вина – аперитива с закусками. Затем последовала паста, салат, снова какие-то закуски, за ними мясо. И все это заедалось невероятно вкусными десертами и запивалось удивительно благородным вином. Это было настоящее изобилие еды. Но сделано оно было так вкусно и поедалось с таким удовольствием, что это пиршество нельзя было назвать обычным обжорством. Это был какой-то гастрономический восторг и не только в плане вкуса, но и в плане умения поглощать пищу и получать от этого наслаждение.

Во время ужина много говорили. Димка рассказывал о своей жизни в Мурманске. Валя была поражена тем, как нелегко ему пришлось. Оказывается, она не знала и о поло-

вине его проблем. Да и сейчас сын говорил о них только потому, что все было позади. Сергей с Бьянкой рассказывали об Италии, об их городке, о жизни и обычаях. Беседа была настолько легкой и непринужденной, что Валя совершенно расслабилась и перестала испытывать неловкость. Порой ей даже казалось, что она находится среди старых друзей, таких как Светка.

Утром решили погулять по Монтепульчано, полюбоваться местными достопримечательностями, а поужинать в одном из ресторанчиков. Кроме того запланировали поездку в Сиену и Флоренцию. Ну, и, конечно, в Венецию. Спать отправились далеко за полночь. Валя едва нашла в себе силы умыться и грохнулась в постель. Спала она мертвецким сном.

Глава 7

Проснулась Валентина от того, что яркое солнце било прямо в глаза. Вечером накануне Валю очень удивили шторы во всем доме. Они были темные, почти черные и очень-очень плотные. Шторы явно не гармонировали с теплым цветом стен и светлой мебелью. Валя никак не могла понять, почему Бьянка выбрала именно такое украшение для окон. Легкие воздушные занавесочки выглядели бы гораздо привлекательней. Сегодня утром все стало ясно. От ослепительного солнца сон моментально улетучился.

Валя посмотрела на часы. Большая стрелка была на цифре шесть. Женщина встала и подошла к окну. Она с удивлением увидела, как Бьянка в спортивном костюме закрывала калитку и трусцой побежала вниз по улице. За ней показался Сергей на спортивном велосипеде. Вот почему они так шикарно выглядят. Почти все Валины знакомые после плотного ужина, сопровождающегося употреблением алкоголя, на утро даже не встали бы в шесть часов, что уж тут говорить о беге трусцой. Валя подошла к зеркалу и невольно посмотрела на свой живот. Она твердо решила начать делать зарядку по утрам и не есть на ночь. А пока занялась наведением красоты. Фигуру за пару часов в порядок не приведешь, а лицо и прическу можно.

Когда Валентина спустилась вниз, Бьянка накрывала на стол. Она заулыбалась при виде Валентины.

«Садись завтракать», – предложила Бьянка.

«Я пока не хочу. Давай помогу».

«Не нужно, я почти закончила».

«Сама поешь», – предложила Валя.

«Мы в Италии не завтракаем. Для нас завтрак – это чашка крепкого эспрессо».

«Зачем же на стол накрываешь?»», – удивилась Валя.

«Для вас с Димой. Вы, русские по утрам завтракаете и даже очень плотно. Сергей совсем недавно перестал этим заниматься. Я ему раньше каждый день омлет с беконом делала. Ну, вот, все готово. Точно не хочешь?»

Валентина отрицательно покачала головой.

«Тогда пошли дом покажу и сад. А мужчины встанут, найдут все на столе. Я их предупредила».

Когда Дмитрий спустился в кухню, Сергей был уже там – допивал кофе. Он с удовольствием обнял сына.

«Доброе утро. Садись, поешь. Я сейчас. Меня Бьянка просила помочь, кое-что сделать нужно. Начинай, я быстро», – и выбежал из кухни.

Димка налил большую чашку чая, намазал булку маслом и положил целую тарелку омлета с беконом. Только он собрался откусить булку, как в кухню вошла очень стройная высокая черноволосая девушка в джинсах в обlipочку и просторной белой блузке. Она с усмешкой уставилась на Димкин завтрак.

«Здравствуйте, Я – Милана, а вы, надо полагать Дмитрий».

«Надо полагать. Позавтракаете со мной?»

«Позавтракаю», – охотно согласилась девушка и налила себе чашку кофе.

Димка приступил к поглощению пищи. Милана, усмехаясь, наблюдала за ним.

«Что смеетесь? Это итальянская девушка на завтрак ест то, что может унести в клювике, а русский мужик то, что можно утащить в тазике».

«Fools grow without watering»*, – улыбаясь, сказала девушка и добавила, – «Это я вам приятного аппетита поже-

лала».

Димка с интересом поглядел на Милану и, продолжая наворачивать омлет, ответил:

«Thank. But I never thought, that in Italy to wish you bon appétit is to call you a fool»**

«О, да вы английский знаете! Не ожидала», – усмехнулась девушка.

«Это я только внешне на дурака похож, а так очень даже сообразительный».

«Не обижайтесь, я просто думала, что вы типичный русский увалень, похожий на туристов, которых в Монтепульчано пруд пруди. А вы, оказывается, ничего», – улыбнулась Милана.

«Может быть, не будем делать поспешных выводов? Просто не хотелось бы вас разочаровывать».

Милана прищурила глаза и сказала:

«А, знаете, что? Вы мне определенно нравитесь. Скажите, Дмитрий, а какие у вас планы на эту поездку? Я надеюсь вы не думаете проторчать все время в Монтепульчано? Про Венецию я конечно молчу. Понимаю, что без нее никуда. А остальное время?»

«Вы что-то хотите предложить?»

«Хочу. Родители, наверняка, потащат вашу маму во Флоренцию, дворец Питти смотреть. Нет, если вы хотите любоваться на все эти покрытые пылью картины, я ничего против не имею. Но у меня есть план получше. Я на машине. Пред-

лагаю махнуть в Рим. Я вам настоящий Рим покажу, не только Колизей. Соглашайтесь. Когда еще такой шанс выпадет».

В этот момент в кухню вошли Валентина, Сергей и Бьянка. После процедуры знакомства и взаимных объятий Милана рассказала родителям о своем намерении похитить у них Дмитрия.

«А что, я думаю, это хороший вариант. Что вам с нами со стариками сидеть? Поезжайте, посмотрите. Милана вам много интересного покажет. А с отцом у вас еще будет время посидеть. На пару дней всего уедете. Зато впечатлений на всю жизнь хватит», – сказала Бьянка.

«Я поддерживаю этот план. Поезжай, сын, Рим должен увидеть каждый уважающий себя человек».

«Я тоже не возражаю», – согласилась со всеми Валентина.

Решили выехать после обеда, чтобы к вечеру быть в Риме. Милана обещала сводить Димку в свое любимое кафе и прогуляться по ночному городу. Ну а с утра следующего

* Дураки растут без полива.

** «Спасибо. Но я никогда не думал, что в Италии пожелать приятного аппетита значит обозвать дураком».

дня она запланировала культурную программу. Через пару-тройку дней девушка обещала вернуть Дмитрия в целости и сохранности. В Венецию решили поехать все вместе в следующие выходные. Милана тоже захотела присутствовать при столь важном для всех событии, чтобы не отрываться от

семьи.

У Миланы была новенькая Тойота экстремального желто-зеленого цвета. Хотя Дмитрий уже понял, что девушка любит эпатаж, все же был немало удивлен этим выбором. Несмотря на природное чувство такта, он все же не смог сдержать усмешку, когда сел в машину.

«Что? Цвет не нравится?», – с вызовом спросила Милана.

«Да нет, очень даже веселенький. Лишь бы тебе нравился».

«Я просто терпеть не могу занудства. Во всем: в одежде, в быту, в еде, в отношениях. Для меня самое страшное – это рутина. Люблю, когда все вокруг крутится, вертится. Так жить веселее. Две недели назад с парнем порвала. Замучил своим нытьем. Мама то, мама это. Я. Конечно, понимаю, что у итальянцев мама – это почти что Господь Бог. Но не до такой же степени! Итальянки даже шутят, что у наших мужчин на первом месте мама, на втором – футбол, на третьем – дети, на четвертом, пятом, шестом, седьмом еще много чего и лишь на десятом жена. Но я же еще не жена! Я внимания хочу! В общем, послала его к маме. Теперь в свободном поиске».

«И как дела продвигаются на этом поприще?», – весело спросил Димка.

«Пока с трудом. Вот к тебе присматриваюсь», – засмеялась Милана и подмигнула Дмитрию.

«Ну, это вряд ли», – ответил мужчина.

«А ты что, женат?»

«Нет».

«Тогда других преград для меня не существует. Я только женатиков ни при каких вариантах не рассматриваю. Это для меня табу».

«Боюсь, у нас с тобой ничего не получится».

«Почему? Я тебе не нравлюсь?»

«Я просто стар для тебя. По возрасту не подхожу».

«Да, расслабься, шучу я. Ты точно не в моем вкусе».

«Почему?»

«Терпеть не могу красавчиков. Я им не доверяю», – категорично сказала Милана.

«А я, по-твоему, красавчик?»

«А тебе никто никогда не говорил, что есть такая вещь на белом свете – зеркало называется. Не пробовал в нее смотреться? А на счет возраста, так это у вас в Росси все с ног на голову поставлено. Итальянцы раньше 35 не женятся. Они, как правило, до 40 с мамой живут и только в 40-45 обзаводятся семьей. До этого возраста думать о семье считается неприличным. Если у кого-то сын в 35 жениться собрался, соседи смеются, что он ребенок еще, совсем мальчик, а туда же!»

«Значит, я в душе итальянец», – с усмешкой сказал Димка.

«Если только где-то очень глубоко в душе», – вызывающе ответила девушка.

«Вот скажи мне, почему ты такая язва? Все время ирони-
зируешь. На каждое слово у тебя 20 своих имеется».

«Так жить проще. Ничего и никого всерьез не принима-
ешь. Значит, ничего ни от кого не ждешь. Надеешься только
на себя».

«А как же ваша знаменитая итальянская *семья*, на кото-
рую всегда можно положиться?»

«Это немного другое. Семья – это семья. Я про сторон-
них».

«Значит, не так все просто было в Риме? Сложно одной в
чужом городе оказаться?», – участливо спросил Димка.

«А твое, какое дело? Я тебе в душу не лезу», – огрызну-
лась Милана.

«В общем-то, никакое. Я, просто, как и ты в 20 лет один
в Мурманске оказался. Знаю, что это значит».

«Вот и хорошо. Не видишь, я за рулем вообще-то, хватит
меня отвлекать. На дорогу лучше смотри или в окно. Не мешай
водителю во время движения!», – отрезала Милана.

Видно, Димкины слова заделали девушку. Это его расстро-
ило. Он с интересом тайком следил за Миланой. Густые чер-
ные волосы, красиво спускавшиеся ниже плеч, и такие же
черные большие глаза резко контрастировали с белой кожей.
Это придавало лицу девушки какую-то невероятную одухо-
творенность и трепетность. Остренький подбородок делал и
без того безупречный овал лица еще более выразительным.
Завершали образ точеный нос и достаточно чувственные гу-

бы. На виске Миланы пульсировала тоненькая синяя жилка. Она тяжело дышала и с гневом смотрела на встречные машины.

Вдруг ни с того ни сего она усмехнулась уголками губ, бросила косой взгляд на Дмитрия, утопила педаль газа в пол и рванула вперед. Девушка, виляя из стороны в сторону, лихо обходила все впередиидущие машины. Чувствовалось, что этот процесс не просто нравился ей, а и заводил ее. С возгласом: «Yes!» Милана на вираже обошла очередное авто.

«Не бойся! Все будет хорошо!», – прокричала девушка и еще сильнее нажала на газ.

«А я и не боюсь! Ты в море в семибалльный шторм не была! Вот, где страшно! А это – детские шалости!», – прокричал в ответ Димка. Он уже внутренне приготовился к тому, что после этих слов Милана начнет еще сильнее выпендриваться. Но, к его удивлению, она вдруг успокоилась и сбавила скорость.

«А ты не из трусливых», – улыбаясь, сказала она, – «Я думала, что ты начнешь визжать как мой бывший и умолять сбросить скорость».

«Я экстрима не боюсь, но, считаю, что по глупости рисковать – последнее дело. Ты просто настоящих опасностей никогда не видела, вот и ведешь себя как школьница в период пубертата. Не дай Бог тебе настоящей смерти в лицо посмотреть. Поверь мне, вся твоя дурь быстро улетучится», –

жестко сказал Дмитрий и устался в окно.

Милана чувствовала себя виноватой. Зачем она снова так глупо повела себя? Ведь все же сама знает. А после этого ужасного ДТП с бабушкой и дедушкой дала себе и родителям слово, что больше гонять не будет. И опять за старое. Ей стало стыдно. Просто этот заносчивый русский так раскованно и так свободно ведет себя, как будто это не он у нее в гостях, а она у него. «Терпеть не могу этих красавчиков! Просто бесят они меня!», – с досадой сказала она себе.

Через минуту Димка произнес, как ни в чем не бывало: «Не расстраивайся! Это я так. Хочешь, я тебе цветов куплю в знак примирения?»

«Вот еще! Только цветов мне не хватало! В Италии цветы только покойникам покупают! Это дурной тон девушке цветы дарить!», – обиженно пробурчала Милана.

«Шутишь? А как же на свидания мужчины без цветов ходят?»

«Конечно без цветов! Зачем они нужны? Что потом с этим веником девушка делать должна?»

«Не знаю, нюхать. Девушки любят цветы нюхать», – пожал плечами Димка.

«Может, это русские девушки любят цветы нюхать, а итальянки нет!», – категорично возразила Милана.

«Тогда что в Италии парни дарят девушкам, чтобы сделать приятное?»

«Лучше всего пригласить в шикарный ресторан, конечно.

А так можно и бутылочку уксуса из Модены 50-летней выдержки подарить с кусочком элитного пармезана «Премиум» класса».

Димка от души засмеялся:

«Прикалываешься? На свидание с бутылкой уксуса! Представляю себе! Если бы в России девушке парень на свидании уксус подарил, даже подумать страшно, чтобы с ним потом было. И с этим уксусом тоже!»

«Ничего смешного! Это элитный уксус! Он знаешь, сколько стоит? Сам себе такой не купишь, А в подарок – самое то. Итальянцы не просто любят поесть, у нас вся жизнь вокруг еды крутится. Поэтому, уксус – это нормально. Мне дарили, и я была рада».

«Хорошо, куплю тебе уксус!», – весело сказал Димка.

В Рим приехали часов в 7 вечера. В городе было полно народу. По улицам ходили просто толпы туристов, возглавляемые экскурсоводами. Каждый экскурсовод, чтобы не затеряться среди людей, как опознавательный знак держал вверх яркий зонтик или палку с цветастым шарфиком. Бедные туристы со свисающими проводами от наушников (чтобы в этой людской неразберихе слышать гида) пытались, одновременно и смотреть по сторонам и не терять из виду свой ориентир.

Димку сильно поразил тот факт, что почти весь центр Рима перекопан. Прямо как после бомбежки!

«Почему власти не могут сначала закончить ремонт доро-

ги в одном месте, а потом приступить к другому?», – с удивлением обратился он к Милане.

«Это не ремонт дороги. Это раскопки. И длиться они могут бесконечно. Просто дорожные службы согласовывают ремонт дороги с властями, начинают его, снимают верхний слой, а там оказываются какие-нибудь древности, относящиеся к эпохе Римской империи, они вызывают археологов. И, пожалуйста, получите вот такие окопы лет на 10-15. Этих важных археологических точек в Риме пруд пруди, просто на каждом шагу. Где ни копни – всюду древности. Я тебе потом город покажу. Сначала в кафе. Как раз время для аперитива. Посидим, в себя придем после дороги. Потом поужинаем и гулять пойдем Часиков в 11-12».

«Это мы до 12 ужинать будем, что ли?», – недоуменно спросил Дмитрий.

«А ты как думал? Это тебе не Россия! Для итальянца ужин – самая главная часть жизни. Мы с утра уже начинаем обсуждать то, что будем есть вечером. Все, приехали. Это мое любимое кафе. Здесь такую пасту карбонара готовят, закачаешься! А цыпленок в сливочном соусе! Ум отъесть можно!»

«Как ты сказала? Ум отъесть можно?»

«Да»

«Это мое любимое выражение. Не знал, что в Италии тоже так говорят»

«В Италии, честно сказать, нет. Это Сергей так говорит. Мне сначала очень смешно было, потом привыкла, а теперь

и сама этим выражением часто пользуюсь. Еще пиццу нужно обязательно заказать. Маргариту. Местный повар ее шикарно делает. А на десерт тирамису. Здесь его подают в широком бокале. Супер!».

Димке показалось, что еще немного и Милана забьется в гастрономическом оргазме.

«Кто-то помнится, меня с утра называл обжорой и смеялся над тем, что я много ем. Где же ваши принципы, девушка? Вы же кушаете как птичка».

«Это я с утра птичка, а вечером – голодный тигр! К черту церемонии! Давай быстрее!».

Димка с удовольствием наблюдал за тем, как Милана легко и беззаботно сбегала вниз по ступенькам. Было в этой девушке что-то такое, что ему очень нравилось. Чем-то она его зацепила. Обычно девушки, с которыми он знакомился, делились на две категории. Первые сразу же после знакомства вызывали в нем необузданную страсть, и он добивался их, во что бы то ни стало. Вторые сами добивались его. При этом они так обволакивали его своими ласками и желанием, что он даже не замечал, как оказывался в их постели. Милана была другой. Она была похожа на необузданную лошадь. Норовистую, знающую себе цену. Ей ничего не надо было от Димки. Ему от нее тоже. Им просто нравилось разговаривать друг с другом, как бы соревнуясь в остроумии и острологии. Это возбуждало и отрезвляло одновременно.

Еда и, правда, была изумительная. Все было настолько

свежее, с пылу с жару, с нежной хрустящей корочкой там, где это было необходимо, а там где не нужно, просто таяло во рту! Димка и Милана закатывали глаза к потолку и наперебой говорил:

«М-м-м, ум отъесть можно!»

«Это просто божественно!»

В промежутках между поглощением пищи молодые люди непрерывно разговаривали. Они болтали ни о чем и обо всем сразу. Милана рассказывала об Италии, об итальянской философии жизни, о том, что такое «*dolce vita*» для итальянца. Дмитрий, в свою очередь, рассказывал о России, о наших привычках и характере. Они искренне удивлялись друг другу, подтрунивали друг над другом и много смеялись. Темы для разговора всплывали сами по себе. Милана и Дмитрий чувствовали себя как старые друзья, которые не виделись много лет и теперь никак не могут наговориться.

В какой-то момент Димка поймал себя на мысли о том, что впервые, общаясь с интересной девушкой, он совершенно не смотрит на то, какие у нее ноги, талия или грудь. Ему гораздо более важно понять ее мысли, чувства и настроение. Его удивляло и то, что Милана ни разу не спросила про его зарплату, не завела разговор о том, что она мечтает о сережках с камушком или новеньком смартфоне. Хотя, по своему опыту он уже давно понял, что главная женская эротическая зона – это мужской кошелек, а точнее, количество денег, которые в нем находятся. Милана была совершенно не похожа

на всех этих девушек. С ней можно было общаться на равных. Она была самодостаточной и уверенной в себе женщиной, не нуждающейся ни в чьей помощи.

Совершенно незаметно стрелки часов приблизились к цифре 12.

«Пора!», – сказала Милана, – «Пошли, я покажу тебе кое-что. Буду твоим гидом. Машину бросим здесь во дворах. Я живу рядом. Пойдем пешком. После такого ужина просто необходимо растряссти калории».

Милана и Дмитрий бродили по городу до тех пор, пока небо не начало светлеть. Если сказать, что ночной Рим очень красив – не сказать ничего. Ночью город становится спокойнее, он замедляет свой безумный бег, создаваемый невероятным количеством машин и людей. Шум толпы затихает, воздух становится чище и загадочней. Необыкновенно эффектная подсветка главных достопримечательностей создает поистине магическую и романтическую атмосферу. Вековые камни дорог уходят за горизонт, унося с собой множество неразгаданных тайн.

Милана показала Дмитрию то, без чего нельзя представить себе Вечный город: Колизей, Форум, Пантеон, набережную Тибра, фонтаны Треви и Четырех рек, а также замок Святого Ангела.

Дмитрий даже никогда не думал, что увиденное поразит его настолько, что он как мальчишка будет едва переводить дух от восторга. Милана, рассказывая об очередной релик-

вии, то и дело поглядывала на собеседника. Ей очень нравились его неподдельная искренняя реакция и живой интерес.

Когда они были у фонтана Треви, и Милана сказала, что сейчас, к большому сожалению, из него уже нельзя пить, потому что вода стала недостаточно чистой, Димка так удивлялся.

«А что, из других фонтанов можно?»

«Конечно, в Риме более двух тысяч питьевых фонтанов, очень чистых. Некоторые из них даже берут воду из древних акведуков времен Римской империи. Так что в Риме совсем необязательно запасаться бутилированной водой. Даже в гостиницах можно пить воду прямо из-под крана».

«Ничего себе! А я думал, что такое возможно только у мамы в деревне, когда пьешь воду из колодца»

Наступила Миланина очередь удивляться:

«У вас в деревне нет водопровода?»

«Нет, зато у нас у каждого свой акведук. Представляешь как круто».

«Я с тобой целый день вместе, но так и не научилась понимать, когда ты говоришь серьезно, а когда смеешься!», – с нескрываемой обидой сказала девушка и для большего впечатления даже топнула ножкой.

Домой пришли под утро. Милана снимала небольшую однокомнатную квартиру недалеко от кафе, где они ужинали.

«Лишней кровати у меня нет, зато есть надувной матрас. Вот держи. Это белье, а это насос. Спать будешь на кухне.

Учти, если утром надеешься на плотный завтрак как у Бьянки, смею тебя разочаровать: ничего не получится. У меня в холодильнике мышь повесилась. На завтрак только кофе. Привыкай к суровой итальянской реальности».

«Я так плотно поужинал и так устал, что о завтраке даже думать не могу».

«Вот и хорошо. Я, чур, первая в ванную».

Когда Милана вышла, она увидела, что Димка уже спит. Он так устал, что ему было уже не до глупостей: помыться можно и утром.

В 10 часов Милана уже гремела кофейными чашками.

«Вставай, иди, мойся, завтракать будем», – сказала она, бесцеремонно входя на кухню и перешагивая через Димкин матрас.

«Прям так и завтракать?», – спросил мужчина.

«Ты забыл, что в Риме лучший завтрак – это чашка крепкого эспрессо? Иди в ванную, я приготовлю».

«Приготовлю! Какие высокие слова про два глотка горькой водички! А сказано с таким апломбом, как будто мне сейчас лазанью подадут», – ворчал Димка, вставая с пола, – «Вообще, который сейчас час? Мой организм еще требует отдыха».

«Отдыхать дома, в России, будешь. В Риме отдыхать некогда. Сейчас завтракаем и в Колизей, потом в Ватикан. Не можешь же ты остаться без главных достопримечательностей. Вечером в кафе поужинаем, а потом, если захочешь, то мо-

жем снова прогуляться по городу».

«Почему бы и нет? Мне вчера очень понравилось».

«Это было вчера».

«А сегодня что изменилось? Если ты насчет того, что я устал, так это я так, шучу для поддержания разговора. Сейчас приму холодный душ и буду как огурчик».

«Я не об этом»

«А о чем тогда?»

«Надеюсь, вечером поймешь».

«Что-то вы, девушка, загадками заговорили. Ладно, с нетерпением буду ждать вечера», – сказал Димка и побежал принимать душ.

Когда вечером парочка снова сидела в кафе, Димка какое-то время ел молча. После увиденного он долго приходил в себя. Милана не трогала его, ждала, когда он «переварит» все то, что свалилось на него за сегодняшний день. После двух бокалов красного вина Димка, наконец-то, заговорил:

«Знаешь, у меня до сих пор внутри какое-то ощущение нереальности происходящего. Я никогда не думал, что все то, о чем я когда-то читал в учебниках по истории, все искусство древней Греции и Рима, все эти статуи, картины, и вообще ВСЕ...., что все это существует. Я не думал, что это можно увидеть своими глазами, потрогать, наконец. Все это есть, оно существует. Но больше всего меня поразило другое. На меня сегодня обрушилась какая-то нереальная мощь, стихия. Намного сильнее и круче моря. Не смейся, я знаю,

о чем говорю. Это какая-то невероятная сила красоты, древности и величия. Я ощущаю себя полностью раздавленным какой-то этой силой. Сегодня я впервые осознал слова о том, что человек всего лишь песчинка в окружающем нас мире».

«Это нормально. Так бывает практически со всеми. Ты прав, сила красоты и искусства намного круче и мощнее всего остального. Даже силы природы не могут с ней сравниться. Знаешь, почему? Искусство – это многовековой дух, мысль, воплощенная в повседневной жизни, идея, ставшая реальностью. Все идеальное сильнее реального. Потому что дух вечен. А все то, что ты сегодня видел, позволяет человеку прикоснуться к вечности, причем в ее первоначальном виде. Скажи, что тебе понравилось больше всего?»

«ВСЕ! Колизей, Форум, Пантеон, Ватикан, Собор Святого Петра. Я не могу назвать что-то одно. Но, знаешь, чему я был по истине удивлен? Тому, что все это по-прежнему остается доступным. Доступным для людей. Помнишь, ты мне показывала в Колизее узенькие ступеньки без перил на самой верхотуре? Они предназначались для бесправных и униженных людей того времени – римлянок, оставшихся без мужей. Но даже эти несчастные, если хотели, могли посмотреть представление. Так вот, все, что сейчас есть в Риме и Ватикане, по-прежнему доступно для обычных людей. Мы можем прикоснуться ко всему этому величию. К Сикстинской капелле, например. Знаешь, давай сегодня не пойдем гулять. После ужина я хочу домой. Мне нужно побыть с собой».

«Как скажешь. Домой так домой. Но завтра я покажу тебе другой Рим не туристический, тот, который я люблю».

Глава 8.

После отъезда детей Валентина с Бьянкой пошли гулять по городу. Узкие средневековые улочки, мощеные камнем, с близко стоящими домами, иногда соединенными между собой причудливыми мостиками-балкончиками, вели на главную улицу и соборную площадь. Величественные и невероятные по своей красоте церкви хранили дух истории и древности, которые сродни вечности. Валю поразило огромное количество сувенирных лавок, магазинчиков и погребков с бесплатной дегустацией фирменного вина и, конечно же, несметное количество ресторанчиков и кафешек.

Забавно было осознавать, что гуляя по этим каменным улочкам и любуясь великолепной архитектурой, в любую минуту можно свернуть с главного маршрута и оказаться на смотровых площадках, огибающих город по периметру. Каждая из этих площадок открывает потрясающий вид на долину. У подножья холма видна церковь Сан Бьянджо, утопающая в зелени холмов и виноградников. Особенно она красива на закате, когда уходящее солнце, окутывающее все вокруг золотистой дымкой, причудливым образом сочетается со звоном колоколов, несущих благодарность уходящему дню. Проходит несколько минут и палитра цветов меняется. Небо и холмы, поднимающиеся ввысь, окрашиваются во

все существующие оттенки розового, оранжевого и коричневого цветов. Последние звуки колокола, соединяющиеся с внутренним ощущением мощи, величия и чистоты, улетают вслед за скрывающимся за горизонтом солнцем. Долина погружается в сумерки, а в душу, очищенную этой невероятной завораживающей красотой, вселяется спокойствие и безмятежность.

Во время прогулки по городу женщины много разговаривали. Бьянке хотелось как можно больше рассказать Валентине о своих земляках и соседях, о том, как здесь живут люди, и что их волнует.

«А это наш магазин», – сказала она, остановившись у очередного здания с яркой вывеской, – «Зайдем?»

«Давай», – ответила Валентина.

Как только они переступили порог магазина, к ним подбежал продавец, но, увидев Бьянку, заулыбался и тут же приступил к объятиям и поцелуям. Валентину удивляло необузданное пристрастие итальянцев к этим занятиям. Ей казалось, что местные жители только и делают, что целуются. У них в деревне это было не принято, что ли. Валя своих мальчишек целовала только в детстве.

«Вот этим мы и живем», – сказала Бьянка, показывая рукой на витрины, – «Еще у нас есть небольшой цех по производству спагетти». В стеклянных витринах и просто на полках стояли прозрачные пакетики с макаронами всех цветов от желтого до экзотического черного. Форма этих изделий

зачастую тоже была весьма специфична: бабочки, шайбочки, птички, бантики, трубочки, в общем, на любой вкус и размер. Тут же стояли бутылки с Монтепульчано д абруццо: строгие и интеллигентные образцы сочетались с подарочными экземплярами. Ну, и, конечно же, сыр – знаменитый пармеджано. А от всевозможных сладостей у Вали просто глаза разбежались.

После прощальных поцелуев, когда женщины вышли на улицу, Бьянка сказала:

«Мы, итальянцы очень ценим традиции. Не только традиции страны, но и семейные традиции тоже. Если твоя бабушка по вторникам делала пасту карбонаре, по четвергам ризотто, а в воскресенье вы всей семьей ели равиоли, то и ты, и твои дети с вероятностью 99,9% будут поступать также. Если твой дед узнавал новости по утрам из газеты, купленной в киоске на центральной площади, и читал ее, выпивая чашечку свежего кофе, купленного в кафе напротив, то все его потомки по мужской линии будут поступать точно также. И нам это нравится. Теперь понимаешь наше с Сергеем состояние, когда Милана сказала нам, что ей не интересно проторчать всю свою жизнь в этом чертовом магазинчике и уехала в Рим. Для нас это был не просто шок, это была серьезная травма, от которой мы до сих пор не можем отойти. Что поделаешь? Милана такая. Мы смирились. Иначе можно совсем потерять дочь», – с грустью сказала Бьянка. Какое-то время женщины шли молча. Но, видно, долго грустить и пе-

чалиться не является характерной чертой итальянского характера. Буквально через минуту Бьянка уже весело щебетала:

«Сейчас мы зайдем с тобой вон в тот ресторанчик и бронируем столик на ужин, а то вечером здесь трудно будет найти свободное место».

«Зачем в ресторан?», – удивилась Валентина, – «Можно и дома поесть».

Бьянка засмеялась:

«Для итальянца ресторан – почти что дом родной, особенно, если человек на пенсии. В ресторане проходит большая часть жизни наших пенсионеров. С утра – кофе и свежая газета, к обеду можно аперитив с друзьями выпить, ну, а к ужину ты уже не найдешь свободного столика, потому что ужин – это повод собраться всем вместе, пообщаться, посмеяться, поделиться проблемами, обсудить спортивные новости, и, конечно же, поиграть в домино или карты. И все это с бокальчиком хорошего вина. Так что забронировать столик нужно обязательно, если не хотим вечером неприятных сюрпризов».

Пока Бьянка в очередной раз целовалась и обнималась с владельцем заведения, Валентина невольно вспомнила деревенских пенсионеров: бабу Зину, Натолия, дядю Митю, которые с октября по апрель на улицу носа не показывают, а единственное их развлечение – телевизор. Как будто другая планета!

«Ну, вот, договорилась», – радостно продолжила Бьянка, – «У нас на пенсии жизнь только начинается, старики очень активны, поэтому и сложно бывает попасть в ресторан».

«Уж, какая активность на пенсии?», – неуверенно проговорила Валя.

«Да, ты что! Пенсия – это самое время реализовать все свои мечты: начать бегать по утрам, брать уроки вокала или игры на гитаре, научиться танцевать, наконец. Можно начать путешествовать, в общем, заняться всем тем, к чему лежит душа, тем, на что раньше не хватало времени. Наши пенсионеры очень любят танцевать. Некоторые даже ходят на дискотеки»

«Ничего себе! Над ними не смеются?»

«Кто?», – удивилась Бьянка.

«Не знаю, молодежь, например».

«Да они молодежи еще фору дадут. Знаешь, какие среди них профессионалы встречаются! Вообще, в Италии пенсионеры не парятся над тем, что о них кто-то что-то подумает. Ты не найдешь ни одну итальянку, которая бы заморачивалась на своих морщинах, например, или возрасте. Любая тебе скажет, что возраст – это ерунда, главное, чтобы глаз горел. Итальянки любят себя в любом возрасте со всеми морщинами и несовершенствами, потому что искренне верят, что без недостатков только Бог. Мы носим то, что нам нравится, мы никогда не задумываемся над тем, можно ли это

надеть в нашем возрасте. Главное, чтобы самой нравилось, а, если кому-то не нравится, то это его проблемы».

«Да-а-а», – протянула Валя, – «А у нас в России все наоборот. Мы боимся старости. Хорошо, если у тебя есть внуки или дача, значит ты счастливый человек, потому что тебе есть чем заняться. В противном случае ты обречен на одиночество. Главный друг нашего пенсионера – телевизор. Знаешь, как у нас его называют? Зомбоящик!»

«Странно. Я знаю, что в России достаточно рано выходят на пенсию. По нашим меркам – совсем молодые люди. Неужели им нечем заняться? Мы очень любим пословицу: «Если закрылась эта маленькая дверь, значит, где-то открылась другая, большая!» Может быть, вы не хотите открывать новые двери, не хотите менять свою жизнь?»

«Не то, чтобы не хотим, скорее боимся».

«Чего?», – удивилась Бьянка.

«А вдруг за этой новой дверью будет что-то еще более плохое? Так ты уже живешь, привык к тому, что имеешь, а там еще неизвестно что. Не даром люди говорят: «не буди лихо, пока оно тихо». А еще знаешь, что говорят: Жизнь как зебра белая полоса, черная полоса. Главное, чтобы за черной полосой не оказалась задница. Вот этого мы и боимся».

«Не понимаю, если вы уже много лет в ней и находитесь, чего еще-то бояться?»

«Мало ли! Лучше потерпеть», – осторожно проговорила Валя.

«Терпеть! Самое ужасное, что может быть на свете – это терпеть! Жить нужно здесь и сейчас, получая удовольствие от каждого дня. Без исключения! Получая удовольствие от самых простых вещей. От вкусной еды, от бокала хорошего вина, от чашечки эспрессо, от общения с друзьями. Потому что нет ничего важнее этого. Потому что именно это и называется жизнью. Все остальное, даже работа, карьера – это все не главное. Знаешь почему? Потому что все это может подождать, а жизнь нет. Если ты проведешь свою жизнь в сплошных заботах, суете и терпении, то даже достигнув своих целей, ты не получишь удовлетворения. Потому что жизнь прошла мимо тебя! И это ни в коем случае не легкомысленное отношение к жизни, а позитивное, продляющее ее и наполняющее ее смыслом!», – Бьянка так увлеклась, что начала разговаривать громко, почти крича и размахивая руками, – «А ты говоришь терпеть! Терпеть – это философия деградации и вырождения и на уровне государства, и на уровне личности! Вот!»

Валентина засмеялась:

«А зачем же тогда говорят: Господь терпел и нам велел?»

«Не знаю, кто так говорит. Итальянцы не любят терпеть. Мы боремся за свои права! Мы постоянно бастуем, отстаивая свои интересы. Поэтому и живем хорошо. А если постоянно терпеть, то на тебя никто и внимания обращать не будет!»

«Знакомая ситуация», – сказала Валя, невольно вспомнив

про Татьяну.

«А я что тебе говорю!»

«Просто не в русском характере жаловаться и стонать».

«А это совсем необязательно. Мы итальянцы никогда не стонем и не жалуемся. Я давно хотела спросить, а что такое с вашей точки зрения *русский характер*?»

«Сложно сказать. Это умение терпеть....»

«Опять терпеть! Да что ж это такое! А мне часто кажется, что русский характер – это неумение делать выводы из сложившейся ситуации. Наступать на одни и те же грабли. Причем, Бог с ними, если они лежат на дороге. Но если их уже давно, чтобы они никому не мешали, выбросили в овраг или кусты. А ты, проходя мимо, специально сворачиваешь в эти кусты, ищешь эти грабли и наступаешь на них снова и снова. Вот что такое русский характер!», – выпалила Бьянка и надула губу.

«А я думала, что Сергей почти идеальный. Значит и он умеет достать женщину. Или я не права?», – подмигнув, спросила Валентина.

«Ну, их этих мужиков с их характерами. Если хорошенько разобраться, то мы тоже с тобой не подарки. И характеры у нас будь здоров! Да, Валюша?»

«Абсолютно согласна!»

«Вы с Сергеем еще не разговаривали?»

«Нет. Да я, если честно, даже и не знаю, нужно ли это? Что можно сказать человеку через столько лет? Целая жизнь

прожита. А все, что было, былшем поросло».

«Не знаю, для него это очень важно. Он всегда хотел встретиться с тобой и пообщаться. Он так был рад, когда узнал, что сын у него есть. Ты просто представить себе не можешь».

«Я не со зла эту кашу заварила. Так получилось».

«Вот посидите, объяснитесь друг с другом, и на душе легче станет. Мы любим поговорить. Сегодня в кафе самое время».

«Страшно как-то», – сказала Валя.

«Опять всего боишься? Не бойся открывать двери! Человек должен идти вперед. Все будет хорошо! Вот увидишь. Ну, что? На сегодня хватит прогулок? Давай ближе к дому. Сиеста. Нужно немного передохнуть и в кафе начнем собираться».

«Хорошо», – согласилась Валентина. Женщины развернулись и медленно зашагали вверх по каменной улочке. Разговаривать не хотелось. Каждая из них думала о своем.

Дома Валя решила заняться вечерним гардеробом. Только теперь она поняла, как хорошо, что Димка ее приодел. Оказывается, итальянки такие красивые. У них какое-то врожденное чувство стиля и меры. Раньше Валя думала, что все итальянские женщины толстые, потому что с утра до вечера едят макароны, громкие и постоянно стоят у плиты. Теперь она поняла, как сильно ошибалась. Сегодня, гуляя по улицам, она с удивлением заметила, как местные женщины

выгодно отличаются от приезжих. Вроде бы ничего особенного. Никаких тебе вычурных нарядов, пышных причесок, яркого макияжа. Все очень сдержано и лаконично, но, в то же время, очень стильно и интеллигентно.

Валентина с большим сомнением смотрела на два костюма и никак не могла отдать предпочтение ни первому, ни второму варианту. Платье, выгодно подчеркивающее фигуру, или брюки-дудочки с легким свитером? В платье она, конечно, выглядит роскошно и женственно. А в брюках и свитере молодо и свободно. Выложив наряды на диван, женщина в нерешительности переводила взгляд с одного костюма на другой. Может быть, Бьянку спросить? Что она посоветует? Но, немного поразмыслив, Валя решила этого не делать. А то вдруг еще подумает, что это она так из-за Сергея озаботилась.

В душе Валентина прекрасно знала, что Сергей тут не при чем. Это был совершенно другой человек, не тот, которого Валя знала много лет назад. Это был чужой мужчина, мужчина Бьянки. У них с ней общая дочь. Да, именно так. Как бы странно это ни звучало. Милана их дочь, пусть не по факту рождения, а по праву воспитания. У Валентины, в свою очередь, был другой мужчина – Семен. Плохо или хорошо, а именно с ним она прожила всю свою жизнь. И он был ее мужем. А Сергей остался лишь светлым пятном ее юности. Вот, в общем-то, и все. Хотя нет, не все. Сергей был отцом ее сына. И они: Сергей и Димка, кажется, оба счастливы. Ва-

лентина была рада за них. Но в ее жизни это совершенно ничего не меняло.

Бьянка очень нравилась Валентине. Прямая, спокойная, уверенная в себе. Валя много думала над тем, как бы она поступила на ее месте, если бы, вдруг, с ней произошла такая же история. Если бы к ней приехала бывшая любовница Семена. Как бы она себя вела? Что бы ей сказала Светка? Пока у Вали на это не было ответа.

А еще Валентина понимала, что Сергей и Бьянка очень подходят друг другу. Они одного поля ягоды. Им и жить вместе. Валя не собиралась им мешать. Но женщина чувствовала, что есть что-то такое, что мешало их отношениям. То, что тянулось из прошлого. И Валентина была тому виной. Она знала, что должна поговорить с Сергеем и отпустить его.

Вот уже несколько дней Валентина с удивлением внутри себя начала находить какую-то совершенно другую женщину. Эта новая Валя с интересом смотрела вокруг, узнавала другую жизнь, других людей, и ей очень хотелось быть на них похожей. Что там сегодня говорила Бьянка? Не нужно бояться открывать новые двери и идти вперед? Что ж, пробуем....

В семь часов, как и договаривались, Валентина спустилась вниз. Она была в брюках и свитере. Чистые аккуратно уложенные волосы и легкий макияж придавали образу целостность и законченность. Какая Валя все-таки молодец. Как правильно она поступила, выбрав именно этот вариант. В

платье она, пожалуй, смотрелась бы очень торжественно и даже нелепо. И Бьянка, и Сергей для вечера тоже выбрали брюки. Сергей накинул свитер на плечи и завязал рукава узлом. А на Бьянке был очень красивый вязаный кардиган нежно-голубого цвета. Они оба заулыбались, увидев Валентину.

Когда они втроем вошли в кафе, Валентина никак не могла понять, что происходит. В небольшом, но достаточно уютном помещении было полно народу. Люди громко кричали, размахивали руками и, по всему было видно, что они очень возбуждены. Валентина с удивлением уставилась на Бьянку:

«Что-то случилось?»

«Почему ты так решила?», – наступила Бьянкина очередь удивляться.

«Я не понимаю, почему люди ругаются».

Бьянка засмеялась:

«Никто не ругается. Это мы так разговариваем. Наши люди просто очень эмоциональны. Мы разговариваем не только языком, но и руками тоже. Руки помогают нам донести информацию. Идем, вот наш столик».

Не успели они расположиться, как к ним подскочил Джузеппе. Он с удовольствием поцеловал Бьянку, а затем устроил бесплатный спектакль. Он обеими руками схватился за сердце, потом резко отдернул их и с криком: «Bella donna! Bella donna! Hai un aspetto molto seducente. Se tanto bella fuori quanto dentro»,* Джузеппе встал перед Валею на колени и пытался поцеловать ее руки.

Валентина, красная как рак, выдергивала свои ручки из цепких рук Джузеппе и смущенно оглядывалась по сторонам, переживая о том, что стала предметом всеобщего внимания. Мужчина же, напротив, делал все возможное, чтобы на них посмотрели как можно больше людей.

На помощь бедной Валюше пришла Бьянка. Она что-то сказала Джузеппе, он моментально вскочил с колен и, оглядываясь на входную дверь, побежал к своему столику. Валентина вопросительно смотрела на подругу.

«Это я ему напомнила, что его жена должна скоро подойти. Джулия очень ревнива и любит устраивать публичные скандалы. В прошлом году Джузеппе здесь же в ресторане начал ухаживать за одной очень симпатичной молоденькой девушкой. В самый неподходящий момент, когда Джузеппе пел девушке какую-то серенаду, вошла Джулия. Она, долго не думая, взяла со столика пасту и вывалила все содержимое тарелки на голову своего горе-муженька. Представляешь себе картину?»

«Да уж! Врагу не пожелаешь!»

«Пусть знает, как девушек смущать», – смеясь, проговорила Бьянка.

Пока Сергей с Бьянкой занимались заказом, Валя с интересом смотрела вокруг. Действительно, большая часть посетителей была преклонного возраста. Люди предпочитали сидеть большими компаниями, просто сдвинув столы. Мужчины и женщины громко разговаривали, смеялись, пили вино

и закусывали. Было видно, что они счастливы. Некоторые из посетителей играли в домино или карты, кто-то читал газету и обсуждал свежие новости, несколько пар танцевали. Валино внимание привлекла интересная пара: женщина в возрасте и мужчина моложе ее лет на 15 – 20. Они сидели вдвоем за столиком и кокетничали друг с другом. Несмотря на свой возраст, женщина явно нравилась мужчине. Она вела себя свободно, и, если можно так сказать, играла с ним как кошка с мышкой. Мужчина смотрел на нее во все глаза и пытался произвести впечатление. Вале подобная ситуация казалась не совсем типичной. Она решила спросить у Бьянки, кто эти люди.

«Это Марсела, учительница танцев, а рядом с ней ее новый бойфренд, честно сказать, не знаю даже, как его зовут».

«Бойфренд? Но ведь он ее явно моложе!»

«И что тут такого? Марсела у нас та еще штучка! Фигура – дай бог каждому, а танцует – это просто что-то! Вот мужики вокруг нее и выются».

«Но он молодой!»

«И что? Не такой уж и молодой. Это яблоко незрелое невкусное. А молодое вино бывает очень даже ничего. Правда, много не выпьешь, голова на утро болеть будет. Но ведь ей не на долго. Так, для поддержания тонуса».

Валентина только покачала головой. Через минуту к их столику подошли двое мужчин, громко спорящих между собой. Они подставили к столу два стула и начали что-то увле-

ченно объясняли Бьянке и Сергею на итальянском. Те, выслушав спорщиков, присоединились к выяснению вопросов, так волнующих мужчин. Причем Бьянка явно заняла сторону одного, а Сергей другого. Спор продолжался минут 15, не меньше и, по всей видимости, завершился ничем. Оба спорщика, махнув руками, пошли искать решение своих вопросов за другим столом.

«Решают, нужно ли при приготовлении цыпленка натирать его сахарной пудрой для хрустящей корочки или нет», – сказала Бьянка.

«Неужели так оживленно можно обсуждать такую ерунду?»

* Красивая женщина! Красивая женщина! Ты выглядишь очень соблазнительно. Ты очень красивая, как и снаружи, так и внутри.

«Приготовление еды для итальянца не ерунда, а вопрос по своей важности, сопоставимый с решением глобальных проблем», – ответила Бьянка.

За ужином Валентина, Бьянка и Сергей много общались. Валентина рассказывала о своих впечатлениях о городе, о людях. Бьянка с интересом расспрашивала о жизни в России. Но, несмотря на непринужденную, на первый взгляд беседу, в воздухе витало ощущение недосказанности и неопределенности. И каждый из собеседников чувствовал это. Неожиданно для всех Бьянка встала из-за стола и сказа-

да, что ей необходимо поговорить со своей подругой, сидевшей в углу зала.

«Вам, я тоже думаю, есть о чем побеседовать», – продолжила женщина, вставая. И, улыбнувшись, добавила: – «Не случайте без меня, я не долго».

За столиком повисло молчание. Чтобы разрядить обстановку, Сергей налил два бокала вина.

«Еще раз за встречу?», – предложил он, протягивая один бокал Валентине.

«Давай», – согласилась Валя.

После того как бокалы стали пустыми, Сергей продолжил.

«Виноват я перед тобой. Знаю. Сильно виноват».

Валентина пыталась возразить в ответ, но мужчина не дал ей.

«Ничего не говори. Прошу. Дай я скажу. Не должен был я тебя так вот бросить. Уехал и все. Ни слуху, ни духу. Я и раньше постоянно жил с чувством вины, а теперь, когда узнал про сына, так вообще места себе не нахожу. Как представлю, что было с тобой, когда после моего отъезда ты поняла, что беременная. Просто волосы дыбом встают!»

«Сергей! Подожди! Я узнала все за две недели до твоего отъезда. Это было мое решение. Обдуманное. Ты тут ни при чем».

«Почему ты мне ничего не сказала?», – удивился мужчина.

«Потому что боялась, что ты никуда не поедешь. Не хоте-

ла тебе жизнь испортить. И Семена сознательно обманула. Так что не ты во всем виноват, а я», – сказала Валя.

Сергей снова налил вина. Молча, выпил бокал, посидел и сказал:

«Нет, все-таки я думаю, что в подобных ситуациях всегда виноват мужчина. Женщина, тем более беременная, никогда не останется одна с ребенком по своей воле».

«Сергей, по-моему, мы оба повели себя в этой ситуации не лучшим образом. Давай не будем копать в прошлом и искать виновных. Предлагаю закрыть ненужную дверь. Я очень рада, что мы встретились и поставили точки над «и». Димка тоже рад, что все так вышло».

«А уж я-то как рад! Счастлив просто. Никак не дождусь, когда его Милана вернет. Не поговорили еще совсем. Очень хочется с ним посидеть по-семейному».

«Да, скорей бы. А теперь зови Бьянку. Мне без нее скучно. Она у тебя просто чудо. А любит тебя как!»

«Я ее тоже очень люблю».

«Вот и хорошо. Не мучай ее больше прошлым. То, что было – прошло. Жить нужно сегодняшним днем. Вам ли, итальянцам, мне это объяснять? Иди, заглаживай вину перед женой!».

Сергей, довольный, побежал за Бьянкой.

Валя с интересом посмотрела в зал. За соседним столом сидела большая компания мужчин и женщин. Они увлеченно играли в какую-то настольную игру. Вдруг один мужчина

встал из-за стола и напрямиком направился к Вале. Он заговорил с ней на русском языке:

«Добрый вечер! Хочу предложить Вам сыграть в томболу. У нас две команды: мужская и женская, но нам не хватает одной девушки. Пойдемте играть с нами».

«Но я не умею», – испуганно ответила Валя.

«В лото когда-нибудь играли? Почти то же самое! Идемте, не бойтесь!», – и, взяв Валентину за руку, повел за собой.

Валя никогда не думала, что простое лото может быть такой увлекательной и даже азартной игрой. Она с огромным удовольствием влилась в дружную компанию. Иногда женщина бросала взгляд на Бьянку с Сергеем. Они весь вечер танцевали, держали друг друга за руки и даже целовались. Валя была рада за них. Дух прошлого, так сильно мешающий им, наконец-то исчез, развеялся, и они были счастливы.

Валя так увлеклась игрой, что не заметила, как прошел вечер. Ей было настолько весело и интересно, что она даже не могла вспомнить, когда в последний раз так проводила время. Люди, играющие с ней, были очень дружелюбны и открыты. Почти все они спокойно разговаривали на русском. Иногда Валентине казалось, что она начала понимать итальянский. Помогали руки и жесты, которыми ее компаньоны постоянно пользовались.

Ночью, лежа в кровати, Валя никак не могла уснуть. Она не понимала, почему образовалась такая огромная пропасть между жизнью этих людей и жизнью ее соотечественников.

Не разница, не отличие, а именно пропасть. Вроде бы все мы живем в одно и то же время, на одной и той же планете, пользуемся одними и теми же достижениями, но такое чувство, будто бы существует два разных мира, две вселенные, абсолютно отличные друг от друга. Валентине даже начало казаться, что эти вселенные несут в себе совершенно разные задачи: одна призвана помогать людям, делать их жизнь достойной и интересной, а другая, разрушительная, предназначена для того, чтобы делать жизнь людей невыносимой и нечеловеческой в прямом смысле этого слова. Уже засыпая, Валя все пыталась понять, как Всевышний решает, кому в каком мире жить. Ей, почему-то, вспомнился ее отец, который называл их родину краем вечнозеленых помидоров. А еще она вспомнила, как маленькая все приставала к нему с вопросом: «Папа, почему мы поселились здесь, ведь есть же жаркие страны? Это ты выбрал это место?». Валя помнила, как папа смеялся и говорил: «Глупыш, Родину не выбирают!»

Глава 9.

Поездка в Венецию была запланирована на предпоследний день Валиного и Димкиного пребывания в Италии. Решено было ехать всем вместе. К большому удивлению родителей, Милану не пришлось уговаривать. После того как она привезла Димку, ей пришлось на неделю вернуться в Рим на

учебу. Валентина заметила, что сын сильно изменился после путешествия в столицу. Он стал каким-то задумчивым, молчаливым, а оживлялся лишь в моменты общения с Сергеем. Сначала Валя подумала, что Димка чем-то расстроен, но потом поняла, что он влюбился. Как относиться к этому обстоятельству Валя не знала. В другое время она, конечно же, обрадовалась бы. Тем более Валюша столько ждала, когда Димка женится и родит ей внуков. Но сейчас она абсолютно не понимала, как отнесутся к этому факту Бьянка с Сергеем. Да и сама Милана. Не разобьет ли она окончательно сердце ее сыну. А если он ей тоже понравился, то, что это будет за любовь на две страны. И есть ли у нее хоть какие-то шансы?

Сначала Валя хотела тут же поговорить с Димкой, но потом поняла, что не стоит. Что он может ей сказать, когда у него у самого вопросов больше, чем ответов? Она решила, что нужно немножко подождать, и жизнь сама все расставит по своим местам.

Накануне поездки Милана приехала вечером. Димка ждал ее как на гвоздях. Он, то подходил к окну, то отстраненно смотрел в сторону. За ужином Сергей даже спросил его, что происходит. На что Димка весело ответил: «Ничего, все в порядке».

Когда окна осветил свет фар подъехавшей машины, сын выскочил на улицу, не дожидаясь приглашения. Валя только покачала головой.

В комнату ребята вошли довольные и счастливые. Вален-

тина обратила внимание на то, что не только Димка не сводит глаз с девушки, но и та бросает на него заинтересованные взгляды. Валя заметила, что Бьянка тоже насторожилась и стала с любопытством наблюдать за дочерью.

Атмосфера за ужином была весьма неоднозначная. Молодые общались только между собой, то и дело подтрунивали друг над другом. Они совершенно не обращали внимания на родителей. Сергей быстро устал от такого, мягко сказать, невнимания к своей персоне и ушел наверх, досматривать начатый фильм. Ребята даже обрадовались этому моменту и выразили желание немного пройтись перед сном.

«Ты думаешь о том же, о чем и я?», – Валя спросила Бьянку сразу после того, как за ними закрылась дверь.

«О чем именно?», – задумчиво переспросила Бьянка.

«О том, что между Димкой и Миланой что-то есть, что они проявляют интерес друг к другу. Или мне показалось?»

«Нет, не показалось. Я очень хорошо знаю свою дочь и никогда не видела ее такой возбужденной и потерянной одновременно. Она с Дмитрия глаз не сводит! Насколько я помню, у нее такое выражение лица всего один раз было, когда в 16 лет она привела к нам своего мальчика знакомиться. Он был ее первой любовью. Она тогда на него смотрела также, как сегодня на Диму. Не как на всех других парней, которые у нее были. На всех других она смотрит сверху вниз. Она лишь позволяет им разговаривать с ней. Издевается, одним словом. Сегодня на Диму она смотрела с надеждой и грустью»

одновременно. Как тогда в 16 лет».

«Почему с надеждой и грустью?»

«С надеждой на будущее, а грустью из-за того, что не понятно, будет оно или нет. Это будущее».

«Димка уже неделю сам не свой. Я давно догадалась, просто говорить не хотела. Не знала, как ты к этому отнесешься».

«А как мы можем к этому отнестись?»

«Может, поговорим с ними?», – спросила Валя.

«Не думаю, что это хорошая идея. Что они могут нам сказать, когда им самим ничего не понятно? Мне кажется, их пока нужно оставить в покое».

«Согласна».

Дмитрий с Миланой, свернув с центральной улицы, вышли на одну из смотровых площадок. Долина была полностью погружена во мрак. Тусклый фонарь слабо освещал небольшой балкончик с перилами. Деревья, растущие по бокам площадки, в тусклом свете фонаря были похожи на сказочных великанов, тянущих свои кривые руки к прохожим, и, пытаясь обнять и напугать их.

Милана подошла к перилам и стала вглядываться в темноту. Димка встал рядом с ней.

«Я соскучился. Сильно».

«Когда успел?», – усмехнулась девушка, – «Не виделись всего пять дней».

«Не пять, а шесть. Я считал».

Милана ответила Димке с вызовом в голосе:

«Что такое шесть дней? Через два дня ты уезжаешь. Навсегда!»

«Я приеду к тебе и заберу тебя с собой».

«Свежо предание, но верится с трудом! Знаешь, у меня уже была одна такая история. В шестнадцать лет я влюбилась в парня. Он учился в нашей школе и был на год старше меня. Это была первая любовь. Настоящая. Когда крышу напрочь сносит. Когда кажется, что весь мир вокруг тебя сосредотачивается в одном человеке. Когда не можешь ни спать, ни есть, ни думать, ни о чем, кроме него. Когда просыпаешься с мыслью о нем и засыпаешь с этой же мыслью. Родители отдали его в колледж в Милан. Мы поклялись друг другу в вечной любви до гроба и договорились, что через год после того, как я закончу школу, приеду к нему». Милана замолчала. Дмитрий не пытался перебивать ее.

«Хочешь знать, что было через месяц?»

Мужчина молчал.

«Его друг показал мне фотографии, на которых он целуется с другой девчонкой. Вот и вся история. С тех пор я не верю в любовь на расстоянии».

«Почему? Это ничего не значит. Даже глупо строить свои убеждения на единичном случае».

«На единичном говоришь? А как же твои родители? Не успели расстаться, как Валентина вышла замуж, а Сергей нашел себе Бьянку. Се ля ви! Такова жизнь! И ничего тут не

попишешь. С глаз долой из сердца вон!»

«Не правда. Я обещаю, что приеду к тебе. Мне не 16 лет, я взрослый мальчик и отвечаю за свои слова»

«О-о-о, не знала что ты такой сентиментальный».

«Я не сентиментальный. Я люблю тебя!»

От неожиданного ответа Милана резко повернулась. Ее лицо совсем не к стати оказалось как-то слишком близко к Димкиному. Черные глаза девушки, не отрываясь, смотрели в его глаза. Милана на себе ощутила его тяжелое дыхание и всем телом почувствовала биение его сердца. В ее груди неожиданно забухало в ответ. Димка осторожно и нежно потянул ее к себе. Милана не сопротивлялась, а лишь чуть-чуть откинула голову назад, чтобы лучше видеть выражение его глаз. Она как будто хотела прочесть там что-то. Вдруг Милана почувствовала мелкую дрожь во всем Димкином теле и уже своими дрожащими руками обхватила его шею, прижавшись к нему всем своим существом.

После долгого поцелуя Милана едва смогла освободиться от Димкиных объятий. Поправив волосы, она отошла к другому углу площадки. Димка последовал за ней. Он снова хотел обнять девушку. Но Милана отстранила его руки.

«Нет», – твердо сказала она, – «Это было первый и последний раз. Только чтобы в памяти осталось».

«Почему?», – удивился Димка.

«Мне кажется, что я уже все объяснила. Пошли домой. Завтра рано вставать».

До дома шли молча. От Миланы веяло такой необыкновенной уверенностью и силой, что Димка даже больше не решился заговорить с ней.

На следующий день город влюбленных и романтиков, расположенный на низинных островах Венецианской лагуны, встретил их отличной погодой. Яркое весеннее солнце, отсутствие сильных испарений из-за изнуряющего зноя и голубое-голубое небо. Что еще может желать человек, прибывший в Венецию на один день?

Водный путь до города на речном трамвайчике занял около часа. Во время поездки Милана с Дмитрием были вместе, но практически не общались. Они в какой-то печальной задумчивости лишь вглядывались в синюю даль лагуны, а при малейшем внимании к их персонам, пытались изобразить безмятежную беззаботность и веселость.

Старый город поразил Валентину своей архитектурой: Собор Святого Марка, Дворец дождей, Мост вздохов, бесконечные лабиринты узких улочек, мощенных камнем, толпы людей, безумное количество голубей на площади Святого Марка и величественное спокойствие каналов. Валя удивилась, что дорог в городе, в привычном понимании этого слова, нет вообще. Если нужно перебраться из одной части в другую, то только по водным артериям. Для этого используются всевозможные катера, водные трамвайчики и, конечно же, гондолы.

Бурно обсуждали, как должно пройти катание на гондо-

лах. Бьянка предложила самый очевидный, на ее взгляд вариант: Сергей с Валентиной едут вдвоем, а она с детьми на другой гондоле. Милана заупрямилась и сказала, что на гондоле не интересно. Она хочет прокатиться на катере по Гранд каналу. Валентина тоже наотрез отказалась ехать без Бьянки:

«Что за глупость, оставить нас с Сергеем вдвоем, когда в гондоле столько места? У нас что, романтическое свидание, что ли? Не хотят дети с нами – пусть едут на катере. А уж мы-то, конечно, все вместе. Я без тебя никуда не поеду!», – твердо сказала она, обращаясь к подруге.

«Хорошо, пусть будет так, как ты хочешь. Твой день, тебе и музыку заказывать», – согласилась Бьянка.

Женщины, не сговариваясь, решили отпустить детей до отъезда назад, чтобы они смогли погулять по городу самостоятельно и насладиться духом романтики и весны.

Валентина даже не предполагала, что катание на гондолах может оказаться таким захватывающим и интересным. Оказывается, в Венеции всего чуть больше 400 гондол. Получить профессию гондольера очень непросто, нужна специальная лицензия и обучение не менее 9 месяцев. Предпочтение отдают тем, кто родился в семье гондольера и знаком с этой работой не понаслышке. Все гондолы в городе окрашены в черный цвет, но каждый гондольер пытается придать «своей малышке» особый шарм: это могут быть букетики цветов на корме, ковры, мягкие подушки на сиденьях. В общем, в во-

просах «тюнинга» каждый изоощрется, как может. В отличие от обычной лодки гондольеры работают одним веслом. Причем, они не гребут им, а управляют. Стоя на корме, гондольеры ловко ведут свое судно по узким каналам, а, выезжая на большую воду, они лихо лавируют между катерами.

Валя с Бьянкой для прогулки выбрали очень элегантное судно: черное с ярко-голубым носом. Две пары черных кресел с золотой каймой развернуты друг к другу. На каждом кресле по оранжевой подушке. Гондольер был тоже выше всяких похвал. Молодой, красивый, статный с заливчатскими усами. Одет молодой человек был просто с иголки: темно-коричневые брюки, белая в коричневую полосу футболка-поло и для завершения образа – светло-коричневая шляпа с темной лентой.

Сергей сидел спиной к гондольеру, а женщины были развернуты к нему лицом. Этот факт давал молодому ловеласу возможность полностью раскрыть свое обаяние и пустить в ход все свои уловки. Он, заливчатски лавируя между препятствиями, то и дело подмигивал женщинам и всеми способами показывал, какой он лихой, задорный и удалой водитель. Бьянка не обращала на гондольера ни малейшего внимания. Валентина же, напротив, никак не могла привыкнуть к такому поведению итальянских мужчин. Она смущалась и чувствовала себя неловко. Сергей тут же смекнул, в чем дело и предложил женщинам поменяться с ним местами. Валентина с радостью согласилась. Только после этого она смогла

расслабиться и погрузиться в эту замечательную и по истине сказочную атмосферу.

Дома, погруженные в воду, ракушки на фасадах, узкие каналы с мостиками, словно висящими в воздухе, причудливые балкончики с петуниями. От всего этого веяло каким-то спокойствием и умиротворением, которое нарушалось лишь в те моменты, когда проплываешь мимо узеньких улиц, забитых толпами туристов. После прогулки по городу гондольер вывел свое судно на Большой канал. У Вали просто дух захватило от увиденного. Гранд канал – это, по сути, центральная «улица» Венеции. Ширина его в отдельных местах достигает 70 метров. Сравнить его можно с центральным проспектом большого города. По нему одновременно движется большое количество самого разного транспорта, но только водного. Между большими судами тут и там снуют многочисленные гондолы. Берега канала застроены самыми красивыми зданиями и роскошными дворцами, поражающими воображение.

Валя с интересом смотрела по сторонам. Вдруг откуда-то до них донеслась музыка. Очень красивый поставленный женский голос пел «O, Sole Mio». Это было настолько прекрасно и завораживающе, что у Вали просто выступили слезы на глазах.

«Что-то случилось?», – тут же спросила Бьянка.

«Нет, просто настолько все красиво, что сил нет».

Поездка на катере по Гранд каналу была не столь роман-

тичной, но такой же захватывающей. Это, если можно так выразиться, был «молодежный вариант». Катер был совсем небольшой, без посадочных мест. Люди должны были любоваться красотой проплывающих мимо зданий стоя. Но, это маленькое на первый взгляд судно, развивало достаточно большую скорость. Из-за этого сильный ветер вперемешку с брызгами воды из канала бил в лицо

Милана выбрала место на носу катера. Она стояла, взявшись за поручни, и с вызовом смотрела вперед. Дмитрий встал за ней и, стараясь защитить ее своим большим телом от ветра и брызг, обхватил поручни рядом с ее ладонями. Сильный ветер трепал волосы девушки, и они достаточно больно били Димку по лицу. Но он совершенно не замечал этого. Он вдыхал запах Миланиных волос, ее кожи и пытался запомнить его навсегда.

Милана ощущала себя Кейт Уинслет в той знаменитой сцене с Леонардо ди Каприо на носу Титаника. Ей казалось, что она как и Кейт несется навстречу неизвестности и опасности. В какой-то момент Димка положил свои руки на руки Миланы, но девушка высвободила их.

Прогулка на катере взбодрила и развеселила Милану. Она предложила пройтись по магазинчикам и купить подарки. В сувенирной лавке, торгующей знаменитыми венецианскими масками, она, хохоча и весело крутясь около зеркала, примеряла всевозможные варианты. В конце концов, Милана остановилась на маске Колумбины и сказала, что образ хитрой

и ловкой девушки ей подходит больше всего. Милана всеми силами уговаривала Димку купить и ему маску тоже, но он категорически отказался. Сказал, что в багаж ее не сдашь, поломается, а тащить ее в салон самолета неудобно.

«Хорошо, раз ты не хочешь маску, пойдем посмотрим сувениры из муранского стекла»

Чего только не было в магазине, торгующим дорогим венецианским стеклом! Все полки и витрины были забиты всевозможными сувенирами, начиная от бижутерии и заканчивая столовой посудой. Пока Димка выбирал подарок Татьяне (обещал же, нехорошо приехать с пустыми руками!), Милана рассматривала витрину с бокалами.

Когда Димка освободился, он подошел к ней.

«Мне нужны бокалы Ромео и Джульетта», – сказала Милана, обращаясь к продавцу.

«Есть несколько вариантов. Вот смотрите, какие замечательные. Вообще, технология изготовления муранского стекла очень древняя. Мастера-стеклодувы делают все вручную, не используя никаких современных технологий. Чтобы мастеру разрешили поставить свое клеймо на изделия, должно пройти не менее 25 лет. В классическом мурановском бокале не менее 24 каратов чистого золота. Пока стекло еще жидкое, на него наносят тончайший слой сусального золота, толщиной 0,02 мм, в 10 раз тоньше человеческого волоса. Золото рвется на почти невидимые человеческому глазу песчинки и растекается внутри жидкого стекла. Ну, что нравят-

ся вам эти бокалы? Или что-то другое подберем?»

«Не надо. Нам этот вариант подходит. Берем!», – твердо ответила Милана.

Когда они вышли на улицу, девушка сказала:

«У нас принято дарить эти бокалы детям на свадьбу, чтобы их совместная жизнь была долгой и счастливой. А еще в Италии верят, что, если из этих бокалов выпьют влюбленные, то уже никогда не расстанутся».

«Так в чем проблема? Пошли в кафе, купим бутылку вина и разопьем ее из этих бокалов», – весело сказал Димка, – «А не хочешь в кафе, так можно прямо на пристани».

«Нет. Ничего я с тобой сейчас пить не буду. Один бокал с Ромео я оставляю себе, а тебе отдам с Джульеттой. Вот, когда вернешься ко мне, тогда и выпьем!»

«Опять ты за свое!»

«Ничего не за свое! Я так решила, значит так и будет. Ладно, хватит глупостей, пошли в кафе есть черную пасту с чернилами каракатицы и морепродуктами. Удивлять тебя местными деликатесами буду».

«Не хочу черную!», – Димка как ребенок надул губу.

«Не бойся, это вкусно!»

Спагетти оказались, действительно, вкусными. Димка с удовольствием съел целую тарелку. В конце обеда он снова попытался поговорить с Миланой.

«Милана!», – сказал Димка, взяв ее за руку, но девушка снова убрала ее, – «Я не понимаю тебя. Что случилось? Что

изменилось после моего отъезда из Рима?»

«Ничего не изменилось»

«Тогда в чем дело?», – настаивал мужчина

«Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать? То, что я влюбилась, как последняя дурра, да вот незадача: женишок уезжает навсегда! Так это ничего страшного. Сейчас ведь есть интернет и телефон. Можно каждый день писать друг другу сообщения: «Привет, как дела? Уже проснулась? Я дико соскучился. Ну, ладно, пока, мне некогда, на работу бегу». И в конце грустный смайлик! Я не хочу так! Не хочу ждать, когда наши отношения сойдут на нет из-за разлуки. Я максималистка, понимаешь? Или все или ничего!»

«Прямо как Джулия Робертс в «Красотке»», – усмехнулся Димка.

«Да, как Джулия Робертс», – с обидой ответила Милана.

«Только я не Ричард Гир. И не могу завтра примчаться к тебе на лимузине. Но я тебе обещаю, что сделаю все, что от меня зависит и даже больше. Я люблю тебя!»

«Я знаю. И ни в чем тебя не обвиняю и ничего не прошу. Я злюсь не на тебя, а на судьбу. Ты тут не при чем. Я верю в то, что, если нам суждено быть вместе, значит все решится каким-то образом. А если нет, значит, ничего и не надо. Если все это пройдет с течением времени, рассосется как-нибудь, то будет не так обидно, понимаешь?»

«Не понимаю»

«Очень жаль. Да, к стати, я сегодня в ночь уезжаю»

«Как сегодня? Я думал, что ты завтра проводишь нас в аэропорт», – расстроено сказал Димка.

«Не хочу продлять агонию. Так для всех будет лучше».

Вечером дома состоялся прощальный ужин, после которого Милана уехала. Димка, расстроенный, сразу ушел в свою комнату. Сергей тоже не стал мешать женщинам и поднялся наверх.

«Жалко, что мало погостили», – с грустью сказала Бьянка.

«Договорились же, что на следующий год вы к нам приедете. Только летом. Знаешь, как у нас в песне поется: «Лето – это маленькая жизнь». Зимой у нас делать нечего».

«Обязательно приедем», – сказала Бьянка, – «Я очень рада, что с тобой познакомилась. Вообще, я тебе должна признаться кое в чем. Я раньше Сергея сильно к тебе ревновала, только виду не показывала».

«Я это поняла. Сначала думала, что это за женщина такая, что ей наплевать на бывшую своего мужа? А теперь вижу, что ты нормальная, просто гордая».

«Спасибо тебе за то, что Сергея отпустила. У нас даже второй медовый месяц начался».

«Это заметно, знаешь, как он на тебя смотрит. Только, я его и не держала никогда. Это прошлое нас обоих не отпускало. Видно, из-за сына. Я рада, что все встало на свои места. И, знаешь, эта поездка и мне очень на пользу пошла. Я раньше никогда не задумывалась над тем, что жизнь может быть совсем другой. Что можно жить так, как вы живете».

«А как мы живем?», – удивилась Бьянка.

«Не знаю, свободно. Ни от кого не зависите. А моя жизнь кукол в театре Карабаса-Барабаса напоминает. Куча ниточек, за которые меня дергают все, кому не лень. Я живу так, как будто себе не принадлежу. Я всю жизнь кому-то что-то должна. Родине, государству, детям, мужу, внукам, снохам, соседям.... В общем, всем вокруг. Я словно не свою жизнь живу, а партию служанки исполняю».

«Зачем? Кто тебя заставляет заниматься этим мозахизмом?»

«В том-то и дело, что никто. Я сама себе это все придумала. И всю жизнь считала, что права. Что человек живет для того, чтобы заботиться о других, помогать всем...»

«А кто сказал, что это не так? И помогать всем вокруг надо, и заботиться обо всех. Но есть одно НО – не в ущерб себе. Никогда нельзя забывать о том, что ты ничуть не хуже других, а, в каких-то моментах, может, даже и лучше. Иначе, забудешь, зачем ты сюда пришла и, что твоя жизнь не менее важная и ценная, чем жизни других людей. И, вообще, нельзя окружающих баловать своей постоянной опекой, это, в конечном счете, идет во вред им самим, развращает их душу».

«Я уже это поняла. Жалко, что поздно».

«Лучше поздно, чем никогда».

На следующий день утром Валентина с Димкой отправились в обратную дорогу. Бьянка с Сергеем были категоричны

в своем решении проводить их до аэропорта. Дружную компанию снова вез Джузеппе. Он, было, снова начал заигрывать с Валентиной. Но женщина совершенно не реагировала на все штучки и приемчики местного ловеласа. Валя смотрела в окно и была внутренне абсолютно спокойна. Джузеппе быстро надоело играть впустую, и он перестал обращать на женщину какое-либо внимание.

До аэропорта добрались быстро и без происшествий. Настроение у всех было плохое, поэтому большую часть времени молчали. Если быть честной, то Валентине совсем не хотелось уезжать. Она с удивлением вспоминала, как боялась этой поездки и встречи с этими людьми. Дома кроме Светки у нее совсем не было подруг. Бьянка за несколько дней их общения с Вале́й стала для женщины настоящей родственной душой и советчицей. Бьянке тоже было жаль расставаться с Валентиной. Димка вообще не мог ни о чем говорить. А Сергей постоянно сетовал на то, что мало пообщался с сыном и приглашал его снова приехать. После долгих объятий и обещаний приехать, Валя с Димкой едва смогли уговорить своих друзей не ждать вылета самолета, а отправиться в обратную дорогу вместе с Джузеппе.

В аэропорту мать с сыном почти не разговаривали, каждый думал о своем. В этот раз Валентине было совсем не интересно смотреть по сторонам и наблюдать за пассажирами. Димка был какой-то рассеянный и даже чуть не перепутал номер выхода к самолету, а в салоне даже сел не на свое ме-

сто. Этого с ним раньше никогда не случалось.

Во время первого полета Валя сильно нервничала и при взлете и посадке постоянно про себя читала «Отче наш» и «Богородицу». Сейчас она на удивление была совершенно спокойна и с легкостью отдала себя в руки Господа и ангела хранителя. Она с интересом смотрела в окно на то, как самолет набирал высоту, на людей и дома, быстро ставшими маленькими, на ровные квадратики полей и городов, и, наконец, на горы и облака в лучах преломляющегося солнца. Димка в это время сидел с закрытыми глазами и делал вид, что спит. Ближе к концу полета он неожиданно открыл глаза и обратился к Валентине:

«Мам, мне нужно вернуться назад. Я должен, понимаешь?»

«Ну, наконец-то, принял решение. А я все ждала, когда же ты созреешь?»

«Это ты о чем?», – удивился Димка.

«Это я о тебе и Милане».

«Так ты что, все поняла, что ли?»

«И не только я. Бьянка тоже».

«Значит, и Бьянка в курсе. Что ж, так даже лучше. Меньше объяснений».

«Мам, мы сегодня прилетим, я в аэропорту сразу куплю обратный билет. Потом довезу тебя до дома и сразу назад. Хорошо?»

«Я и сама доберусь, не маленькая. Можешь сразу лететь,

зачем туда-сюда без толку мотаться»

«Нет, это даже не обсуждается. Я тебя одну не брошу. Довезу до дома обязательно. Мне так спокойней будет».

Валентина не стала спорить с сыном. Немного помолчав, Димка спросил:

«Мам, а что ты думаешь о Милане».

«Главное не то, что я о ней думаю, а то, что ты о ней думаешь».

«Мне кажется, я влюбился».

«Мне тоже так кажется».

«Милана необычная девушка, не такая, как те, с которыми я раньше общался. Это мой человек. Мне с ней легко и интересно. И с ней я готов прожить всю свою жизнь».

«А где?», – тихонько спросила Валя.

«Не знаю. Мне сейчас очень сложно тебе что-то сказать. Милана наотрез отказалась поддерживать отношения на расстоянии и на две страны. Или мы живем вместе, или ничего не будет. Вот такая математика: если вместе, то один плюс один равно два, а если в разных странах, то один плюс один рано нулю».

«Ну, что ж. Я думаю, что это правильно. Мы как только расстались с твоим отцом, так и все прахом пошло. А уж такая любовь была. Права Милана. Или вместе или ничего не надо. Я ее поддерживаю. Жалко мне, конечно, тебя отпускать. Только, думала, ты ко мне насовсем вернулся, да видно не судьба. Дай, Бог, вам счастья».

«Спасибо, мама. Я тебя очень люблю. Ты – лучшая», – сказал Димка и с силой пожал Валину руку.

Глава 10.

Мурка встретила Валентину с обидой. Она сидела на подоконнике, повернувшись к хозяйке спиной, и нервно подергивала хвостом. Когда Валя хотела погладить ее и приласкать, Мурка соскочила на пол и удалилась в комнату. На все Валины уговоры кошка отвечала гордым молчанием. Только ночью она тихонечко подкралась к хозяйке, прилегла рядом и начала как собака лизать Валину руку.

«Значит, простила», – подумала женщина и улыбнулась сквозь сон.

Накануне вечером баба Зина рассказала Валентине, что Мурка сильно переживала ее отсутствие. Первые пять дней она совсем не притрагивалась к еде. Только после того как бабулька поговорила с ней «по душам» как с хорошей знакомой кошка начала есть.

«Ну и избаловала ты скотину, Валентина. Где это видано, чтобы кошка из тебя веревки вила!», – ругалась баба Зина.

«Мурка не скотина», – обиженно сказала Валентина, – «Она – друг!»

«Друг! Живешь одна без мужика, вот тебе кошки друзьями и мерещатся. Да, кстати, не нашла себе в Италии ухажера какого-нибудь?», – с интересом спросила старушка.

«Какие еще ухажеры, баба Зин! На кой шут они мне все

сдались!»

«Уж не знаю, что и сказать. Вон, какая расфуфыренная приехала. Прическа не прическа, наряд не наряд».

«Глупости это все. Не нужны мне никакие мужики. Мне одной хорошо».

«Хорошо! Чего уж хорошего! Ладно, не хочешь говорить, не говори. Но знай – в следующий раз, если куда соберешься – за Муркой присмотрю. Мы с ней подружились».

«А говоришь – скотина! Спасибо тебе, баба Зин».

На следующий день приехали дети. Валентина долго готовилась к их приезду. Разбирала и упаковывала подарки, готовила еду. В этот раз ей хотелось побаловать детей чем-нибудь необычным. Она решила сделать черную пасту с морепродуктами, лазанью и тирамису по Бьянкиному рецепту. А для детей специально приготовила горячие бутерброды – панини с начинкой из ветчины, пармезана и помидоров. На стол Валентина поставила три бутылки фирменного Монтепульчано д абруццо.

Дети, как обычно, ввалились шумной и веселой толпой. Пока раздевались и мыли руки, внуки наперебой рассказывали свежие новости и о своих успехах в школе. Татьяна с изумлением наблюдала за Вале́й и за теми изменениями, которые произошли во внешнем виде женщины. Уже в кухне она с нескрываемым сарказмом заметила:

«Валентина Петровна, вас прямо не узнать. На «Модном приговоре» что ли побывали? Или сынок постарался? Денег

ему не жалко, на всякую фигню тратить».

«Ну, спасибо тебе, дорогая! Столько лет прожила, а не знала, что мать родная – это фигня всякая».

«Я не это имела в виду. Не надо передергивать. Просто хотела сказать, что такой прикид дорого стоит. Вот и все», – смущенно сказала Татьяна.

«Уж не дороже денег. Димка всегда говорит, что деньги нужны для того, чтобы их тратить, а не для коллекции», – смело возразила снохе Валентина. И чтобы не обострять дальше и без того напряженную обстановку, добавила, – «Кстати, он и вам с Ольгой подарки купил».

Ольга с радостью тут же раскрыла свой пакетик и вынула оттуда мурановскую бижутерию. Татьяна брезгливо скривила губы, давая понять, что подарок не пришелся ей по душе.

«Ого, ничего себе!», – вырвалось у Ольги, – «Это сколько стоит?», – она с удивлением смотрела на этикетку с цифрой 250 евро.

«Да, это дорогие вещи», – ответила Валентина. Женщина вспомнила, что она едва сумела уговорить Димку не отрывать этикетку. Знала, что снохи пока своими глазами не увидят цену, будут думать, что на них сэкономили и подарили какую-то ерунду.

«Вот уж не думала, что бижутерия может стоить столько же, сколько и золото!», – удивилась Татьяна и начала шебуршать своим пакетиком.

«Слава Богу, эти фифы довольны», – пронеслось в голове

у Валентины, и она уже абсолютно спокойно раздала сувениры всем остальным.

После того как дети и внуки увидели свои подарки, настроение у них сразу улучшилось. За стол сели довольные и счастливые. Валентина с гордостью приступила к угощению. Ей очень хотелось накормить детей и внуков чем-то вкусненьким и необычным. Как ни странно, Татьяна во время ужина сидела молча и не язвила. Валя даже подумала, что сноха встала на путь исправления. Но, как говорится, горбатого только могила исправит.

После того как Валя ушла с внуками в комнату, а детей оставила за столом продолжать ужин, она совершенно случайно услышала разговор.

«Опять за свое. Раньше бесконечные пироги, теперь макаронны и бутерброды. С твоей матерью точно корму как у буфетчицы наешь», – недовольно ворчала Татьяна.

«А мне нравится», – простодушно возразила Ольга, – «Особенно тирамису и лазанья, Просто замечательно! Надо будет рецепт спросить».

«А вино, ерунда какая-то. Кислятина, пить невозможно. Наливка ее самодельная и то лучше», – не унималась Татьяна.

«Не нравится, не пей, нам больше достанется», – засмеялся Лешка.

«Вот ты и не пей! Оль, а ты на ее ногти внимание обратила? Интересно, как она завтра картошку сажать собирается

с такими-то ногтящами!»

«А она, может, и не собирается. Мы-то на что? Сами посадим, вон нас сколько!», – сказал Петр.

«Ну, уж нет! Вы как хотите, а я сюда не работать приехала. Мне дома забот хватает! Выходной-то один. Это матери вашей делать нечего, все равно на пенсии. Вот и пусть каждый день и сажает себе потихоньку».

«Что-то, когда картошку берешь, не возмущаешься! Каждый враз с полными сумами домой едешь», – не успокаивался Петька.

«Могу и не брать!»

«Макарены есть будешь? Корму отращивать?», – спросила Ольга.

«Да, пошли вы!», – нервно ответила Татьяна, встала из-за стола и ушла к себе. На удивление Лешка не побежал за ней, не начал ее успокаивать, а остался за столом с братом.

Вечером перед сном Влад долго расспрашивал Валентину о поездке. Ему было интересно все. И города, и люди, и обычаи. Больше всего Влад интересовался самолетами. Как быстро самолет набирает высоту, как выглядят из иллюминатора море и горы, страшно ли приземляться, чем кормят в салоне и еще много-много всего. Валя еле уговорила внука лечь спать. Мальчишка утомился только после того, как Валентина обещала завтра рассказать ему еще что-нибудь интересное.

Утром она встала пораньше, накормила внуков и вымы-

ла посуду. Когда Валя собралась с мальчишками в огород, на кухню потянулись заспанные дети. Татьяна с удивлением окинула взглядом пустой стол. Такого раньше никогда не случалась.

«А что у нас сегодня на завтрак?», – спросила сноха.

«А на завтрак *у вас* сегодня самообслуживание. Вон холодильник, все, что найдете – ваше. Готовьте себе сами, что хотите. Хоть диетическое, хоть вегетарианское, хоть какое. Все, что вашей душе угодно: чтобы жопа не росла и волосы не выпадали. И скажите спасибо, что холодильником пользоваться разрешаю. А то в следующий раз будете есть то, что сами привезли. Да, детям я кашу манную сварила. Мы поели. Лешка, Петька, долго за столом не рассиживайте, мы с мальчишками вас в огороде ждем», – Валентина захлопнула дверь и вышла с ребятами на улицу.

«Ну, баба, ты крутая! Я от тебя такого не ожидал!», – Влад с восхищением уставился на бабушку, – «Представляю, как мамка там сейчас орет! Папку только жалко».

«Ничего, пусть сам разбирается».

На улице Валентина обратила внимание на канаву, которая шла из огорода профессора в ее огород. Раньше ее там не было. Теперь же вся вода с соседского участка лилась на участок Валентины. В прошлой жизни Валя ни за чтобы не стала ругаться с профессором, она, скорее всего, сама бы прокопала канаву дальше и отвела бы всю воду за ворота. Но сегодня воинственный дух прочно овладел Валентиной. Она вместе с

мальчишками пошла к профессорским воротам и решительно нажала на кнопку звонка. Профессор, как обычно, долго не появлялся. Когда он, наконец, открыл дверь, женщина начала разговор:

«Доброе утро, Роберт Мстиславович».

«Че надо?», – как всегда что-то жуя, перебил ее Роберт.

«Вот мне интересно, Роберт Мстиславович, Вы, действительно профессор?»

«А че?», – удивился Роберт, – «Тебе это зачем?»

«А НИ ЧЕ! Вас, что ни родители, ни в институте здороваться не научили? Вы живете в деревне уже 7 лет, а я ни разу не слышала, чтобы Вы *здравствуй* сказали».

Профессор перестал жевать и, с изумлением уставившись на Валентину, сказал:

«Ну, здравствуй».

«Наконец-то! Я к тебе, Роберт Мстиславович, ругаться пришла. Ты почему воду со своего участка на мой спускаешь? Зимой снег мне весь сгрудил, сейчас водой залил. Если ты считаешь, что я одинокая женщина и меня можно ни в грош ни ставить, то ты сильно ошибаешься. Я сегодня к тебе с внуками пришла. Вон их у меня сколько. Целых пятеро! А еще три сына имеется. Я не пугаю. Но, если ты хочешь войны, ты ее получишь. И поверь, мало тебе не покажется. Только я не воевать пришла, а мириться. Знаешь, что мой папа всегда говорил: «Никогда не ругайся со своими соседями. Можешь поругаться с друзьями, с родственниками, но с

соседями – никогда!»». Потому что соседи – это те люди, которые первыми придут тебе на помощь, чтобы у тебя не случилось. Подумай об этом на досуге. Упаси Бог, что-то у тебя произойдет. К кому побежишь? Все друзья и знакомые у тебя в городе, а я всегда тут, всегда рядом. Так что давай дружить, Роберт Мстиславович. Ну-ка, Олежка, подскажи дяде, что кот в твоём любимом мультике говорит?», – обратилась Валя к внуку.

Олег заулыбался и гордо сказал:

«Ребята, давайте жить дружно!»

«То-то! А устами младенца глаголит истина! Подумай, профессор, над тем, что я тебе сказала и воду с моего участка отведи. Всего доброго, Роберт Мстиславович! До свиданья!»», – весело сказала Валентина и увела за собой весь свой выводок, оставив профессора стоять у открытых ворот.

«Баба, я тебя не узнаю», – удивленно сказал Влад, – «Ты какая-то совсем другая стала».

«Лучше или хуже?»», – спросила Валя.

«Ты мне такой больше нравишься».

«Какой такой?»

«Смелой»

«Хорошо, хоть не наглой! Ладно, пошли, ребята, поле копать».

Когда Валентина с мальчишками пришли в огород и взяли лопаты, женщина заметила, что из дома вышли Петька с Ольгой и направились к ним.

«Ой, мам, что сейчас было! Страшно сказать. Танька ора-ла как резаная! А Лешка сначала молчал-молчал, а потом как треснул кулаком по столу и твердо так сказал: «Хватит орать! Я тебе больше не позволю над мамкой издеваться! Не нравится – собирай манатки и уматывай на автобусе с глаз долой. В городе сиди отдыхай и нам нервы не трепли. Или засунь свой поганый язык, куда следует и пошли копать!» Он одевается, сейчас придет», – возбужденно тараторил Петька.

«Молодец!», – сказала Валентина, – «Наконец-то себя мужчином почувствовал! А то я уж грешным делом подумала, что так и проживет всю жизнь под каблуком».

Буквально через пару минут Лешка вышел из дома и направился ко всей компании. Он был возбужден и немного взвинчен.

«Ну, что, начнем, ребята? Давайте-ка все вместе! Нам еще после обеда посадить все надо успеть, чтобы бабушку одну с этой картошкой не оставлять! Зимой-то все любят картоху наворачивать! Помнишь, Петька, как мы раньше вдвоем этот участок перекапывали? А сейчас вон нас сколько!»

Подгоняемые Лешкиными шуточками, ребята дружно взялись за дело. Минут через сорок появилась Татьяна. Она подошла тихонько и с виноватым выражением лица обратилась к Валентине:

«Валентина Петровна, а мне лопата найдется?»

«А как же? Вот, бери мою. Она полегче будет», – весело, как ни в чем не бывало, сказала Валюша, – «Я себе сейчас

другую из сарая принесу».

Работать всем вместе было весело. Лешка с Петькой копали по краям, чтобы держать ровную линию. Мальчишки размечали себе одинаковые участки земли на поле и копали их наперегонки, кто быстрее. Татьяна с Ольгой тоже работали в поте лица, не отлынивали.

«Эх, жалко свинины не купили, после такой работы да шашлыков бы поесть», – с досадой проговорил Петька.

«Да, жалко! Но выход есть. Сейчас картошку посадим и разведем костер. Остатки картохи в золе запечем. Вкуснотища! Мам, у тебя, кажется, сосиски были? Так мы их тоже на углях пожарим! Вон молодой чеснок и лук из-под зимы вылезают. Никакого мяса не надо! Правда, пацаны?», – весело сказал Лешка и подмигнул мальчишкам глазом.

«Правда! Здорово! Супер!», – закричали ребята.

Сажать картошку закончили уже к вечеру. Пока женщины принимали душ и обмывали грязных мальчишек, Петька с Лешкой развели костер. На улице было достаточно тепло и тихо. Высокое небо из-за огромного количества звезд было похоже на дуршлаг. В огороде профессора покрикивал филин. Мальчишки наотрез отказались сидеть перед костром на стульях и лавках. Они уговорили взрослых принести старые одеяла и сели на них прямо на землю. К большому Валяному изумлению Татьяна не ерепенилась, и не фыркала по этому поводу. Она с большим удовольствием ела черную от костра картошку и закусывала ее свежим чесноком.

Мальчишки были на седьмом небе от счастья! Старшие активно участвовали в процессе приготовления. Они то и дело палками выкатывали картошку из костра, постукивали по ней, проверяя, готова или нет. Параллельно они успевали жарить на палках сосиски. Олег к костру не был допущен. Мал еще! Ему разрешалось только разносить еду. Он подошел с тарелкой к Владу и ждал, пока старший брат положит на нее готовую картошку. Затем Олег поворачивался к Ярославу, тот клал на тарелку сосиску, и мальчишка как в ресторане предлагал еду всем желающим. Каждый раз, когда Олег обходил всех с очередной тарелкой, маленький Славик весело кричал:

«Дай, дай, мне атошку! Исе, исе буду!»

«Ты как галчонок Хватайка!», – смеялась над ним Валентина.

Татьяна так и вертелась вокруг Лешки, она то и дело старалась прижаться к мужу, а он нежно обнимал ее.

После романтического ужина дома пили чай. Валентина ради такого случая достала новый сервиз, поставила на стол остатки тирамису и другие итальянские сладости. Как ни странно, никто и слова не сказал про калории и без того грузный *нижний этаж*. А когда встали из-за стола, Татьяна, неожиданно для всех, предложила:

«Валентина Петровна, не беспокойтесь, мы с Ольгой все перемоем. Идите отдыхать. Трудный день сегодня был».

Валя перечить не стала. Она сказала снохам «Спасибо»

и отправилась к себе.

Вечером, лежа в постели, Валентина снова не могла уснуть. Она вспоминала прошедший день и никак не могла понять, что является причиной всех этих изменений. Почему такой любезной вдруг стала Татьяна? То ли потому, что Валя ей все высказала с утра, то ли Лешка так на нее повлиял? А что произошло с самим Лешкой? Она своего сына давно не видела таким уверенным в себе и таким сильным. И этот факт изменил не только Татьяну, но и их семейные отношения. Татьяна, совершенно не понятно почему, как-то вдруг признала Лешкино старшинство в доме, и это, как ни странно, пошло им на пользу. От Валиных глаз не скрылось, как муж с женой весь вечер смотрели друг на друга. «Чудные дела твои, Господи!», – подумала женщина, – «Видно права была Бьянка, когда говорила, что Валя разбаловала всех вокруг, и что это идет только во вред всем окружающим». Значит, опять, как ни крути, а виновата во всем Валентина...

Димка прилетел в Рим через три дня после расставания с Миланой. Он знал, что девушка учится до пяти часов. Ровно в четыре он был в университетском сквере. В одной руке у него был букет цветов, а в другой плетеная корзинка. Расположив свою поклажу на лавочке, он стал с нетерпением ждать появления девушки. В начале шестого Милана появилась на ступеньках учебного заведения. Димка достал телефон и набрал ее номер. Услышав звонок, Милана посмотре-

ла на экран. Она словно испугалась, увидев знакомый номер, и спрятала телефон в сумку. Димка, не переставая, набирал Милану снова и снова. В какой-то момент девушка сдалась:

«Ало, привет, мне некогда, я тебе потом перезвоню», – быстро протараторила Милана.

«А ты где?», – не унимался Димка.

«Я на занятии», – соврала девушка.

«У меня к тебе срочный разговор»

«Что-то случилось?», – забеспокоилась Милана.

«Да»

«Что?»

«Я не могу без тебя жить!»

«Вот, дурень, я думала что-то плохое!»

«А это и есть плохое. Я тебе говорю, что умру, если не увижу тебя!»

«Так кто ж тебе мешает? Приезжай!», – весело сказала Милана.

«Так я уже».

«Что уже?»

«Приехал»

«Куда?»

«Сюда!», – засмеялся Димка, – «Девушка, улыбнитесь, посмотрите вперед и помашите мне рукой».

Милана начала вглядываться вдаль и с криком: «Вот, идиот!» бросилась к Димке. Он легко подхватил ее сильными руками, закружил в воздухе и крепко поцеловал ее. После

того как он поставил девушку на землю, он протянул ей букет цветов:

«Вот, это тебе».

«Зачем?»

«Нюхать будешь!»

«Я же говорила, что в Италии не дарят цветы».

«Не переживай, уксус я тебе тоже купил. И пармезан с хорошим вином. Вот держи!», – Димка протянул Милане корзинку, – «Самый дорогой! Радуйся жизни!»

«Спасибо! То есть ты решил, раз мы с тобой живем на две страны, то и подарки из двух стран должны быть»

«Да, я тебя сразу хочу предупредить, что дети у нас тоже будут иметь два гражданства»

«А у нас с тобой будут дети?»

«Конечно! Это даже не обсуждается! Трое как минимум, а дальше как пойдет. Да, еще: первой должна обязательно быть девочка. Я матери внучку обещал».

«С ума сойти можно! Я только одного никак не пойму: если у нас такая обширная программа, то почему мы до сих пор тут стоим?»

«Сам не знаю. Попусту время тратим!», – сказал Димка и снова поцеловал Милану, – «Но у нас есть еще одно важное дело!»

«Какое?», – удивилась девушка.

«Выпить из наших бокалов. Я свой привез!»

Следующим утром солнце, пробиваясь сквозь прорезь

плотных штор, осветило комнату, вчерашний беспорядок и два бокала, стоящие рядышком на столике около кровати.

Эпизод

Три года спустя.

Погода в это лето выдалась очень жаркой и сухой. Столбик термометра как вкопанный держался на отметке не ниже 27 градусов. Из-за этого забот в огороде было много, кроме прополки появилась необходимость в ежедневной поливке. Хорошо, хоть дети помогали. На удивление они приезжали каждый выходной и большую часть огородных дел взяли на себя.

Когда Валентина с тарелкой полной красной, белой и черной смородины шла мимо забора профессора, она услышала голос профессора:

«Здорово, соседка! Как жизнь?»

«Привет, Роберт Мстиславович! Все хорошо, спасибо!», – ответила Валя, подходя к забору.

«Ну, и жара! Сил нет! Только и спасаюсь тем, что по три раза на день на речку бегаю, чтобы охладиться», – продолжал профессор, – «А ты чего, варенье что ли собралась варить?»

«Да нет, у меня сегодня гости приезжают. Из Италии. Сын с женой, ее родителями и внучкой». Валентина предпочла не вдаваться во все хитросплетения их родственных связей.

«Поздравляю! А у тебя, что только смородина осталась?»

«Сегодня утром в лес бегала, хотела земляники набрать, да нет ее, высохла вся. Зато черники набрала»

«Погоди, постой тут немножко», – сказал профессор и исчез в кустах. Минут через 10 он появился с тарелкой, полной отборной клубники.

«Держи. У меня ремонтантная поздняя. До конца августа ягоды. Весной тебе усов накопаю».

«Спасибо тебе, Роберт Мстиславович».

«Не на чем. Соседи же. Можно сказать, свои люди. А дети-то у тебя где? Не видно что-то».

«Мальчишки шашлыки маринуют. А снохи праздничный обед готовят. Татьяна какой-то торт печет – итальянцев удивить хочет. Говорит, очень вкусно. Тирамису, якобы, ее шедевру в подметки не годится. А Ольга голубцы делает. По своему рецепту. Я решила им не мешать. Все, что Димка любит, я уже приготовила».

«И что же такое особенное он у тебя любит?», – спросил профессор.

«Пироги с капустой!», – засмеялась Валентина.

«Хорошее дело. Я с капустой тоже больше всего люблю».

«Приходи вечером, Роберт Мстиславович, на шашлыки и пироги. С сыном познакомлю. И Светлану с собой бери».

«Да нет, не удобно. У вас своя семья. Без нас народу хватает».

«Что значит, своя семья? Сам же сказал, соседи – близкие люди, почти родственники. Так что приходите, посидим по

семейному».

«Хорошо, придем», – ответил Роберт.

В это время до них донеслись какие-то непонятные звуки. Валентина обернулась и увидела, как в калитку ввалилась целая толпа народа. Впереди шли Димка с Сергеем, за ними, по всей видимости, таксист. Все трое пытались втащить внутрь бесконечное количество чемоданов и сумок. За ними шли женщины. Милана несла на руках маленькую белокурую девочку, похожую на ангелочка.

«Все, профессор, мои приехали. Спасибо за клубнику. Вечером жду!», – крикнула Валентина и быстрым шагом направилась к воротам.

Димка хоть и стоял к матери спиной, он каким-то шестым чувством понял, что Валентина находится за ним. Повернувшись, мужчина бросил чемоданы и бегом кинулся к матери. Как обычно, он поднял Валентину на руки и закружил ее.

«Господи, поставь меня сейчас же, голова кружится», – закричала Валя.

«Ничего, пусть немножко покружится», – сказал Димка, ставя мать на землю, а потом, крепко обняв ее, добавил: «Мам, я просто дико соскучился!»

«Я тоже».

«Идем я тебя с Тиной познакомлю».

«Я же просила не называть так моего ангелочка. Что за Тина? Валентина – замечательное имя».

«А никто и не спорит. Просто в Италии его принято со-

кращать. Не нравится Тина, можно Тинучча»

«Глупость какая.! Тинучча! Мы что, в цирке что ли? Это у себя в Монтепульчано как хотите, так и называйте малышку. А в России она для меня навсегда Валюшей останется. И никаких Тинуччей!»

«Хорошо», – засмеялся Димка, – «Пошли быстрее!»

Когда маленькая Валюша обняла бабушку крохотными ручонками и поцеловала ее в щеку, Валентина расплакалась. Как долго она ждала этого момента! Какое это было счастье и самое настоящее чудо!